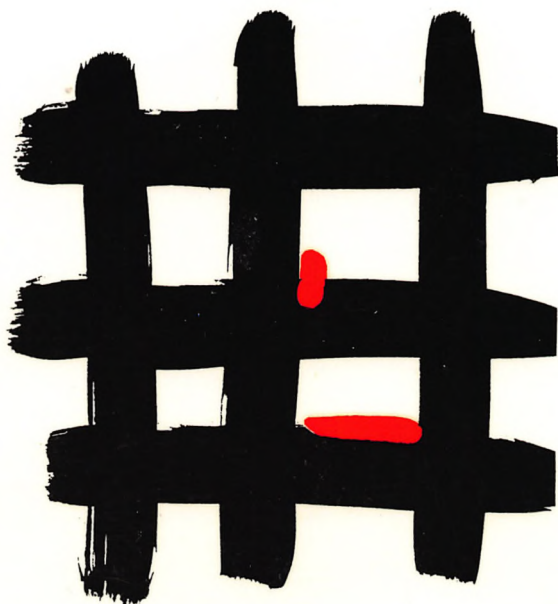

ЕВГЕНИЯ ЭВЕЛЬСОН
СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ
В СССР

**СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ В СССР**

EVGENIA EVELSON

**“SECOND ECONOMY” IN THE USSR
(TRIALS OF THE 1960s)**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1986**

ЕВГЕНИЯ ЭВЕЛЬСОН

**СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ В СССР
(шестидесятые годы)**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1986**

**Evgenia Evelson: SUDEBNIYE PROTSESSY
PO EKONOMICHESKIM DELAM V SSSR.
SHESTIDESIATYE GODY.**

**First Russian edition published in 1986
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England**

**Copyright © Evgenia Evelson, 1986
Copyright © Russian edition Overseas Publications Interchange Ltd, 1986**

All rights reserved

**No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.**

ISBN 0 903868 88 1

**This volume is published in conjunction with
the Soviet and East European Research Centre
of the Hebrew University, Jerusalem.**

Cover design by Andrzej Krauze

Printed in Israel

*ПАМЯТИ БЕЗВИННО ПОГИБШЕГО Л. Б.
ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ*

”...Исследование Евгении Эвельсон представляет собой очень важный и интересный труд. На богатейшем фактическом материале, почерпнутом из собственного долгого опыта и из опросов других участников и очевидцев, автором написана обширная и разящая картина советской действительности шестидесятых годов, недостаточно известных на Западе даже специалистам, не говоря уже о широкой общественности. Речь в книге идет, конечно, не только о самих судебных процессах, но и о хозяйственных делах как таковых, о нравах, о быте. Внимание автора сосредоточено на применении обратной силы Закона на этих процессах и на их грубой антисемитской подоплеке. Этот двуединый тезис должен привлечь внимание западных читателей...”

*Проф. Грегори ГРОССМАН,
Университет Беркли,
Калифорния, США*

”...Главный аргумент этой книги – новый. Я думаю, что, по крайней мере, до сих пор никогда его не излагали так сильно и ясно. Работа богато иллюстрирована примерами, вследствие чего под пером автора возникает достоверная картина действия в СССР ”второй” экономики. Автор активно отстаивает свои выводы, осуждая усиление репрессий в сфере экономики, происшедшее в шестидесятые годы в СССР”.

*Проф. Ф. ФЕЛЬДБРУГГЕ,
Лейденский университет,
Нидерланды*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Почти вся моя жизнь прошла в тяжелом труде и испытаниях. Я — юрист, доктор юридических наук, адвокат, преподаватель высших учебных заведений. Долгие годы работы в области юриспруденции привели меня к мысли оставить память о пережитом. Я взялась за работу, тема которой вынесена в качестве заглавия на титульный лист.

Работа охватывает годы, когда партийным и правительственным руководителем в СССР был Никита Сергеевич Хрущев. Это время имеет репутацию периода исключительного либерализма и даже удостоено у многих авторов названия "хрущевской оттепели". Однако именно тогда, в "либеральном" 1961 году, произошли отнюдь не либеральные изменения в советском законодательстве. Именно тогда были изданы правительственные Указы, предусматривавшие введение смертной казни за хозяйственные, экономические преступления. Эти Указы были подписаны тогдашним Председателем Президиума Верховного Совета Л.И. Брежневым буквально накануне XXII съезда КПСС, о котором главный идеолог партии М.А. Суслов сообщал советским читателям со страниц газеты "Известия" (второй по значению газеты страны): "Восстановлены ленинские принципы партийной жизни. В замечательном докладе тов. Хрущева дан глубокий марксистский анализ событий и перспектив развития..."*

Лишь несколькими днями раньше эта газета писала в передовой статье "Съезд строителей коммунизма": "Равноправие всех граждан, всех рас и национальностей социалистиче-

* "Известия", № 253, 24 окт. 1961.

ская демократия не только провозглашает, *но и гарантирует их реальное осуществление*”*

Как же совместить представление об ”оттепели” и ”восстановлении законности” с изданием Указов, обрекающих на физическое уничтожение людей, совершивших экономические, хозяйственные преступления? Как совместить заявления печати о равноправии и гарантиях равноправия с появлением статей, подстрекавших общественное недоброжелательство к евреям? Само сакраментальное слово ”еврей”, конечно, не употреблялось, но фельетоны и статьи о ”валютчиках” и ”расхитителях народного достояния” с завидным постоянством называли только еврейские имена и фамилии. Сталинские времена были характерны *внесудебной* расправой. При Хрущеве же беззаконие обрело вид закона, утвердившего смертную казнь за экономические преступления. И закон этот стали немедленно применять к преступлениям, совершенным *до* его принятия, то есть тогда, когда на всей территории СССР действовал *иной* закон, не предусматривавший смертную казнь за подобные деяния. С точки зрения уголовного законодательства, о котором и идет речь в данной работе, невозможно говорить ни о какой ”оттепели” в начале шестидесятых годов. Напротив, производилось открытое попираание закона, причем производилось оно самим законодателем.

Конечно, читатель вправе спросить, не только ли национальные симпатии и национальная принадлежность автора определили направление данной работы. Этот вопрос я и сама задавала себе. И отвечаю определенно: нет!

То, что правосудие в СССР было тенденциозно нацелено против евреев, то, что в ходе судебного разбирательства и в момент вынесения приговора евреи оказывались резко выделенными по сравнению с лицами других национальностей, то, что беспристрастие суда было нарушено в самом начале жестокой программой действий, навязанной суду пар-

* ”Известия”, 18 окт. 1961.

тийными директивами, — все это подтверждается как моим личным адвокатским опытом и опытом моих коллег, так и большим количеством документальных материалов, рассмотренных в данной работе, и все позволяет сделать однозначный вывод: острое репрессий в данном случае было направлено не только против самого преступления, но против *евреев*, совершивших противоправные действия.

Другой не менее важный вопрос: совершали ли осужденные лица преступления, и если это действительно так, то не защищаю ли я преступление как таковое.

Государство обязано, государство вправе заниматься пресечением преступлений, нарушающих установленный порядок, только на основе Закона. Если преступление доказано не только признанием обвиняемого, но всей совокупностью установленных следствием и судебным разбирательством фактов, адвокат, каким я являлась, не может защищать *преступление*. В таком случае возможности защиты ограничены. И адвокат избирает способ защиты в зависимости от существа дела и в зависимости от личности подсудимого.

Закон есть закон. Он направлен против преступления и лиц, совершивших его. Он не может иметь особую репрессивную направленность против той или иной национальности. Законодательные акты 1961 — 1962 гг., направленные против крупных хищений государственной и общественной собственности, против взяточничества и незаконных валютных операций, на практике, в действии, оказались особо острыми против лиц еврейской национальности. Применение смертной казни за экономические правонарушения и придание закону обратной силы было, по сути дела, возвратом к беззакониям сталинских времен.

Наконец, у читателя может возникнуть и третий вопрос: вправе ли автор взяться за исследование, характер которого определяется поставленной темой. Чтобы ответить на этот вопрос, я изложу кратко свою биографию.

Вся моя жизнь прошла в Москве.

Работать я начала очень рано, потому что по тогдашним

условиям только рабочий стаж давал право на поступление в высшее учебное заведение. И я совмещала учебу с работой на карандашной фабрике имени Красина. Начинала рабочей. Затем меня "выдвинули" на должность начальника Бюро рабочего изобретательства, а позже — в аппарат Народного комиссариата легкой и местной промышленности РСФСР. Я проводила паспортизацию всех предприятий легкой промышленности России, интересовалась экономикой и финансированием, была начальником конъюнктурного отдела, изучила на опыте структуру и деятельность промышленных предприятий. Эти присущие мне интересы неожиданно для меня самой пригодились мне и в последующей работе в качестве адвоката.

Еще не защитив кандидатской диссертации, я стала преподавать в четырех высших учебных заведениях Москвы. Моя докторская относилась к истории и теории государства и права в СССР. Тема казалась абстрактной и несовременной. Обратившись к первоисточникам, я написала монографию "Соборное уложение царя Алексея Михайловича" — об одном из самых значительных, монументальных кодексов России XVII века, — в которой подвергался анализу весь комплекс правовых институтов того времени. Буквально накануне Второй мировой войны монография была принята к изданию. Но война перечеркнула не только издательские планы, и моя книга никогда не увидела света.

В Москве я работала во Всесоюзном институте юридических наук, в Академии общественных наук при ЦК КПСС и преподавала в Институте внешней торговли и Всесоюзном заочном юридическом институте. Я была одним из организаторов юридического факультета Московского университета, читала на нем курс лекций и была заместителем декана по научной и учебной части.

Вся насыщенная преподавательская и исследовательская деятельность оборвалась для меня, как и для тысяч других евреев, во время кампании по борьбе с космополитизмом, в конце сороковых годов. Я тогда была ученым секре-

тарем кафедры теории и истории права во Всесоюзном заочном юридическом институте. В качестве такового мною было написано и опубликовано пространное "Методическое письмо по курсу истории государства и права в СССР". Наверху первого листа стоял гриф "Одобрено и утверждено кафедрой теории и истории права. Рекомендовано студентам по курсу. Завкафедрой — проф. К.Мокичев. Москва. 1950".

К.А.Мокичев был не только нашим завкафедрой и профессором нашего института, он был заместителем Генерального Прокурора СССР. Но ни он сам, ни его имя и апробация не защитили меня и не спасли от катастрофы. Обвинение было серьезным: я была объявлена *космополитом*, поскольку недостаточно осветила роль русского народа в начальной стадии формирования государства и не отразила ведущую роль И.В.Сталина... в древнейшей истории. Я была уволена и, конечно же, ожидала ареста. Тем более, что обыск уже был. Что спасло меня? Положение вдовы погибшего воина? Маленькая дочь? Просто случай?.. Ареста не последовало. Но мучили меня долго.

Я не могу здесь удержаться от того, чтоб не остановиться на обстоятельстве, которое мне кажется многозначительным. У меня были товарищи-юристы, участвовавшие в Процессе против фашистских военных преступников в Нюрнберге. Они рассказали мне, что в числе предъявленных суду вещественных доказательств была книга, изданная фашистами в оккупированном ими Минске в 1942 году, "Правда о евреях в СССР". С немецкой педантичностью книга перечисляла всех евреев, занимавших в советской иерархии сколько-нибудь значительные посты, всех евреев — деятелей науки или искусства. Странно, но в этом перечне нашлось место и моему скромному имени в разделе евреев-юристов и даже с полным указанием темы моей диссертации. Два смертельных луча двух родов тоталитаризма скрестились на одном маленьком человеке. Удивительно, как удалось уцелеть...

Когда-то нарком юстиции Н.В.Крыленко благословил

меня после защиты диплома остаться на исследовательской и преподавательской работе: "Нам нужны *свои* молодые и способные ученые!" Теперь, в послевоенные сталинские годы, я была объявлена "безродным космополитом"... И могла поразмыслить на свободе: кому и зачем нужны *свои* ученые... Я не могла задать этот вопрос Н.В.Крыленко — он пал жертвой истребительного террора конца тридцатых годов. И разве только он? Один за другим, исчезали люди, с которыми сводила меня в разные периоды жизни работа: наркомы К.К.Стриевский и К.В.Уханов, под руководством которых я работала в наркомате легкой и местной промышленности, мой научный руководитель — проф. Вольфсон, главный консультант советского полпреда в Германии Хинчука. После их исчезновения моим научным руководителем стал проф. Б.Л.Борисов, член комиссии по разработке советской Конституции 1936 года (так называемой Сталинской), — но и он на долгие годы исчез в лагерях. Руководительница моей дипломной работы "Предание суду" Раиса Герчикова, зампрокурора Российской Федерации, в ожидании неизбежного ареста застрелилась в своем рабочем кабинете... Все эти люди много сделали для меня, тогда еще просто неопытной девчонки. Всех их впоследствии посмертно реабилитировали. Хочу помянуть их здесь добрым словом... Я уцелела. "Отец народов и лучший друг советских юристов" умер. Но вернуться к науке и преподаванию у меня уже не было сил.

Я стала адвокатом, членом Московской городской коллегии защитников. Около десяти лет, ведя большую практическую работу в адвокатуре, была одновременно директором Московского института повышения квалификации адвокатов. Я избегала политических дел — боялась, что мои высказывания окажутся острее и резче речей подсудимого. Сосредоточилась на так называемых *экономических делах*. По многим из них мне довелось выступать в Верховных Судах союзных республик, в Военных трибуналах округов, в Военной коллегии Верховного Суда СССР. Хозяйственные дела требовали кропотливой разработки: счета и отчеты, ак-

ты экспертиз и ревизий. Знания промышленности и финансов, приобретенные мною в годы работы на фабрике и в наркомате, оченьгодились. И эту мою специфическую подготовку, знания и дотошность уважали судьи и ценили защитные. Адвокатам Москвы и студентам МГУ, кроме общего курса по специальности, я около десяти лет читала факультативные лекции о структуре и методике защиты по делам об экономических правонарушениях.

Мои клиенты в графе "образование" зачастую писали "начальное". Но это были министерские головы! Настоящие бизнесмены! В свободном мире они возглавляли бы концерны, корпорации и тресты. А здесь они ожидали судебного приговора, часто — смертного. И всего охотнее смертные приговоры "справедливый суд" выносил *евреям*. Приговоры по "валютным делам" и делам о хищениях и частнопредпринимательской деятельности были жестокой расправой над лидерами "левой" экономики, существование которой отнюдь не было секретом для партийных и государственных властей на всех уровнях и стало возможным только благодаря их собственным корыстным интересам, их готовности *за взятки* перекачивать в "левую" экономику сырье и оборудование, предназначенные Госпланом для государственных предприятий. По воле Никиты Хрущева заодно с подсудимыми расправились и с самим законом.

Передо мной проходили в качестве клиентов "валютчики", "трикотажники", "расхитители"... Иногда это были люди, имевшие в прошлом общественные или боевые заслуги, иногда — люди, вышвырнутые из любимой области труда и творчества политикой государственного антисемитизма и вынужденно нашедшие себе прибежище в торговле, иногда — старики, инвалиды, тяжелобольные... Но если подсудимые были евреи, суд не знал смягчающих обстоятельств, а процесс и приговор приобретали стойкий антисемитский привкус.

Благодаря работе адвоката, зловещий мир "архипелага ГУЛАГа" приоткрылся мне, хотя и частично.

В ходе процессов по экономическим делам вскрывались вещи, далеко выходявшие за рамки рассматриваемого в суде дела, и обнажалась картина государственной коррупции, взяточничества на всех уровнях партийно-государственного и судебно-прокурорского аппарата. И порой оказывалось, что на скамье подсудимых следовало бы сидеть секретарям обкомов, директорам предприятий, высоким армейским чинам. Иногда — не часто — так и происходило. Очень часто оказывалось, что подсудимые вынужденно вступали на путь противоправных действий в силу жестко сложившейся системы коррупции и взяточничества в промышленности и торговле.

Эти заметки о себе имели целью дать читателю представление о том, что у автора есть определенный опыт и кругозор, позволяющий обнажить сущность устрашающего закона о борьбе с экономическими преступлениями и правонарушениями и раскрыть картину организованного государством особо пристрастного преследования евреев, которую я наблюдала как адвокат-практик и как юрист-исследователь.

В годы преподавания я всегда начинала курс лекций по теории и истории государства и права СССР упоминанием о великом завоевании Октябрьской революции — *о равноправии всех народов, населяющих Советский Союз*. Но моя практическая работа в адвокатуре в течение тридцати лет убедила меня в том, что в СССР закон давно вытеснен беззаконием, а принцип равноправия к евреям не относится. Этой проблеме и посвящена настоящая работа.

Работа состоит из четырех глав. В книге описываются 400 крупных судебных процессов. Рассматривается трансформация Закона о смертной казни применительно к экономическим правонарушениям. Приводятся многочисленные данные, позволяющие утверждать, что в стране наличествуют и сосуществуют две экономики — государственная и подпольная, так называемая "левая". В главе "Статистический анализ" дан анализ состава преступления и применения судом меры наказания по экономическим делам. Прилагает-

ся список евреев, приговоренных судом к смертной казни за экономические преступления (по процессам, приводимым в этой книге). Другой список содержит перечень учреждений и предприятий, работники которых совершали противоправные действия и были связаны с лицами, осужденными за эти действия.

* * *

Завершение настоящей работы оказалось возможным благодаря поддержке Фонда имени Матвея Гинзбурга, которому я приношу мою искреннюю благодарность. Хочу также поблагодарить за участие Фонд имени Ахват Йосеф, Фонд Сарры и Йонатана Штерн и Фонд имени Леи Гольдберг.

В течение нескольких лет работая над книгой, я постоянно чувствовала внимание и дружеское участие своих коллег из Центра по изучению Советского Союза и стран Восточной Европы при Еврейском Университете в Иерусалиме. Пользуюсь случаем поблагодарить за ценные замечания и обсуждение профессора Бенъямина Пинкуса, доктора философии Идит Френкель, профессора Йонатана Френкеля, доктора философии Теодора Фридгута.

Моя сердечная признательность тем ученым, которые взяли на себя труд прочесть рукопись по окончании работы и изложить свое мнение о ней — профессору Грегори Гроссману из Университета Беркли (Калифорния, США), профессору Ф.Фельдбругге из Лейденского университета (Нидерланды), профессору Мордехаю Альтшуллеру из Еврейского университета (Иерусалим, Израиль).

Благодарю Симу Ицикас, сотрудницу Центра по исследованию восточноевропейского еврейства при Еврейском Университете в Иерусалиме, за постоянную помощь в предоставлении необходимых для работы материалов.

Выражаю признательность литературному редактору этой книги Наталье Рубинштейн.

Глава первая

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ДВУХ ЭКОНОМИК В СССР

Сегодня в хозяйстве любой страны свободного мира государственный сектор соседствует с сектором частной инициативы, перспективное планирование сочетается с предпринимательской свободой отдельных лиц. И такое сочетание обеспечивает быстрый отклик промышленности на запросы населения, четкость торговли, улучшение качества товаров и, в целом, повышение жизненного уровня для всех членов общества.

Иное дело — хозяйственная структура в СССР. (В ее основание заложено признание правомерными и законными только социалистических форм собственности — как государственной, так и общественной, кооперативной — на средства производства.) Вот как об этом говорится в Конституции СССР, глава 2-я (“Экономическая система”):

Ст. 10. Основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности. Социалистической собственностью также является имущество профсоюзных и иных общественных организаций, необходимое им для осуществления уставных задач.

Никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях.

Ст. 16. Экономика СССР составляет единый народно-хо-

зяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны. Руководство экономикой осуществляется на основе государственных планов экономического и социалистического развития с учетом отраслевого и территориального принципа при сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций. При этом активно используются хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость и другие экономические рычаги и стимулы*.

Такова теория. Для того, чтобы она осуществлялась на практике, план развития народного хозяйства СССР предусматривает создание и распределение фондов сырья и оборудования для той или иной отрасли хозяйства, в соответствии с тем значением, которое ей придается государством в настоящее время. Распределение сырья и оборудования производится строго по распоряжению уполномоченных на то государственных учреждений и только по нарядам за подписью ответственных должностных лиц. Так должно быть.

Но действительно ли дело обстоит именно так в реальной жизни? И было ли когда-нибудь в истории Советского Союза такое время, когда не существовало бы частной собственности и процветала бы лишь государственная плановая экономика? Почти любой советский человек знает, что существует и всегда существовала другая, левая, экономика, подпольный мир частнопредпринимательской инициативы. Левая экономика зачастую прячется под вывеской государственных учреждений. Законом она запрещена. Левая промышленность занята исключительно производством тех предметов, которых не хватает населению в каждодневном быту и нужду в которых постоянно игнорирует государственный план. Левая экономика — постоянный спутник плановой экономики и ее неизбежный корректив. Существование го-

* Конституция СССР. Газета "Правда", № 281/21616/. Москва, 8 окт. 1977.

сударственной и *левой* экономики происходит непрерывно: оно имманентно самой природе социалистического хозяйствования, пренебрегающего бытовыми потребностями граждан и сосредоточенного на наращивании военной мощи государства.

В истории советского государства был период, когда власть признала невозможность ведения хозяйства страны без участия в нем индивидуальной предпринимательской инициативы. Ленинская "новая экономическая политика" (НЭП), введенная в 1921 году, допускала частный капитал и развитие частнопредпринимательской деятельности. Власть ожидала не только привлечения частного капитала, но и прямой помощи от "капиталистов" во всех отраслях промышленности. Иностранные концессии и привлечение иностранного капитала — особая тема, не входящая в поле зрения автора данной работы.

В дальнейшем тоталитарная страна теснила и отменяла индивидуальную инициативу: было объявлено, что с ликвидацией кулачества (практически, наиболее инициативной части крестьянства) страна перешла к развернутому строительству социализма и более не нуждается в услугах частного капитала. Но частное предпринимательство не умерло с отменой НЭПа, оно лишь видоизменилось и, соседствуя с плановым хозяйством, дожило до сего дня.

Где находила свои кадры вторая экономика? Действительно ли, как многократно писали в газетных фельетонах, частной промышленностью занимались только носители темных пятен проклятого прошлого в сознании, никак не связанные с новой действительностью?

Приведу пример. Сразу по окончании Второй мировой войны, на торжестве по случаю выпуска офицеров, закончивших военные академии, Сталин провозгласил знаменитый тост за процветание "великого русского народа, первого среди равных советских народов". Руководящее указание было воспринято мгновенно: на всех должностных уровнях в СССР стали избавляться от лиц, "не принадлежащих

к коренной национальности”... Это был длительный процесс, который впоследствии получил название ”кампании по борьбе с безродными космополитами”, под каковыми подразумевали почти исключительно евреев.

Среди евреев, изгнанных с работы в ходе кампании против безродных космополитов, были люди с хваткой, образованием инициативой и темпераментом, участники недавней войны, имевшие тяжелые ранения и почетные награды. Теперь они искали применения своим силам, но конъюнктура в государственных учреждениях и на государственных предприятиях была неблагоприятна для людей, которые в пятой графе анкеты, графе ”национальность”, писали слово ”еврей”. Многие из них влились в систему местной промышленности, обогатили ее своими опытом и знаниями, способствовали ее развитию и, тем самым, удовлетворению нужд советского населения в остро необходимых товарах.

Местные власти поощряли развитие артелей, привлекавших к труду надомников и инвалидов, производивших одежду, обувь, домашнюю утварь. Эти артели работали на устаревшем оборудовании, использовали в качестве сырья отходы больших предприятий, но выпускали продукцию, за которой в магазинах страны очереди устанавливались с ночи. Нужда в промышленных товарах первой необходимости была такая, что их расхватывали, несмотря даже на невысокое качество изделий.

Для партийно-правительственных служащих существует ”закрытая сеть снабжения” — спецмагазины и распределители. Там они могут без труда получить по ”твердым ценам” товары и продукты, не всегда знакомые простому гражданину даже по названию. Но рядовых советских людей надо было снабдить хотя бы предметами первой необходимости. Эту задачу ставили себе мелкие предприятия местной промышленной кооперации. И хотя они работали на допотопном оборудовании и использовали бросовое сырье, они стали привлекать рабочие руки и думающие головы, которыми пренебрегали в силу новой политической линии государст-

венные учреждения и предприятия. Неудивительно, что в них осело много евреев. Здесь не слишком придирались к "пятому пункту", но зато ценили практический опыт, сметку, умение и старание. Евреи быстро заняли в этих артелях и фабриках ведущие посты. Они создали и укрепили эти малые предприятия. Они наладили производство, способствуя развитию и расширению местной промышленности, содействуя, хотя бы отчасти, уменьшению товарного голода в стране. И пока они были нужны — их труд поощрялся и Законом открыто не преследовался.

Однако для расширения производства и удовлетворения спроса населения не хватало сырья, станков; не было легального рынка, дозволенного органами планирования расширения производства. Сырье под видом "отходов" большого производства может "спустить" директор крупного предприятия. Другой "командир производства" может отдать новый станок под видом "устаревшего". Работники местных учреждений, возможно, не прореагируют на происшедшее расширение производства. А органы контроля могут ничего этого "не заметить". Если... если все упомянутые должностные лица будут иметь свой собственный материальный интерес в развитии данного подпольного бизнеса, то есть в укреплении *левой экономики*. Так возникает коррупция — корыстное сращивание мелкого кустарно-фабричного производства с личными материальными интересами служащих госучреждений и планирующих органов. Эти "личные материальные интересы" состояли, попросту говоря, в получении крупных взяток, которые взимались с работников местной кооперации распределителями государственных фондов сырья и оборудования и руководителями предприятий советской торговли. Так *левая* промышленность возрастала под крылом у плановой экономики, с негласного благословения официальных лиц. А когда мелкое предприятие по производственному оснащению и объему выпускаемой продукции становилось значительным, его официально переводили в ранг фабричного.

Без поощрения — всегда за взятки — со стороны лиц, имевших служебные возможности оснащать артели и мелкие фабрики сырьем и оборудованием, *никакое развитие левой экономики вообще не оказалось бы возможным*, ибо никакое производство в Союзе не может выпустить ни одной единицы никакого вида продукции, без того, чтобы лица, ответственные за распределение фондируемого сырья и оборудования, не приняли бы в этом непосредственного участия.

Однако, хотя развитие левой промышленности происходило за счет постоянно совершаемых хозяйственных правонарушений, при полном сращивании корыстных интересов производителей, официальных лиц высоких рангов и работников торговли, вся эта деятельность учитывала и отчасти удовлетворяла интересы простых потребителей. Левая промышленность подправляла плановую экономику. Подчеркиваю еще раз: *двойная экономика имманентна советскому хозяйству, поскольку государственное планирование озабочено только наращиванием военного потенциала и пренебрегает насущными потребностями основной массы населения.*

И все же мало-помалу государственное производство товаров широкого потребления растет, хоть и не в тех темпах и не того качества, каких требует спрос. И по мере роста и укрепления плановой легкой промышленности начинается наступление на частнопредпринимательскую деятельность. И статья 153 УК РСФСР* из мертвой статьи формального запрета становится широко и грозно применимой, действующей в масштабах всей страны.

Вскоре наказание, назначаемое по этой статье — лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества, —

* "Частнопредпринимательская деятельность с использованием государственных, кооперативных или иных общественных форм — наказывается лишением свободы на срок до 5 лет с конфискацией имущества или ссылкой на срок до 5 лет с конфискацией имущества..." УК РСФСР. М., 1970, стр. 59, статья 153.

начинает казаться недостаточным руководителям государства. Отныне подпольный бизнес стал квалифицироваться не как "частнопредпринимательская деятельность", а как "хищение социалистической собственности". И таковое определение влечет за собой ужесточение санкций. Сейчас советский Уголовный Кодекс квалифицирует эти противоправные действия как экономические преступления.

Но каким образом частное производство, даже подпольное, может быть сочтено "хищением"? Здесь потрудились ученые-юристы, "научно объяснив", что частнопредпринимательская деятельность является "хищением социалистической собственности", поскольку в этом случае речь идет об "упущенной выгоде государства". Хищение же наказывается различно в зависимости от масштабов деяния, причем различаются мелкое хищение, крупное и хищение в особо крупных размерах (последнее имеет место, если ущерб превышает 10 000 рублей). Эта юридическая новинка вошла в обиход в тот период, когда главой правительства был Н.С.Хрущев, а председателем Президиума Верховного Совета — Л.И.Брежнев.

Для того, чтобы существовать и развиваться, *левая экономика*, как уже говорилось, нуждалась в покровительстве представителей органов власти и государственного планирования. Но она не смогла бы просуществовать сколько-нибудь значительное время, если бы находчивость и активность производителей и торговых работников не опиралась во многих случаях на купленную за взятки поддержку со стороны представителей тех государственных инстанций, чьей прямой обязанностью была охрана и защита... социалистической собственности. *Левая экономика*, расширяя свои противоправные, с точки зрения советского законодательства, действия, нередко опиралась на оплаченные услуги работников прокуратуры и Отдела борьбы с хищениями социалистической собственности (ОБХСС).

Газеты неоднократно освещали уголовные процессы взяточников, работников суда и прокуратуры, но они не

опубликовали закрытого письма Н.С.Хрущева к членам партии — оно повсеместно читалось на партсобраниях — о процветании взяточничества в судебно-прокурорских органах. Там указывались имена высокопоставленных чинов суда и прокуратуры. Процессы над ними проходили, разумеется, закрыто.

Несмотря на практику сурового подавления всякой частной инициативы, государству так и не удалось — и можно смело предположить, что не удастся и в будущем, — истребить *левую* экономику. *Левая* экономика есть оперативный и живой отклик на реальные потребности населения, и этот отклик имеет тем большее значение, что плановая экономика недостаточно интересуется нуждами граждан, стремится лишь обеспечить интересы государства, которые резко отличаются от интересов общества.

Вот несколько примеров того, как "вторая" промышленность реагирует на возникающий спрос.

В начале шестидесятых годов в городах Центральной России возник большой покупательский ажиотаж в связи с появлением на прилавках легких дождевиков "болонья". Достать эту импортную диковинку можно было только за дополнительную мзду или по блату (по знакомству). Но вот, возвращаясь в Москву и Ленинград из деловых поездок в Грузию, командировочные стали привозить домой произведенные в Грузии "болоньи". В Грузии частнопредпринимательская деятельность процветала, и местные власти по возможности поощряли ее. Развивавшаяся, благодаря частной инициативе, *левая* промышленность учитывала потребности членов общества. В Грузии на лотках свободно лежали плащи местного производства, пусть из худшей ткани и не столь элегантного покроя, как итальянские. Небалованному советскому покупателю и грузинская "болонья" была достаточно хороша.

Точно так же, едва в государственных магазинах стало продаваться преимущественно из-под полы цветное дамское

белье из шелкового трикотажа, — грузинские частные предприятия оперативно "выбросили" аналогичный товар на местный рынок. Вошли в моду высокие лакированные сапожки — и немедленно среди столичных модниц пронесся слух, что сапожки, "почти как импортные", можно привезти из Грузии.

Конечно, и в Грузии действовал все тот же советский Уголовный Кодекс, и проводились процессы, преследующие частную инициативу и раскрывающие коррупцию и взяточничество местных властей. И процессы эти порой завершались расстрелами. И все же в Грузии ярко проявилась способность *левой* экономики оперативно откликаться на спрос и нужды населения.

Другой пример — Киргизия, где вся республика была охвачена частнопредпринимательской деятельностью и где интересы государственной власти оказались прочно сращены с миром частной инициативы. В конечном счете, вся эта сложная двойная хозяйственная деятельность населению приносила только пользу.

Но Грузия, Киргизия — это, так сказать, "далеко от Москвы". А знаменитый уголовный процесс, известный юристам под названием "Раменская резинка", происходил как раз в столице.

Резинка имелась в виду обычная, продержная резинка для трусиков. Изготавливалась она в подмосковном городе Раменское, но изготавливалась в количествах явно недостаточных. А нужда в такой резинке у послевоенного населения была огромна. И деятельные частные предприниматели за счет строгой экономии и за счет *левого* сырья занялись производством продержной резинки, прикрывшись вывеской государственных учреждений. Эту резинку деловые люди в частном порядке доставляли самолетами во все районы Советского Союза. И за эту полезную работу по обеспечению населения нужным товаром Верховный Суд под председательством члена Верховного Суда Гаврилова осудил группу людей на длительные сроки лишения свободы, а глав-

ного обвиняемого, признавшего свою вину и возместившего весь материальный "ущерб", — на двадцать пять лет лишения свободы.

Сырьем для *левой* трикотажной промышленности в большинстве случаев служили отходы производства прядильных фабрик. Только иногда Госплан спускал фонды для этой, так называемой местной промышленности, и то в очень незначительных размерах. Сырьем для производства были капроновая пряжа, полушерстяная или льняная нить. Требовалось приложить руки и голову, чтобы, комбинируя плановое и внеплановое, полученное официальными путями и путями неофициальными сырье, наладить выпуск продукции. Руководители левых предприятий расширили рынок сбыта, выйдя далеко за пределы Москвы и Московской области, того района страны, где расположены центральные руководящие и планирующие учреждения. Рынком сбыта для текстильной продукции этих малых предприятий был практически весь Советский Союз. В *левые* джемпера, *левые* кофты, чулки, белье самых немислимых расцветок одевалось все послевоенное население советской страны. А на деле емкость внутреннего рынка была гораздо больше, и товаров этих всегда не хватало.

Постепенно, приобретая все больший размах, интересы мелкого артельного или фабричного производства срастались с интересами сотрудников местных и центральных руководящих органов, с интересами работников планирующих организаций. За взятки поступали наряды на сырье и оборудование для местной промышленности; ассортимент выпускаемой продукции расширился, количество ее увеличилось. Число рабочих, занятых на этих предприятиях, возросло. Станочный парк обновился, поскольку, хотя по документам артелям и мелким фабрикам передавалось списанное устаревшее оборудование, на деле они получали практически новые станки. Процесс этот длился годами. И когда предприятие кустарной промышленности по оборудованию и выпуску продукции достигало крупных размеров, его пе-

реводили в разряд фабрики областного значения. Поступательное развитие кустарной промышленности происходило и при поддержке и покровительстве местных, республиканских, а зачастую и всесоюзных органов.

Наличие и сосуществование двух экономических систем в СССР есть неизбежная реальность. Сращение интересов деятелей "второй" экономики с интересами должностной верхушки государственных ведомств есть аксиома. И до тех пор, пока государственное планирование игнорирует нужды населения, попытки Закона до конца истребить частное предпринимательство при любых жестокостях обречены на провал. Закон обходили всегда и везде. Даже в период усиленных репрессий хрущевского правления, когда с изданием Указов 1961 – 1962 гг. частнопредпринимательская деятельность под вывеской госучреждений, квалифицированная как хищение, стала особо резко преследоваться.

Репрессии начала шестидесятых годов были направлены не только против самого преступления, но имели особую заостренность против лиц еврейской национальности. Это видно из анализа документов тех процессов, в которых я сама участвовала в качестве защитника, из рассказов и воспоминаний моих коллег, участвовавших в аналогичных судебных делах, и, наконец, из материалов тогдашней прессы, выдержки из которой я помещаю ниже в "Приложении" к этой главе. Просматривая эти выдержки, читатель сможет сам составить мнение о национальном составе обвиняемых, о причастности к противоправной частнопредпринимательской деятельности лиц, облеченных доверием государства, и о географии распространения интересующих нас правонарушений.

Вот основные выводы из всего сказанного выше:

1. Сосуществование двух экономик, государственной плановой и внеплановой, л е в о й, есть непрерывный процесс, имманентный тому типу ведения народного хозяйства, который принят в Советском Союзе, где государство озабоче-

но лишь наращиванием военной мощи, пренебрегая нуждами населения.

2. *Существование и процветание л е в о й экономики* оказывается возможным только благодаря противоправной перекачке фондового сырья и оборудования из системы планового хозяйства в л е в у ю экономику. Эта перекачка производится всегда нелегально, всегда за деньги, всегда за взятки.

3. *Л е в а я экономика* – постоянный спутник и корректив государственной-плановой экономики Советского Союза. Ее невозможно отменить никакими декретами, ее не уничтожить никакими мерами, никакими устрашающими законами. Изменить положение могло бы только обеспечение населения в полной мере всеми насущными товарами и допуском творческой частной инициативы.

4. *Интересы деятелей л е в о й экономики* тесно переплетены с интересами держателей и распределителей фондов сырья и оборудования, с интересами крупных работников предприятий государственной торговли.

5. *Усиление репрессий* производилось не только по отношению к экономическим преступлениям, но своим острием было направлено против граждан еврейской национальности, что соответствовало общей линии национальной дискриминации в Советском Союзе.

6. *Л е в а я экономика, частнопредпринимательская деятельность* существует в СССР и по сей день. Ее живучесть подтверждается не только газетными сообщениями прошлых лет, но и информацией, которая появляется на страницах советской прессы настоящего времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 1

СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ НАЧАЛА ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

РСФСР

...За особое вознаграждение они "добывают" фондируемые материалы и оборудование... Группа таких дельцов — Аронов, Шиферсон, Райцес, Трайдман и другие, не занимавшиеся общественно-полезным трудом, — долгое время подвизалась в снабженческо-сбытовых организациях и предприятиях местной промышленности Московской, Ивановской и других областей РСФСР, Грузинской, Узбекской и Украинской ССР. Жулики, подкупая нечестных работников, оформляли наряды на незаконное получение текстильного сырья и трикотажного оборудования, которое затем, также за взятки, переправляли заинтересованным лицам на Украину, в Азербайджан, Грузию, Казахстан. А там "левое" сырье превращалось в "левый" товар...

В. Тикунов, министр внутренних дел РСФСР.
"Дело Госплана". "Известия", 13 апреля 1962.

...Заместитель Генерального прокурора СССР Н. Жогин сообщает: "Разоблачена группа преступников во главе с частным предпринимателем Крайзманом.

Подкупая должностных лиц некоторых торговых и сбытовых снабженческих организаций, Крайзман и его соучаст-

ники производили в Ленинграде и Вологодской области незаконные закупки фондируемых продовольственных товаров и поставляли их в другие области.

Преданы суду должностные лица некоторых торговых баз Ленинградского управления торговли — Шейнин А.И., Прицкер И.Г., Коркин В.Н., Мнускин И.Х. и другие, систематически получавшие взятки от преступников”.

”Советская Россия”, 26 августа 1961.

...Владимир Ткаченко занимал пост директора Шуйского машиностроительного завода, а вел себя как заправский городничий Сквозник-Дмухановский. Взятки брал средь бела дня. И не разменивался по мелочам: брал крупными купюрами.

Усердно помогал ему в этих операциях Моник Краковский — начальник отдела сбыта, правая рука директора завода.

Георгий Курбанов был рангом ниже Ткаченко. Этот ходил в заместителях директора Климовского машиностроительного завода. Но действовал точь-в-точь как его старший коллега. Кто из них загребал искуснее — трудно сказать, ибо брали они порознь, независимо друг от друга, но с одинаковой сноровкой: хапали капитально!

Клиентура у них была самая отпетая: в Средней Азии, в некоторых промкомбинатах Кавказа и Казахстана и ловкие дельцы, свившие себе гнездо близ Черного моря...

Ходоки не скупились на взятки. У них была своя золотосная жила. Они подвизались на промышленных комбинатах и ткацких фабриках, где были вскрыты крупные хищения. Именно здесь и черпались средства на выдачу взяток. Комбинаторы оставляли часть продукции неучтенной, сбывали ее ”налево”, а выручку клали в карман.

Но ведь ткацкий станок не мясорубка, которую может купить каждый. Его отпускают по государственному плану и только по наряду планирующих органов. Каким же обра-

зом, способом доставали хапуги станки-автоматы? Как они обходили Закон?

А вот еще один — Владимир Зайцев. Служил в Московском областном совнархозе, именовался инженером-текстильщиком, а обслуживал взяточников. Он взял себе на откуп главных поставщиков оборудования — Ткаченко и Курбанова, сводил их с "покупателями" ткацких станков, распивал с ними щедрые магарычи и получал хорошую мзду.

Долго орудовала эта матерая компания. Она растранижила более 900 станков!

Н. Воробьев.
"Правда", 9 августа 1963.

...Завод Киевского Горместпрома. Здесь под государственной вывеской создали "собственное предприятие" по выпуску дефицитных красок. Скрыто от учета 77 тонн цинковых и литопонных белил и другого сырья. Изготовлено 459 тонн на 400 тысяч в новых деньгах.

Втянуты в орбиту этих действий — Киевский лакокрасочный завод, Дарницкий канифольный завод, Киевский хозторг. За все получали мзду руководители: директор Надточий, главный инженер тов. Борейко, главбух Бараз, начснаб Городецкий, завскладами Ягнетинский и Кобылянский; сотрудник Киевского Горместпрома Литвак и работник Главхимпрома Министерства Местной промышленности Шнейдман, и начальник КРУ — Белицкий. Все "нужные" люди получали по принципу "не подмажешь — не поедешь".

Подобные факты не единичны — они были вскрыты в Эстонии, в Латвии, где махинации коснулись разных видов продукции массового потребления. Это уже было в Одессе, где отдельные работники Облесполкома создавали "благоприятную" обстановку для злоупотреблений при отпуске сырья. Источник взяток — расхищение государственных и общественных средств. Это касается всех звеньев хозяйственной, снабженческой и торговой деятельности, заготовительных организаций и даже колхозов.

Г. Гольст, государственный советник юстиции III класса.
"Отчисления на взятку". "Экономическая газета", 18 марта
1961.

...В системе Министерства торговли в течение нескольких лет, в Московском Горсовнархозе и других государственных учреждениях орудовала группа взяточников. Она нарушала работу учреждений, ведавших плановым распределением товаров и сырья. В Госплане ответственный Немтинов за взятки выдавал наряды на вискозу. Он стал участником крупных преступных сделок, география которых расширялась. В Грузию и Узбекистан направлялись контейнеры с дефицитным сырьем, а также во Львов – капроновое волокно...

...Около Немтинова, Щербины, Капитонова кружилось воронье...

"Советская Россия", 26 мая 1964.

...Саксаганский был "посредником" по поставке дефицитных товаров колхозникам различных областей и республик. Крым, Грузия, Одесса, Карелия, Свердловск. Он же был связан с сотрудниками Госплана СССР. Следствие установило, что один из пятерых взяточников оказался и в Госплане СССР. Он помогал Саксаганскому получать наряды на дефицитные товары. Эти наряды проходили через руки многих работников различных ведомств, которые подписывали наряды не задумываясь...

/Далее газета "Труд" называет учреждения, замешанные в деле Саксаганского, позже расстрелянного по суду, – Госплан СССР, Мосгорсовнархоз, Свердловская контора "Росглавчерметснабсбыт", Петрозаводский мясокомбинат, Росглавхимснабсбыт, Госплан РСФСР, Мосгорстройремонтмонтаж. – *Примечание автора.*/

"Труд", 25 и 26 мая 1963.

...На Тушинской красильной фабрике окопались дель-

цы, совместно действующие с трикотажниками. Здесь был организован полностью "левый" красильный цех и широко сбывалась "левая" продукция.

Кто им помогал во всем? Кто они? Начальник отдела Министерства торговли РСФСР Флиорент Исай, управляющий центральной базой "Мосгалантерея" М.Рацимор и его заместители – Израилов, Иосиф Клемперт и другие.

/Верховный Суд приговорил взяточполучателей – должностных лиц, русских – Немтинова, Щербинину и Капитонова (Госплан и Министерство торговли) соответственно к 10, 8 и 6 годам лишения свободы, а евреев, взятодателей, Флиорента и Клемперта, – к расстрелу. – Примечание автора/.

"Труд", 24 января 1964.

...Подпольная фирма "Дундуа и сын" заработала в полную меру... Нужно было договориться со всемогущим Акономым из Совета Министров Карельской АССР о суммах взяток за поставляемый ими лес... Дундуа был нелегальным агентом Тбилисского лесоторгового склада...

"Труд", 15 сентября 1963.

/В Ростове/ ...Росглавмашсбыт ВСНХ. Здесь брали взятки должностные лица... Новошахтинский горисполком организовал цех по производству капроновых изделий, но не было для этого ни сырья, ни фондов, ни оборудования. За взятки при помощи посредника приобрели и то, и другое, и третье... Такая же картина в Краснодарском крае: за деньги (за взятки) получили незапланированное оборудование... Московская швейно-галантерейная фабрика № 3 за взятки забрала наряды на вакуум-насосы, предназначенные Пензенскому совнархозу... Московский ликеро-водочный завод за оборудование, полученное сверх фондов, расплачивался своей продукцией...

Все это говорит о том, что к государственным планам

поставки оборудования у некоторой части сотрудников, мягко говоря, легкомысленное отношение...

”Экономическая газета”, октябрь 1962.

/В городе Горьком/ ... торговали вагонами... Более 150 вагонов для перевозки ”левых” грузов было продано. Подвижной состав доставлял ”левые” грузы за взятки в разные места и разным частным лицам. На Горьковской железной дороге открыто, долго и организованно действовала группа взяткополучателей...

”Медицинский работник”, 24 февраля 1961.

...И. Генн был посредником в деле поставок за взятки внефондовой трикотажной пряжи. Он проделывал это вкупе с другими дельцами и снабжал трикотажно-ткацкие фабрики во Львове и Омске... Тем же занимался и Гринберг, доставлявший сырье в Горловку, где был открыт ”левый” трикотажный цех... За взятки же начальник Росглавстройсбытснаба отправлял оборудование в Ивановскую область, где также был организован цех ”левых” трикотажных изделий... В Западно-Сибирском совнархозе разрешали отгрузку в чужие районы фондовой пряжи в то время, как план своих предприятий не выполнялся...

”Экономическая газета”, 3 июня 1963.

/В Перми/ ...Левитин, заместитель председателя райисполкома, а затем и председатель его, — организатор крупного хищения и матерый взяточник...

”Известия Советов депутатов трудящихся”, май 1965.

У К Р А И Н А

В ходе моего исследования и статистических выкладок, сделанных мною, обнаружилось, что именно Украина занимает своеобразное первое место и по репрессиям, и по суровости этих репрессий, и по особому отношению к подсуди-

мым-евреям, и по произвольному толкованию Закона. Я говорю о периоде правления Н. С. Хрущева во всесоюзном масштабе и о годах, когда Хрущев был правителем Украины. В несомненной связи с характером директив "шефа" на Украине еще в 1952 году утверждалось – и это же пресса продолжала твердить и позже, – что торговые работники Украины враждебно относятся к советской власти, нарушают правила торговли, занимаются расхищением государственного имущества. Их судили по аналогии – как за "экономическую контрреволюцию". Статья из "Правды Украины" от 29 февраля 1952 года приводится в книге во второй главе. – Е. Э.

/В Херсоне/ ...Начальник Областного управления материально-технического снабжения и ремонтно-технических станций В.С.Готлиб и его заместитель С.А.Хаин организовали "досрочную доставку" тракторов колхозам и совхозам области.

Порядок поставок новых машин известен: Госплан СССР распределяет, а Совет Министров утверждает, сколько, когда и в какую республику отправить машин. Советы Министров республик утверждают разнарядки по областям. Областные организации распределяют их по колхозам и совхозам.

Готлиб и Хаин объявили, что они могут "подправить" утвержденные правительством планы, но при одном условии: ... – гоните деньги...

Готлиб и Хаин не только брали взятки, но и сами давали их. Дорожка, протоптанная ворами и взяточниками, привела следствие прямо к воротам Харьковского Тракторного Завода...

А.Северов.

"Пятна на солнце".

"Экономическая газета", 8 января 1961.

...В Облместпроме процветало взяточничество, и воз-

главлял преступную группу председатель Облместпрома Сташкевич... Взятчиками не рождаются, а становятся. Выпуск всей "левой" продукции области направлялся им, им же распределялось "левое" сырье. Втянуты в орбиту выпуска "левой" продукции оказались ведущие предприятия легкой и местной промышленности области: фабрики "Промтрикотаж", "Утильпром", "Рекорд", "Разнопром" им. Ватутина и др.

Для расширения выпуска "левой" продукции Сташкевич с Александровским начали торговать целыми цехами, перебрасывали оборудование с одной фабрики на другую... Дошли до того, что расширяли и создавали новые цеха для выпуска "левой" продукции. Одни преступники заготавливали сырье для тех, которые пряли ткань, третьи изготавливали кофточки, детские костюмчики, мужские пуловеры, четвертые сбывали готовую продукцию...

"Одесские взяточники".

"Перець", № 16, 1963.

...Первый заместитель председателя Львовского совнархоза Семен Локоть за крупные взятки разбазаривал фондовое сырье разным артелям промкооперации и фабрикам. По подложным документам махинации продолжались долго, и полотно из Совнархоза сбывалось для выпуска "левой" продукции. Все Львовские процессы были связаны с действиями отдельных представителей Львовского совнархоза...

"Труд", 16 февраля 1963.

...На фарфором заводе, где директором Круть, процветала система: давать за счет завода взятки сервизами руководству или иным так называемым "важным лицам". Такому же обложению подвергались и все другие фарфоровые заводы Украины. Везли начальству в Киев. За взятки, например, Я.Черкасский был назначен директором фирменного магазина "Фарфор-фаянс", за взятки же стал директором другого магазина Л.Крицберг. Из-за этого на заводах были

разбазарены сотни тысяч рублей. Брал взятки и начальник Управления фарфоровой, фаянсовой и стекольной промышленности Киевского Совнархоза А.Шинкарев.

”Правда Украины”, 27 мая 1962.

...Михаил Ильич Куц был директором книжно-журнальной фабрики, а затем председателем Шевченковского райисполкома. За взятки М.Куц раздавал квартиры. Действовал он совместно с группой посредников. Матерому взяточнику выдали полной мерой – присудили к расстрелу...

”Правда Украины”, 3 апреля 1963.

...Жулики получали в Москве оборудование ”слева”, а в Черновцах – сырье и неучтенную продукцию. Они глубоко запустили руку в государственный карман...

”Громкое дело”.

”Литературная газета”, 21 ноября 1964.

УЗБЕКИСТАН

...На скамье подсудимых – бывшие работники прокуратуры, грубо поправшие социалистическую законность, а также взяткодатели и их посредники. Большое зло причинили эти люди. Туполев занимал высокий пост прокурора города Ташкента, а затем – Ташкентской области... На суде стало ясно, почему на некоторых промышленных предприятиях Ташкента и области в течение ряда лет, в 1958 – 1961 годах, безнаказанно расхищалось народное добро.

”Получив взятку, восемь-двенадцать тысяч рублей, я как бы давал вексель на то, что в дальнейшем не буду вмешиваться в это дело”, – признался Туполев.

Угодил на скамью подсудимых и начальник следственного отдела городской прокуратуры Н.Пучаев. Он фактически не осуществлял надзора над следствием, смотрел на все

сквозь пальцы, и сам пристрастился к взяткам. Не случайно при обыске у сотрудника прокуратуры А.Камалова было изъято 65 заволокиченных дел и другие материалы.

”Правда Востока”, 19 мая 1963.

Электроремонтный завод Совнархоза Узбекской ССР. Здесь расхищено 20 тонн стали...

В группе расхитителей, среди прочих, начальник отдела снабжения Управления строительной промышленности Совнархоза. Директор завода за взятки санкционировал ”передачу” фондируемой стали посторонним производствам...

”Ташкентская правда”, 22 июня 1962.

...Работники Управления машиностроительной промышленности Узбекистана за взятки раздавали остродефицитное кровельное железо. Наряды оформляли скопом якобы для государственных предприятий, а потом за взятки передавали их в ”частную” фирму.

”Правда Востока”, 19 августа 1961.

Г Р У З И Я

...В прокуратуре ОБХСС МВД Грузинской ССР и РСФСР было возбуждено уголовное дело о систематических взятках, которыми занимались отдельные работники ряда машиностроительных заводов, трикотажно-текстильных фабрик городов Российской Федерации, Союзглавмаша и Росглавмаша при Госплане СССР. Бывший начальник отдела сбыта Ивановского ремизо-бердочного завода Коктев в течение ряда лет отпускал за взятки без нарядов вспомогательные материалы для ткацкого оборудования представителям трикотажных фабрик и мелких производств из различных республик, в том числе и Грузинской ССР...

”Заря Востока”, 24 мая 1962.

ТАДЖИКИСТАН

...На скамье подсудимых — секретарь Горкома А.Хасанов, председатель Исполкома Н.Бабаджанов, прокурор города Хусейнов, председатель Окружного Райисполкома Ф.Рахимов и другие "менеe" ответственные лица, взятокодатели и взятокополучатели... За взятки они получали и продавали квартиры, машины, земельные участки. За взятки уходили "налево" тысячи километров вискозы. На скамье подсудимых и председатель Горисполкома Душанбе, и прокурор города, и ведущие работники из Обкома КПСС... За взятки продавались и покупались приговоры, прекращались следственные дела, выдавались всевозможные фиктивные справки, незаконно списывалось государственное имущество...

"Коммунист Таджикистана", 14 февраля 1963.

КИРГИЗИЯ

Подробное описание ситуации в Киргизии и проходивших там дел об экономических преступлениях дается в третьей главе настоящей книги. Здесь я перечисляю, кратко пересказывая, отдельные выступления прессы в 1962–1963 годах, помещенные в следующих номерах газеты "Советская Киргизия": от 9 января 1962 года, от 25 февраля 1962, от 7 сентября 1962, от 24 июля 1962, от 27 февраля 1963 и от 22 июля 1963 года. Так, статья "Хищники" сообщала о разветвленной частнопредпринимательской деятельности в Киргизской ССР, протекавшей под руководством и покровительством члена правительства Киргизии председателя Госплана Б.Дюшалиева. В эту деятельность были вовлечены Фабрика имени 42-й годовщины Октября, Аламединская трикотажно-ткацкая фабрика и множество государственных торговых предприятий. Руководители республики за взятки

снабжали сырьем и оборудованием левое производство, по существу, планируя частнопредпринимательскую деятельность в республике. Противоправные действия возглавляли: руководители Горпромторга Фесенко и Джуманалиев, замминистра торговли Киргизии Б.Новиков, начальник Облуправления местной промышленности Г.Кошмуратов, управляющий Московским отделением Киргизглавснаба И.Тихоступ, начальник Управления материально-технического снабжения Министерства местного хозяйства Я.Смолкин, начальник планово-экономического отдела Совнархоза И.Ахун, замначальника Управления балансов и материально-технического обеспечения Госплана Киргизии С.Голобородько, заведующий отделом комиссии Госконтроля И.Народницкий, завотделом Совета Министров Киргизской ССР Ю.Ошерович и др.

В Киргизии частное предпринимательство достигло воистину республиканского масштаба. Размер хищения был определен в сумме, превышающей 3 миллиона рублей в денежном исчислении 1961 года. На скамье подсудимых по уголовному делу оказалось свыше 50 человек.

Газета пишет: "Расхитители шли на все. Они нарушали порядок распределения и использования дефицитного сырья и оборудования, нарушали технологический режим, государственные стандарты, трудовое законодательство".

КАЗАХСТАН

...На алма-атинской фабрике в течение более чем двух лет, используя завышенные нормы расхода материала на пошив швейных изделий, систематически утаивали шерстяную и капроновую ткань. Ее сбывали на другие предприятия, где изготовляли "левую" продукцию. Все делалось за большие взятки и под покровительством крупных должностных лиц. К ним относились: начальники разных отделов

Управления местной промышленности города Алма-Ата, заведующий промышленно-транспортным отделом Горкома КПСС, начальник ОБХСС Октябрьского района города Алма-Ата и другие.

”Казахстанская правда”, 1 августа 1962.

Глава вторая

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАКОНА О ПРИМЕНЕНИИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СССР

В Советском Союзе частная инициатива и предпринимательство рассматриваются Законом как противоправные действия в области экономики и караются в соответствии с Уголовными Кодексами союзных республик. Вслед за классиками марксизма-ленинизма советские теоретики-юристы утверждают, что уголовное право при социализме, устанавливая наказание, преследует двойную цель: кару и перевоспитание. Часто ссылаются на основополагающее высказывание В.И.Ленина: "Нам нужно государство, нам нужно *принуждение*. Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение, должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения в трудовой дисциплине"^{*}. Аналогичное утверждение принадлежит и И.В.Сталину: "*Репрессии* в области социалистического строительства являются необходимым элементом, но элементом вспомогательным, а не главным"^{**}.

Однако вся история уголовного закона в СССР показывает, что на практике преследуется и осуществляется лишь одна цель наказания — возмездие.

* В.И.Ленин. Очередные задачи советской власти. Полное собрание сочинений, изд. IV, т. IV, стр. 191.

** И.В.Сталин. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 309.

Уже в начале советской власти Чрезвычайная Комиссия, возглавлявшаяся Ф.Э.Дзержинским, была наделена особыми карательными полномочиями. Та работа, которую проводила ЧК, действительно определенным образом воспитывала население страны, но это "воспитание" правильнее было бы назвать всеобщим *устрашением*. За тридцатилетие абсолютной власти И.В.Сталина особый орган внесудебной расправы никогда не исчезал — он только менял названия: ЧК — ВЧК — ОГПУ — МВД — КГБ. То знаменитые "тройки", то "особые совещания" производили рубку голов каждый раз под новым лозунгом — сперва "уничтожение кулачества как класса", затем — "борьба с вредительством на производстве", время от времени — просто по спискам, составленным с целью "социальной профилактики". Массовые репрессии были средством получения дарового труда миллионов заключенных-рабов, которые воздвигали сооружения, по иронии судьбы называвшиеся "великими стройками коммунизма". Так выглядела в действительности *воспитательная* сторона наказания.

Повсеместная практика использования заключенных на каторжных работах не мешает Уголовным Кодексам всех Союзных Республик, вплоть до принятых в 1958 году "Основ уголовного законодательства СССР", включать в преамбулу утверждение: "Система наказаний советского закона является выражением подлинного гуманизма и этим... коренным образом отличается от наказаний, применяемых в эксплуататорском обществе...".*

Тема настоящей работы — антисемитский аспект в репрессиях, применяемых в случаях экономических правонарушений. Должно быть, трудно поверить в то, что в середине нынешнего столетия в одной из самых больших и могучих стран мира экономические преступления караются необратимо — лишением жизни. Законодатель при введении этой исключительной меры наказания за многие виды преступлений

* Сборник законов СССР. М., изд. "Известия", 1961, стр. 727–745.

указывал, что рассматривает ее как временную ("впредь до полной ее отмены"), применяемую только для борьбы с тяжчайшими преступлениями, и только, если такая санкция уже предусмотрена в тексте действующих Уголовных Кодексов. Смертную казнь не применяли по этим преступлениям к лицам, не достигшим 18 лет, и к беременным женщинам. Однако, как мы увидим дальше, по отношению к подсудимым евреям и эти ограничения не всегда соблюдались.

Карательная политика в СССР по существу оставалась неизменной с 1917 года, а послабления носили только временный и конъюнктурный характер.

В 1932 году Советский Союз ни с кем не находился в состоянии войны. Не было никаких чрезвычайных внутренних обстоятельств. Но 7 августа 1932 года была введена смертная казнь за так называемые "хищения государственного имущества". Под Указ от 7 августа 1932 года подходила, например, украденная со склада бочка масла, и это "хищение" каралось расстрелом. Другой мерой наказания по этому Указу было десятилетнее заключение. Всего только два варианта: или — или. Смертная казнь была узаконена и широко применялась на всей территории Советского Союза вплоть до 6 мая 1947 года, когда ко второй годовщине со дня победы над Германией в Великой Отечественной войне Президиум Верховного Совета постановил: "Отменить в мирное время смертную казнь, действующую в СССР"*.

(В 1948 году Советский Союз даже выступил инициатором отмены смертной казни во всем мире, заявив об этом с трибуны ООН.) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года смертная казнь в Советском Союзе отменялась, а максимальная мера наказания определялась теперь как 25 лет исправительных лагерей**.

Ко времени принятия этого гуманного закона тысячи

* Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР. М., 1959, стр. 543.

** Там же, стр. 544.

осужденных томились в лагерях за кражу буханки хлеба или пачки маргарина. Часто правонарушения такого рода совершали женщины или подростки, которых толкал на преступление голод, карточная система, невозможность прокормить семью, сиротство или вдовство. Массовый рабский труд и гибель в лагерях авторы теоретических статей именовали "перевоспитанием".

На фоне репрессивной политики предыдущих лет 25-летний срок наказания за экономическое преступление казался проявлением почти либерализма. Но без расстрела по суду страна прожила всего три года. А уже 12 января 1950 года последовал новый Указ, допускавший в виде изъятия из Закона об отмене смертной казни лишение жизни за шпионаж, диверсии, измену родине — то есть за деяния против государства и его безопасности. И это в мирное время! Мы оставляем в стороне вопрос о том, действительно ли все эти тяжкие преступления были совершены лицами, вернувшимися на родину из плена и во множестве расстрелянными по Указу от 12.1.50, поскольку обсуждение этого вопроса выходит за рамки данной работы.

В дальнейшем область применения смертной казни как меры наказания за различные преступления расширялась. Указом от 30 апреля 1954 года она вводилась уже для лиц, совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах*.

Итак, с начала 1950 года Закон допускал применение смертной казни к лицам, совершившим особо опасные деяния против государства. Однако спустя еще четыре года смертная казнь была введена уже и для лиц, совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. 25 декабря 1958 года был принят "Закон об утверждении Основ Уголовного Законодательства Союза ССР и Союзных Республик", которые должны были стать базисным документом для создания новых Уголовных Кодексов Союзных Рес-

* Сборник законов СССР... М., 1959, стр. 543.

публик, включая РСФСР, поскольку действовавшие уголовные кодексы не менялись с 1926 года и уже не во всем соответствовали изменившимся условиям и задачам текущей действительности. Законом от 25 декабря 1958 года Верховные Советы Союзных Республик обязывались привести республиканское законодательство в *соответствие* с "Основами"; Президиум Верховного Совета СССР должен был установить порядок введения "Основ" в действие, при этом четко оговаривалось, что статья 28 "Основ" *не распространяется* на лиц, осужденных до принятия "Основ". (Статья 28 предусматривала ответственность за государственные преступления, бандитизм, умышленное хулиганство при отягчающих обстоятельствах, хищение государственного имущества в крупных размерах и разбой*.) Эти установления должны были быть внесены во все Уголовные Кодексы всех Союзных Республик.

27 октября 1960 года Закон был принят Верховным Советом РСФСР, и новый Уголовный Кодекс РСФСР был введен в действие с 1 января 1961 года.

В разделе III "Основ" ("О наказании") сказано, что "наказание является мерой государственного принуждения".

Мы остановимся подробнее на двух статьях "Основ" — на статье о лишении свободы (ст. 21) и на статье о применении смертной казни (ст. 22), что соответствует статьям 23 и 24 УК РСФСР (М., 1970).

23 статья гласит: "Лишение свободы устанавливается на срок не свыше десяти лет, а за особо тяжкие преступления и для особо опасных рецидивистов — не свыше 15 лет". Таким образом, максимальный срок заключения был снижен с 25 лет до 15. Но, кроме того, вводился новый порядок отбывания срока наказания: лишенного свободы суд мог приговорить к отбытию наказания в тюрьме, полностью или частично, с продолжением срока наказания в исправительно-

* Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. М., Изд-во юридической литературы, 1960.

трудовой колонии, как теперь стали называться бывшие исправительно-трудовые лагеря. Однако изменение термина не повлекло за собой никакого изменения условий содержания осужденных.

Статья 22 "Основ" озаглавлена — "Исключительная мера наказания — смертная казнь". Через 13 лет после широко разрекламированной отмены смертной казни "Основы" нового законодательства вновь вводили лишение жизни как "исключительную" меру наказания, применяемую ("вплоть до полной ее отмены") за особо тяжкие преступления: "измену родине, шпионаж, диверсию, террористический акт, бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, указанных в статьях Уголовных Законов СССР и Союзных Республик, устанавливающих ответственность за умышленное убийство, а в военное время или в боевой обстановке — за другие особо тяжелые преступления и в случаях, специально предусмотренных законодательством Союза СССР"*.

Как видно из текста статьи, ею не предусматривается применение смертной казни за экономические преступления, как то: хозяйственные правонарушения, валютные операции, взяточничество и т. п. Список преступлений, по которым может быть применена исключительная мера наказания, определен очень четко, и "Основы" не допускают изменения этого перечня и в кодексах Союзных Республик. Более того, ограниченный характер применения смертной казни определяется и подсудностью: дела, по которым допускается применение исключительной меры наказания (расстрела) не подсудны народным судам, это прерогатива вышестоящих судов и военных трибуналов, не ниже трибунала округа.

Потребовалось время, чтобы привести в соответствие с "Основами" Уголовные Кодексы всех союзных республик. Вот почему лишь 13 апреля 1959 года Указом Президиума Верховного Совета СССР целый ряд законодательных актов,

* Там же.

принятых прежде, был признан утратившим силу, вследствие издания нового союзного и республиканского законодательства.

Всего полтора года отделяют принятие нового законодательства от времени, когда оно было грубо нарушено и когда смертная казнь была объявлена необходимой санкцией и соразмерным наказанием за экономические преступления. Это был шаг назад — к жестоким наказаниям, последовавшим за Указом от 7 августа 1932 года. А в 1952 году на Украине имел место судебный процесс, когда экономическое правонарушение рассматривалось *по аналогии* как экономическая контрреволюция, и этот судебный процесс завершился смертным приговором *через пять лет после отмены смертной казни в СССР и за шесть лет до принятия "Основ"*.

29 ноября 1952 года газета "Правда Украины" сообщила своим читателям: "На днях в Киеве Военный Трибунал под председательством генерал-майора юстиции Подойницына заслушал дело главарей шайки преступников, длительное время орудовавших на Киевской базе Главлгсбыта. *Вредительскую* группу возглавлял бывший управляющий этой базой Хайт А.А. Активными участниками этой шайки являлись заведующие секциями базы Ярошецкий Я.К., Герзон Д.И., Грушко М.С., Теплицкий Л.Ш. Все они с темным прошлым, некоторые в прошлом были торговцами и спекулянтами. Своими преступными действиями они подрывали советскую торговлю и товарооборот в гор. Киеве, расхищали социалистическую собственность, противодействовали мероприятиям, направленным на обеспечение трудящихся высококачественными товарами. Лучшие ходовые ткани и товары, предназначенные для продажи населению, воровали и сбывали через спекулянтов, а вырученные деньги присваивали. Участники вредительской группы в широких размерах проводили незаконные валютные операции. За наворованные средства преступники скупали золото и перепрятывали его в потаенных местах у себя или у своих родственников. На судебном процессе подсудимые были уличены в тягчайших

преступлениях, они нанесли большой ущерб советской торговле и делу снабжения трудящихся города Киева и Киевской области промышленными товарами. *За контрреволюционное вредительство* в области торговли и товарооборота Военный Трибунал на основании ст.ст. 51—17* и 54—11 Уголовного Кодекса УССР приговорил *как врагов народа* Хайта, Ярошецкого, Герзона *к высшей мере наказания — расстрелу*. Грушко и Теплицкий приговорены к заключению на 25 лет каждый, с последующим поражением в правах на 5 лет. Все имущество осужденных конфисковано. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит”.

После отмены смертной казни в 1947 году во времена вышеописанного судебного дела действовало Положение об изъятии из Закона об отмене смертной казни лиц, совершивших преступления против государства или убийства при отягчающих обстоятельствах. Но на Украине (где, что небезынтересно отметить, всесильным и полным хозяином в 1952 году был Никита Хрущев) Военный Трибунал приговорил к смерти евреев — работников торговли за противоправные действия экономического характера, по аналогии судив и осудив их *как врагов народа за контрреволюционное вредительство... в торговле*. Правда, то была еще сталинская эпоха, и на повестке дня стояла кампания борьбы с безродными космополитами. И вот статья 17 УК РСФСР (статья об аналогии) была применена к этим самым космополитам, и приговор был приведен в исполнение.

Таков был пролог 1952 года. Но вернемся к концу пятидесятых — началу шестидесятых годов, широко разрекламированных как годы послесталинской оттепели и эпоха восстановления так называемых *ленинских норм партийной жизни*. В эти самые годы происходят подспудные процессы,

* Ст. 17 УК РСФСР 1926 года предусматривала возможность осуждения по АНАЛОГИИ, если нет *прямой* статьи в Уголовном Кодексе. С 1 января 1961 года статья в Кодексе РСФСР упразднена, и в других Кодексах — также. — Е.Э.

не привлекающие внимания общественности и средств информации. КГБ все больше сосредотачивает свое внимание на крупномасштабных экономических преступлениях. Госбезопасность все решительнее настаивает, чтобы дела о такого рода преступлениях были переданы ей и изъяты из ведения Прокуратуры СССР, несмотря на то, что это ее прерогатива в соответствии с Конституцией страны. И побеждает, разумеется, не Закон, не Конституция, а волевое решение Хрущева: дела о нарушении правил о валютных операциях, дела о крупных хищениях и взяточничестве передаются в КГБ.

Новому законодательству всего год-полтора. Однако появляются новые законы: смертная казнь допускается теперь уже за хищение, валютные нарушения, взятки. Суды массово приговаривают к смерти людей за экономические, хозяйственные преступления. Закону о введении смертной казни за экономические правонарушения придается "обратная сила" еще до того, как он поглощается уголовными кодексами, что запрещено самим законодателем, и несмотря на то, что в статье 6 "Основ" и статье 6 Уголовного Кодекса РСФСР говорится: "Преступность и наказуемость деяния определяются Законом, действующим во время совершения этого деяния. Закон, устраняющий или смягчающий наказуемость деяния, имеет обратную силу, то есть распространяется также и на деяние, совершенное до его издания. Закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, *обратной силы не имеет*"*.

В начале шестидесятых годов "Основы Уголовного Законодательства" были отброшены личной волей Никиты Хрущева, Генерального Секретаря Коммунистической Партии Советского Союза и Главы Советского Правительства.

По личному распоряжению генсека арестованным во время их содержания в тюрьме (еще до установления их вины судом!) были сокращены продуктовые передачи: пять

* УК РСФСР, ст. 6. М., "Юридическая литература", 1970, стр. 5-6.

килограммов продуктов по строго определенному перечню и в строго определенном количестве. В эти пять килограммов включен и вес одежды. Ранее размер передачи был до десяти килограммов, принимали ее раз в десять дней; теперь — только раз в месяц.

Так наказание начинается еще *до суда* и состоит в причинении физических лишений, хотя в "Основах" (ст. 20) и в УК РСФСР, и соответственно УК других союзных республик, сказано: "Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства"*.

И во исполнение этого, посылка уже осужденному лицу принимается теперь только по отбытии половинного срока наказания в лагере. Воистину права поговорка: *в новизне твоей старина слышится*.

Закон о применении смертной казни за экономические преступления претерпел в СССР серьезную трансформацию, которая нами здесь рассмотрена лишь очень бегло. Однако и этот краткий обзор позволяет судить о многом.

Государство вправе и обязано ответить на усиление той или иной тенденции преступности в стране. Но ведь новое законодательство в Советском Союзе было принято буквально только что — в последнюю неделю 1958 года. И принятию этого нового законодательства предшествовало многолетнее изучение всех видов преступлений и их распространенности в СССР. Годы были посвящены разработке градации и уточнению формулировок диспозиций статей, обосновывались новые статьи, обсуждалось превентивное значение предусмотренных наказаний. Проект "Основ" разрабатывали крупнейшие ученые страны и самые видные юристы-практики. До того, как проект "Основ" был представлен в Комиссию Законодательных предложений Верховного Совета СССР, он был подвергнут широкому предварительному обсуждению: предметом обсуждения был не только теоретический аспект "Основ", но и практика — судебная, следственная, исправи-

* "Основы...", статья 20.

тельно-пенитенциарная. Только после принятия "Основ", начиная с 1 января 1961 года в РСФСР, а в других республиках после апреля 1961 года, появляются Уголовные Кодексы, целиком впитавшие в себя эти "Основы". Разработка нового законодательства велась примерно с середины пятидесятых годов, и, начиная с этого времени, все компетентные партийные и правительственные органы (Прокуратура СССР, Комитет Государственной Безопасности, Президиум Верховного Совета СССР, Управление по Борьбе с Хищениями Социалистической Собственности, министерства Юстиции СССР и Союзных Республик, Административный Отдел Центрального Комитета Коммунистической Партии) были не только полностью осведомлены о ней, но и направляли разработку нового законодательства, а следовательно, во всей полноте обладали изученной исследователями картиной распространения преступности в СССР, распределения отдельных видов правонарушений по республикам и областям, достоверно знали, где, когда и сколько лиц осуждены и по какой статье.

Никакие новые тенденции усиления преступной деятельности не могли обнаружиться за столь короткий срок после введения в действие новых Уголовных Кодексов, чтобы потребовалось столь жестокое усиление репрессий. В период обсуждения "Основ" в специальных юридических изданиях и в массовых журналах и газетах много говорилось о высокой гуманности советского Закона, о строгом выполнении предписания: "Закон обратной силы не имеет", если этим законом ухудшается положение подсудимого или уже осужденного; и наоборот: если законом предусматривается облегчение, он непременно должен быть применен. Но главное — и в "Основах", и в вошедших в силу новых Кодексах 1961 — 1962 годов *запрещается применять меру наказания, предусматриваемую новыми Указами, до поглощения их действующими Уголовными Кодексами*. Практически же применение новых Указов в отношении тысяч людей, сидевших на скамье подсудимых или ожидавших суда, *до поглощения*

новых Указов Кодексами означало, что Указам придавалась обратная сила. Зачастую следователи "довешивали" обвиняемым ничтожные эпизоды, к тому же по большей части вымышленные, датируя их временем после мая 1961 года (после издания новых указов), чтобы применить ужесточенные санкции. И людей расстреливали, не дожидаясь исполнения такой формальности, как приведение закона в соответствие с самим же Законом.

Невозможно не сказать о том, что суды, прокуратура и следственные органы нередко бывали недовольны тем, что максимальная мера наказания осужденных, в соответствии с действующим законодательством, не предусматривала за эти действия расстрела. И они вносили Представление в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой заменить уже *реально определенное судом осужденному наказание* расстрелом. И Президиум Верховного Совета — законодательный орган Союза! — восполнял "пробелы" Закона, им же изданного, и *внесудебно* заменял уже назначенное судом наказание на смертную казнь. И людей расстреливали. В мирное время, в то время, как действовал Закон, не знавший за данное правонарушение смертной казни.

Однако принцип пропагандировать одно и под прикрытием словесной пропаганды на практике осуществлять совершенно другое или даже прямо противоположное — этот принцип вовсе не был новым в советской внутренней политике. С конца пятидесятых годов тюрьмы МВД и КГБ были переполнены арестованными по обвинению в экономических преступлениях: валютных нарушениях, хищениях социалистической собственности, взяточничестве.

Согласно старому Кодексу, действовавшему до 1 января 1961 года, максимальное наказание, которое ожидало так называемых "валютчиков", равнялось 3 годам лишения свободы. Впоследствии наказание для них было увеличено до 8 лет, а еще несколько позже — до 15. И наконец после Указов 1961–1962 годов за особо тяжелые экономические пре-

ступления (крупные хищения, взяточничество, нарушение правил о валютных операциях) был введен расстрел.

Таким образом, "Основы Уголовного Законодательства СССР", новые Уголовные Кодексы Союзных Республик оказались на деле пропагандными документами, в то время как чрезвычайные Указы Президиума Верховного Совета 1961–1962 гг. показали, чего стоят в действительности утверждения о дальнейшей демократизации Закона, его гуманности, его стабильности.

Через пять месяцев после введения в действие нового Уголовного Кодекса РСФСР и через три-четыре месяца после того, как аналогичные Кодексы вошли в силу в Союзных Республиках, один за другим последовали три новых Указа Президиума Верховного Совета СССР, подписанные тогдашним председателем Верховного Совета — Л.И.Брежневым: "Указ о введении смертной казни — расстрела за хищение" (5 мая 1961), "Указ о введении смертной казни за нарушение правил о валютных операциях" (6 июля 1961), "Указ о введении смертной казни — расстрела за взяточничество" (20 февраля 1962)*.

Если учесть, что подготовка и этих Указов потребовала какого-то времени, то делается ясно, что практически они воспоследовали впрямую за введением "Основ" и новых Уголовных Кодексов, казалось бы, исключавших такое ужесточение закона. Новые Указы были наделены обратной силой, так как применялись немедленно, до поглощения их Уголовными Кодексами за действия прошлых лет. Закон был предан забвению самим Законодателем, что беспрецедентно даже для истории советского уголовного права.

На дворе стояло время "хрущевской оттепели", а между тем шли под расстрел за преступления минувших лет люди, которые совершили правонарушения, возможно, рискуя

* Текст "Указов" см. в Приложении к главе второй настоящей книги.

тюрьмой и лагерным сроком, но точно зная в момент их совершения, что смерть за них им не грозит.

Ужесточение репрессивной политики за уголовные преступления происходили отнюдь не только в законодательном порядке.

Верховный Суд прямо предписывал всем нижестоящим судам ужесточение санкций: "Суды не должны применять условного осуждения к лицам, виновным в совершении тяжких преступлений". "Тяжкими" же считались 26 процентов всех преступлений, перечисленных в уголовном законодательстве. Смертная казнь была предусмотрена советским Законом по 35 статьям Уголовного Кодекса, то есть применение ее допускалось примерно в 13 процентах от общего числа преступлений, поименованных в Уголовном Кодексе РСФСР и аналогичных Кодексах других Советских Республик.

Укрепление социалистической законности и либерализация Закона на деле выглядели так: исчезли *тройки* и *особые совещания* сталинского и до-сталинского времени, отменена была внесудебная расправа. Зато теперь *по закону, по суду* расстреливали за экономические преступления — за взятки, за валюту, за частную инициативу. Опираясь на Закон и только на Закон, расстреливали, и расстреливали по преимуществу евреев. Сам Закон вводил беззаконие, ибо ему придавалась немедленная и обратная сила.

Новые законодательные акты периода совместного правления Хрущева-Брежнева были следующим этапом в уголовно-карательной политике СССР, закономерно продолжавшим практику предыдущих лет, практику Сталина-Ежова-Вышинского.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 2

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ВВЕДЕНИИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР № 207 "Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями" *

В целях усиления борьбы с особо опасными преступлениями Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Допустить применение *смертной казни* — расстрела: за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, за изготовление с целью сбыта или сбыт поддельных денег и ценных бумаг, совершенные в виде промысла, а также в отношении особо опасных рецидивистов и лиц, осужденных за тяжкие преступления, терроризирующих в местах лишения свободы вставших на путь исправления заключенных, или совершающих нападение на администрацию, или организующих с этой целью преступные группировки, или активно участвующих в этих группировках.

В связи с этим изложить статью 22 Основ уголовного

* Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 11 мая 1961, № 19/1054/, год издания 24-й. М., 1961.

законодательства Союза ССР и Союзных Республик в следующей редакции: *"В виде исключительной меры наказания, впредь до ее полной отмены, допускается применение смертной казни — расстрела — за измену Родине, шпионаж, диверсию, террористический акт, бандитизм, изготовление с целью сбыта или сбыт поддельных денег и ценных бумаг, совершенные в виде промысла, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, указанных в статьях уголовных законов Союза ССР и Союзных Республик, устанавливающих ответственность за умышленное убийство, хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах,* а в военное время или в боевой обстановке и за другие особо тяжкие преступления в случаях, специально предусмотренных законодательством Союза ССР.*

Применение *смертной казни — расстрела* допускается также в отношении особо опасных рецидивистов, осужденных за тяжкие преступления, терроризирующих в местах лишения свободы заключенных, вставших на путь исправления, или совершающих нападения на администрацию, или организующих с этой целью преступные группировки, а также активно участвующих в таких группировках.

Не могут быть приговорены к смертной казни лица, не достигшие до совершения преступления восемнадцатилетнего возраста, и женщины, находящиеся в состоянии беременности во время совершения преступления или к моменту вынесения приговора.

2. Дополнить статью 24 Закона об Уголовной ответственности за *государственные преступления* частью второй следующего содержания: *"Те же действия, совершенные в виде промысла — наказываются лишением свободы на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества"*.

* Неоднократными Постановлениями Пленума Верховного Суда СССР за "хищение в особо крупном размере" была принята сумма хищения сверх 10 тысяч рублей. — Е.Э.

3. Установить, что особо опасные рецидивисты, а также лица, осужденные за тяжкие преступления, терроризирующие в местах лишения свободы заключенных, вставших на путь исправления, или совершающие нападение на администрацию, а также организующие в этих целях преступные группировки, или активно участвующие в этих группировках, — *наказываются* лишением свободы на срок от 8 до 15 лет или смертной казнью.

4. Внести изменения в ст. 44 Основ Уголовного Законодательства Союза ССР и Союзных Республик, изложив четвертую часть этой статьи в следующей редакции:

”Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием не применяется:

1) к особо опасным рецидивистам;

2) к лицам, к которым были применены условно-досрочное освобождение от лишения свободы либо замена неотбытой части наказания более мягким наказанием, если эти лица до истечения неотбытого срока наказания совершили новое умышленное преступление, за которое они осуждены к лишению свободы;

3) к лицам, осужденным за особо опасные государственные преступления, бандитизм, изготовление и сбыт поддельных денег или ценных бумаг, нарушение правил о валютных операциях, *хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах*, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, изнасилование, повлекшее тяжкие последствия, или изнасилование несовершеннолетней, разбой, *получение, дачу взятки или посредничество во взяточничестве, совершенное при отягчающих обстоятельствах”*.

5. В соответствии со статьей 24 Основ Уголовного Законодательства Союза ССР и Союзных Республик установить, что за преступления, предусмотренные статьями 1–10, 14, 15, 23–25, 27 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, приговором суда к виновни-

кам может назначаться в качестве *дополнительной меры* наказания — *ссылка сроком от 2 до 5 лет*.

6. Предложить Президиумам Верховных Советов Союзных Республик внести в Уголовные Кодексы Союзных Республик изменения и дополнения в соответствии с настоящим Указом.

Подписали :

Председатель Президиума Верховного Совета СССР —
Леонид Брежнев
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР —
М. Георгадзе

Москва, Кремль, 5 мая 1961 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
"Об усилении уголовной ответственности
за нарушение правил о валютных операциях"*

В.
№ 27

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Допустить *применение смертной казни – расстрела* за спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами в виде промысла или в крупных размерах, а равно нарушение правил о валютных операциях лицом, ранее осужденным за такие же преступления.

Внести изменения во II часть статьи 25 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления. "Нарушения правил о валютных операциях, а также спекуляция валютными ценностями или ценными бумагами наказываются лишением свободы сроком от 5 до 15 лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от 2 до 5 лет или без ссылки, или *смертной казнью с конфискацией имущества*".

Председатель Президиума Верховного Совета СССР –
Леонид Брежнев
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР –
Михаил Георгадзе

* Ведомости Верховного Совета СССР. 6 июля 1961, № 27/1062/.
М., 1961.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
№ 85 "Об усилении уголовной ответственности
за взяточничество"*

Взяточничество является одним из позорных и отвратительных пережитков прошлого, оставленных капитализмом в наследство нашему обществу. Это уродливое явление чуждо и совершенно нетерпимо для советского государства, вступившего в период развернутого строительства коммунизма. В условиях нашего государственного и общественного строя имеются все возможности для полного искоренения любых форм взяточничества.

В целях усиления уголовной ответственности за взяточничество, как особо опасное преступление, Президиум Верховного Совета СССР *постановляет*:

1. Получение должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия, которое должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своего служебного положения, — наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества.

Те же действия, совершенные должностным лицом, занимающим ответственное положение, либо ранее судившимся за взяточничество или получавшим взятки неоднократно, либо сопряженное с вымогательством взятки, —

наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой

* Вестник Верховного Совета СССР, № 8/1095/. М., 1962.

после отбытия лишения свободы на срок от двух до пяти лет или без ссылки, а при *особо отягчающих обстоятельствах* — смертной казнью с конфискацией имущества.

2. Посредничество при взяточничестве —

наказывается лишением свободы на срок от двух до восьми лет.

Посредничество во взяточничестве, совершенное неоднократно, или лицом, ранее судившимся за взяточничество, или с использованием своего служебного положения, —

наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой после отбытия лишения свободы на срок от двух до пяти лет или без ссылки.

3. Дача взятки —

наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет.

Дача взятки неоднократно или лицом, ранее судившимся за взяточничество, —

наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой и со ссылкой после отбытия лишения свободы на срок от двух до пяти лет или без ссылки.

Лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки или если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся.

4. Предложить Президиумам Верховных Советов Союзных Республик внести в уголовные кодексы Союзных Республик изменения и дополнения в соответствии с настоящим Указом.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР —

Л. Брежнев

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР —

М. Георгадзе

Москва, Кремль, 20 февраля 1962 г.

Глава третья

ОПИСАНИЕ КОНКРЕТНЫХ СУДЕБНЫХ ДЕЛ

Эта глава посвящена описанию конкретных судебных дел. Я свидетельствую о делах, в которых сама принимала участие в качестве защитника. Другие — стали мне известны по документам и из интервью, взятых мною у моих коллег-адвокатов, выступавших на процессах. Кроме собственных личных впечатлений, в работе над этой главой я опиралась на документы, вывезенные мною из Советского Союза: копии приговоров и протоколов допросов, выписки из экспертных заключений, краткие рабочие записи.

Сверх того, я использовала ряд сведений, полученных уже здесь, в Израиле и на Западе, от адвокатов, ныне живущих вне пределов Советского Союза, и от лиц, осужденных ранее за экономические правонарушения в СССР и выехавших из Союза по отбытии наказания. Источники рассматриваемой мною информации всегда указываются.

Следствие по уголовным делам, описанным в настоящей главе, преимущественно проводилось Комитетом Государственной Безопасности в 1961 — 1962 годах. Даже в тех случаях, когда слушание в суде происходило позднее, возникновение дела относилось все равно именно к этому времени. И поскольку к уголовной ответственности по экономическим делам были привлечены тысячи людей, эти дела рассматривались судами долгие годы на всей территории Советского Союза. Обвиняемых при этом распределяли по группам в 25 — 50 человек — процессы, как правило, были груп-

повые. В этой главе рассматриваются только наиболее сложные и объемные дела, анализ которых позволяет выявить двуединую тенденцию: широкое применение по экономическим делам смертной казни, отмененной ранее в СССР, и репрессивную нацеленность наказаний против евреев.

Почти все описанные уголовные дела находятся в сложном переплетении друг с другом: либо в уголовном процессе по одному делу упоминается приговор по ранее рассмотренному, из которого выделено данное конкретное дело; соответственно — данное дело содержит списки лиц, в отношении которых дела выделены в "особое производство"; либо, наконец, имеются протоколы допросов лиц, которые проходили свидетелями по данному делу, но в то же время выступали в качестве обвиняемых в "своих" отдельных процессах.

И суд, и прокуратура, и адвокаты, участвуя в одном процессе, всегда были осведомлены о ходе разбирательства по параллельным делам, о приговорах и объеме вменения. Генеральная схема была разработана в КГБ, и суд вносил лишь незначительные поправки, не изменяя предъявленной квалификации правонарушения, применяя обратную силу закона и согласуя с КГБ меру наказания.

ДЕЛА "ТРИКОТАЖНИКОВ"

Судебные процессы так называемых *трикотажников* вскрыли наличие в СССР разветвленной сети частновладельческих предприятий, процветавших под видом артелей и фабрик. Своим расцветом и размахом эти предприятия обязаны острой послевоенной нужде в товарах массового потребления. А удобной базой для их становления и развития оказались лечебно-трудовые мастерские, разбросанные по всему Советскому Союзу.

В Советском Союзе существует широкая сеть лечебных учреждений, называемых психоневрологическими диспансе-

рами, и при каждом из них есть "лечебно-трудовой отдел"*.

От местных исполнительных органов власти (исполкомов) диспансеры получали ограниченные суммы на организацию и проведение трудотерапии, и, следовательно, могли приобрести кое-какое оборудование и сырье. Однако врачи-психиатры меньше всего были способны организовать производство: оборудование ржавело на складах, а сырье превращалось в пыль и прах. Никто не знал, каким именно должно быть производство. Деньги на "лечение трудом" отпускались самые небольшие. Все вместе представляло собой типичную советскую формальность: больные должны исцеляться трудом, есть соответствующее постановление, а при этом скудный государственный бюджет советского здравоохранения не предусматривает создания сколько-нибудь реальных возможностей для развертывания разумного производства. Абсурдность ситуации усугублялась тем, что *сверху* было спущено указание: лечебно-трудовые цеха при психоневрологических диспансерах должны давать продукцию и находиться на хозрасчете, то есть действовать на основе самоокупаемости.

Необходимость — мать изобретения, как гласит английская поговорка. И тут необходимость послала медикам специалиста, обладавшего требуемой деловой хваткой. Им оказался некто Ройфе, переехавший после войны в Москву из

* "Особенно большую роль играет трудотерапия в специально создаваемых при диспансерах мастерских. Лечебно-трудовые мастерские обслуживают больных, которые по своему состоянию могут находиться вне больницы, но нуждаются в специальном трудоустройстве, так как в обычных условиях они нетрудоспособны.

Цель лечебно-трудовых мастерских — восстановить утраченные трудовые навыки, использовать в интересах *больного его остаточную трудоспособность*, иногда дать больному новую квалификацию, если он, вследствие инвалидности, не может работать по прежней специальности". (А.Портнов и Д.Федотов. Психиатрия. Учебник, предназначенный для студентов всех факультетов медицинских институтов. М., изд-во "Медицина", 1971, стр. 388, 390–391.)

Бессарабии, с 1939 года ставшей советской провинцией. Ройфе предложил диспансерам наладить в их мастерских трикотажное производство. В Москве у него было много родни, и с помощью родственников Ройфе хорошо изучил конъюнктуру: возможности получения сырья и оборудования, проблему сбыта, размеры спроса и т. п. Вместе со своими племянниками Борисом Ройфманом и Петром Ордером, привлекая себе в помощь друзей и знакомых, он организовал трикотажное производство в лечебно-трудовых мастерских при психоневрологических диспансерах Москвы. Это предложение было встречено медиками с энтузиазмом. Подчеркнем, что первоначально трикотажные цеха (первый из них — при психоневрологическом диспансере Краснопресненского района Москвы) создавались на абсолютно законной основе в соответствии с официально согласованными с местной властью (исполкомы районных советов) разнарядками на помещения, станки, сырье, количество обслуживающего персонала, на ассортимент изделий, на величину планового задания и бюджет. Эти цеха привлекали к труду психически неполноценных людей, состоявших на специальном учете.

Итак, трикотажное производство было создано и успешно развивалось в условиях послевоенной Москвы, обносившиеся жители которой готовы были поглотить любое мыслимое количество трикотажной одежды. Помимо людей, своим трудом способствовавших процветанию этой промышленности, впоследствии появились лица, вкладывавшие в производство собственные деньги и участвовавшие в прибылях и потерях, причем процент отчислений в их пользу всегда был несколько снижен по сравнению с вкладом. Такие лица назывались "плавающими компаньонами", т. к., участвуя в финансировании, они не играли существенной роли в производственном процессе. Это пояснение о роли в трикотажных мастерских и фабриках при психоневрологических диспансерах (сеть которых в очень короткое время покрыла буквально всю огромную страну) разных вкладчиков чита-

тель должен помнить, чтобы понимать впоследствии схему положения обвиняемых в уголовных процессах.

Работа трикотажных предприятий способствовала уменьшению нужды населения в изделиях легкой промышленности, и власти до поры до времени якобы не замечали все большее и большее *сращивание* кустарной отрасли производства с государственной. Органы надзора якобы не интересовались источниками финансирования артелей, не замечали быстрого расширения предприятий, не обращали внимания на то, что часть предназначенного для государственных фабрик сырья и оборудования переходила в кустарное производство. Печать незаконности и полуподпольного существования с самого начала лежала на всей этой деятельности. И производственники и представители власти знали, что в любой момент вся эта частнопредпринимательская деятельность в трикотажной промышленности может стать объектом пристального внимания "ока государева".

Не обошлось, конечно, без представителей власти и органов надзора, которые использовали сомнительное правовое положение растущей частнопредпринимательской деятельности в целях своего собственного обогащения, вымогая взятки у ее организаторов. Так возникла коррупция — сотрудничество облеченных государственными полномочиями в распределении фондов и сырья лиц с нарушителями правопорядка. Коррупция охватила множество высоких чинов в руководстве. Директора государственных фабрик и заводов, руководители правительственных учреждений, вплоть до министерств, партийные чиновники разных рангов, представители органов надзора приняли участие в противоправных действиях, которые впоследствии, в период развернутого наступления на частное предпринимательство, стали, как уже говорилось, квалифицироваться как *хищение социалистической собственности*.

Когда частнопредпринимательская деятельность, по существу до поры до времени поощрявшаяся властями, разрослась, расширилась и укрепилась, она вдруг стала карать-

ся как "хищение в особо крупных размерах". По плановому заданию КГБ были арестованы тысячи людей: директора и ответственные работники фабрик и артелей, сотрудники психоневрологических диспансеров, директора ресторанов и винных заводов, чиновники госаппарата и т. д. и т. п. Ниже мы познакомимся с некоторыми крупными уголовными делами, заслушанными Верховным Судом Российской Федерации в 1963 – 1964 гг.

Дело № 1. Процесс Шаи Шакермана

История Шаи Шакермана представляет собою настоящий детективный роман, в котором есть все: большие деньги, опасные связи, любовь и смерть, предательство, суд и приговор.

Сам Шая Шакерман был душой всей частнопредпринимательской деятельности в Москве, связанной с выпуском "левой" трикотажной продукции. Он передавал астрономической величины взятки от производителей власть имущим за право беспрепятственно получать оборудование и сырье, а также продавать через магазины неучтенную продукцию, выпущенную сверх плана. На скамье подсудимых рядом с ним оказались три работника Министерства Внутренних Дел СССР в высоких офицерских чинах (Гавриков, Галкин и Двурядкин). На суде выяснилось, что сообщниками Шакермана в совершении противоправных экономических действий были, кроме упомянутых сотрудников МВД, видные работники Госплана, Министерства Торговли РСФСР и других партийно-государственных учреждений.

Шакерман был богатым человеком, бизнесменом с размахом. Неожиданно его постигло большое горе – умерла его жена Муся Черникова, врач по образованию. Горе Мусяной матери усиливалось тревогой, что довольно молодой муж покойной дочери может жениться вторично, уйти из дома, а с ним уйдет и ставшее привычным богатство. Она нашла выход – предложила Шаю жениться на ее второй дочери. Осуществлению этого проекта мешало только то нич-

тожное обстоятельство, что младшая дочь и сама была замужем. Однако, поскольку муж замужней невесты уже много лет был деловым партнером Шаи в трикотажном бизнесе, теща справедливо полагала, что зятя смогут договориться как деловые люди. Шая предлагал за "невесту" калым в полмиллиона рублей. Муж "невесты" соглашался только на миллион. Шакерману это требование показалось чрезмерным, и он довел до сведения родственника, что, в сущности, мог бы взять женщину и без всякой уплаты. Гнев застилает глаза и деловым людям: оскорбленный муж отправился в Комитет Государственной Безопасности, подробно рассказал о всех правонарушениях, совершенных Шакерманом, в которые он был очень хорошо посвящен, поскольку и сам в них участвовал, и, закончив свои обстоятельные и драматические признания, там же в КГБ скончался на месте от обширного инфаркта.

Такова была завязка дела Шаи Шакермана. Последовала волна арестов, допрашивали работников торговли и чиновников МВД, а развязкой были судебные процессы — в Москве и в Московской области, в союзных республиках, в разных краях и областях Российской Федерации...

На суде Гавриков, Галкин и Двурядкин, офицеры МВД, рассказали, как они лично способствовали расцвету частно-предпринимательской деятельности в швейно-трикотажной промышленности под вывеской государственных предприятий; как они сами на своих служебных машинах сопровождали провоз "левой" внеплановой продукции по Москве, на случай, если этот товар будет задержан другими, не посвященными в дело, работниками Управления по борьбе с хищениями социалистической собственности.

Процесс Шакермана и офицеров МВД проводился строго закрыто. Взятки в УБХСС, где начальником член бюро Московского горкома КПСС генерал Гришин, интимный друг члена Политбюро ЦК КПСС Е.А.Фурцевой? Такой скандал власти обнародовать не хотели. Шая Шакерман был расстрелян по приговору Верховного Суда РСФСР. Имущество

его было, разумеется, конфисковано. В поисках спрятанных богатств по распоряжению КГБ подняли памятник, поставленный на могиле жены Шакермана Муси Черниковой на Востряковском (еврейском) кладбище в Москве. Клада там не оказалось.

Что стало с осужденными вместе с Шаем офицерами МВД, из которых только один был приговорен к смертной казни, — неизвестно. Известно только, что в следствии и суде по делу Шакермана были затронуты имена тысяч людей, и Комитет Госбезопасности по горячим следам развернул следственную деятельность по всей территории Советского Союза...

Процесс по делу № 1 был, так сказать, установочным процессом. Отныне стало ясно: каким будет следствие, проводимое органами КГБ, как поведет себя суд и каким должен быть приговор по крупному хозяйственному делу. Но истинным образцом приговора можно считать приговор Верховного Суда СССР по делу о частном предпринимательстве в Киргизии (о нем речь у нас еще впереди).

Дело № 2. Дело Бориса Ройфмана

По делу Ройфмана к суду было привлечено 25 человек. у КГБ с Ройфманом было джентльменское соглашение — ему сохранят жизнь в обмен на помощь: сдачу ценностей и раскрытие сообщников. Поручителем был тогдашний глава КГБ и будущий кратковременный глава советского правительства Юрий Андропов. Следователи вели себя по отношению к ценному подсудимому исключительно корректно и даже ласково.

Ройфман рассказал на следствии, а потом и на суде, что в начале его работы в кустарной промышленности власти сулили ему и его коллегам золотые горы: "Помогите нам, приложите ваши прекрасные еврейские способности, чтобы организовать производство. Мы дадим вам фондовые товары и лучшее оборудование. Мы пойдем вам навстречу. В стране острая нужда в белье, в верхнем трикотаже". Но на деле

не было ни сырья, ни станков, ни обещанных фондов, ни квалифицированных кадров. Ройфман рассказал, что сотрудники государственных учреждений вымогали взятки за малейшую любезность, даже за прямое исполнение служебных обязанностей. Только за взятку можно было получить сырье, только за взятку — необходимое производству оборудование. Взятки требовались не только мелким служащим, но и ответственным работникам Госплана, заместителям министров, офицерам МВД.

Ройфман чистосердечно рассказал о частнопредпринимательской деятельности, выразившейся в выпуске неучтенной продукции на фабрике № 11 в Перово и на других предприятиях, где он работал; он сообщил о полученных прибылях и назвал компаньонов по противоправным сделкам. Он полностью признал свою вину, но при этом неоднократно подчеркивал, что был втянут в преступную деятельность *общей системой, существующей в СССР*. Он категорически отрицал "хищение" и совершение противоправных сделок после 1961 года, как это отрицали и остальные подсудимые.

Следствие по делу Ройфмана возглавлял тогдашний начальник следственного отдела КГБ полковник Петренко, впоследствии начальник прославленной и страшной тюрьмы Лефортово. Полковник клялся подследственному, положив на стол партбилет и как бы принося присягу, что жизнь ему за полезное сотрудничество со следствием будет сохранена. Поверив Петренко, Ройфман отказался от услуг адвоката по соглашению. У него был только "казенный" адвокат от Московской Городской Коллегии Людмила Дунаева, прежде работавшая судьей в одном из районов Москвы.

Дело слушалось около трех месяцев.

Итак, начальник следственного отдела КГБ Петренко от имени главы своего ведомства тов. Андропова уведомил Ройфмана, что прокурор потребует для него расстрела, а Верховный Совет помилует его.

В обвинительном заключении и в речи прокурора было много спорного, касавшегося времени содеянного, объе-

ма и квалификации правонарушения, личной причастности Ройфмана к отдельным эпизодам. Тенденциозно усиливалась причастность Ройфмана к эпизодам, касавшимся одного только Шакермана. Однако адвокат, согласно договоренности со следственными органами — трудно себе представить такое, но — увы! — это так, — посвятила свою заранее написанную речь "растленному влиянию капиталистического мира на психологию советских людей" и тому, как этой психологией "заразился" ее подзащитный, теперь полностью раскаявшийся. Ни единым словом не обмолвилась защита о существовании обвинения, о спорных в нем положениях и об объективном возложении следствием вины Шакермана на Ройфмана. Защитительная речь была краткой, бесцветной, точно сочинение плохо успевающего школьника.

Последнее слово Бориса Ройфмана было произнесено с большим волнением, но с сохранением человеческого достоинства. Он говорил о своем раскаянии, о том, что полностью возместил ущерб, сдав добровольно все деньги, добытые в ходе незаконной частнопредпринимательской деятельности. Он просил суд о сохранении жизни.

Здесь уместно сказать несколько слов о человеческом облике Бориса Ройфмана. Он был участником Второй мировой войны, главой семьи, отцом двоих малолетних детей, один из которых был психически неполноценен и признан инвалидом с детства. В своем деловом кругу Ройфман пользовался всеобщим уважением за доброту и деловую честность. Если в их среде возникали деловые конфликты, спорящие стороны не раз обращались к Ройфману как к третьей стороне, хотя ему не было и сорока лет. Было известно, что он всегда готов выручить деньгами тех своих коллег, у которых происходили неприятности, что он покрывал чужие растраты и ссужал деньгами нуждающихся. Даже кагебешники не называли его иначе, чем Боречка...

Суд во главе с Председателем Судебной Коллегии по уголовным делам Николаем Степановичем Романовым приговорил по этому делу многих подсудимых (всех без исклю-

чения евреев) к расстрелу, среди них и Ройфмана Бориса Израилевича, 38 лет от роду. Ройфман подал прошение о помиловании на имя Президиума Верховного Совета СССР (тогдашний Председатель — Л.И.Брежнев), и его ходатайство поддержало КГБ, хлопоча о жизни свидетеля, который мог еще пригодиться. Но последовало личное указание Хрущева — расстрелять, и Ройфмана расстреляли.

Прокурор М.И.Илюхин, поддерживавший обвинение по делу Ордера (см. дело № 3) и других, не раз прямо в здании Верховного Суда публично воспроизводил волевое указание Генсека: "Всех их, жидов, надо стрелять! Еще одним жидом будет меньше! И без этого (то есть без сохранения жизни подсудимым. — Е.Э.) отнимем у них все!"

Людмила Дунаева, адвокат Ройфмана, после вынесения приговора ударилась в настоящую истерику. Неизвестно, помогло ли бы ее подзащитному более профессиональное поведение адвоката, но с точки зрения юридической этики было бы намного лучше заменить бурное проявление чувств после приговора выполнением своих обязанностей по отношению к подзащитному во время следствия и суда.

Расстрел Ройфмана огорчил сотрудников КГБ: стало труднее склонять подследственных к откровенности и пополнять казну конфискованными ценностями. Бывший руководитель следственного управления КГБ Петренко был переброшен на должность начальника Лефортовской тюрьмы именно в это время и именно для налаживания сотрудничества арестованных за экономические преступления со следственными органами. И вот полковник Госбезопасности Петренко потчует чайком находящихся во вверенной его попечению тюрьме заключенных; одновременно он совершенствует систему подслушивания в камерах; сочувствуя горю родных арестованного, убеждает их повлиять на подследственного: признание облегчает участь... Иногда это действует.

ПРИМЕЧАНИЕ. Процесс Б.И.Ройфмана восстановлен мною по памяти, записям, представляющим собой также и часть материалов по делу П.Ордера и других, участником которого я была.

Дело № 3. Дело Петра Ордера

По делу Петра Гдалиевича Ордера (или по делу Перовской фабрики № 11) были привлечены к суду 24 человека. В Верховном Суде Российской Федерации (по первой инстанции) дело слушалось в течение пятнадцати месяцев. Председательствовал М.А. Гаврилин, член Верховного Суда РСФСР; народные заседатели — А.П.Александров* и Н.Д.Третьяков, секретарь — К.И.Сенчакова. Обвинитель — прокурор КГБ М.И.Илюхин.

В процессе следствия по делу были привлечены тысячи людей в одной только Москве. В суд было вызвано 400 свидетелей, суд рассматривал заключения десятков коллегияльных экспертиз, технических, технологических и судебных-бухгалтерских, и акты многочисленных ревизий. Исковые требования от имени государства поддерживал представитель государственного обвинения. Многие свидетели были вызваны из лагерей, где они отбывали наказание как ранее осужденные по делу Ройфмана, либо по другим, более мелким делам. Размах судебного процесса, инспирированного властями, свидетельствует о том, что "трикотажные дела" охватили по стране тысячи людей, находившихся в заключении в период с 1959 по 1968 год, что подтверждается подсчетами, произведенными по документам, приложенным в настоящей книге к делам Ордера и Хейфеца. (Разумеется, эти подсчеты не являются абсолютно точными.) Для проведения судебного процесса аресто-

* А.П.Александров был как бы *штатным* заседателем на многих еврейских процессах. Он участвовал в суде по делу Рокотова, по делу о "Раменской резинке" и в других процессах подобного рода, рассматриваемых в Верховном Суде РСФСР. Он был особенно полезен при отправлении специфического правосудия тех лет по отношению к евреям, при его участии были вынесены многие смертные приговоры, и он, совершенно очевидно, получал от этого удовольствие.

ванных разбивали на группы по 25 – 50 человек, выделяя в ту или иную группу по производственным, либо иным признакам.

Дело Ордера и других было выделено по признаку общей принадлежности обвиняемых к одному производству – Перовская фабрика № 11 – и по связи с главным обвиняемым.

Я была приглашена в качестве защитника одного из обвиняемых, Файбиша Абрамовича Атливанника, его дочь Анной в 1962 году. Процесс был закрытый. Для участия в нем адвокату требовался так называемый *допуск**, специальное разрешение Президиума Московской Городской Коллегии адвокатов. Дело воспроизводится здесь по моим личным воспоминаниям и рабочим записям, сделанным во время процесса, а также по тексту приговора по делу Ордера, имеющемуся в моем распоряжении.

Швейно-трикотажная фабрика № 11 в подмосковном городе Перово была создана в 1950 году на базе прежде существовавшей (с 1946 года) кустарной артели того же производственного профиля. Здесь когда-то работали Шакерман, Ройфман, Блитман, Ордер и др. В обвинительном заключении утверждалось, что на фабрике (артели), начиная с 1948 года, действовала группа, занимавшаяся выпуском неучтенной продукции. Вплоть до 1961 года здесь якобы происходили систематические хищения государственного имущества в особо крупных размерах, имели место спекуляция и обман покупателей, а некоторые подсудимые осуществляли также валютные операции с нарушением соответствующих правил.

Сырье и оборудование приобретались за взятки. При помощи махинаций в учете и нарушении технологии производства создавался неоприходованный избыток сырья. Готовые

* "Допуск" – разрешение на участие в процессе особой сложности. Допуск давался либо адвокатам высокой квалификации, либо допущенным КГБ по секретной "форме № 4".

изделия намеренно неправильно маркировались по сортам и размерам. Отчетные цифры не соответствовали действительности. Вся "левая", то есть неучтенная, продукция сбывалась через сообщников в торговую сеть, а деньги, вырученные от продажи этого товара и за счет пересортицы, производственники и торговые работники делили между собой, причем на долю производственников шло 80 процентов выручки, а на долю продавцов — 20 процентов. В орбиту этой преступной деятельности оказались втянутыми более 60 государственных учреждений и предприятий, находившихся в самых разных областях Советского Союза. Не обошлось и без министерских работников и сотрудников планирующих организаций, о них специально говорилось в обвинительном заключении как о лицах, способствовавших процветанию злоупотреблений на Перовской фабрике № 11*.

Общая сумма ущерба, исчисленная судебно-бухгалтерской экспертизой и предъявленная подсудимым, составила 2760000 в новых деньгах, введенных в оборот с 1 января 1961 года.

Суд признал, что партнерами в противозаконных действиях, поставщиками сырья для "левой" продукции, были следующие государственные предприятия и учреждения: Басоно-галантерейная фабрика, Пехорская фабрика, Фабрика им. Менжинского, Павлово-Посадская фабрика, Шелковская фабрика, Вышневолоцкая фабрика, Пушкинская концевальная фабрика, Фабрика им. Парижской Коммуны, Калининская фабрика, Главмашдеталь, Мособлкульт, Промсовет, Мособлпромсоюз, Совпартхоз, Фабрика "Красный текстильщик", Комбинат № 513, Всероссийское Хоровое Общество, Владимирская трикотажная фабрика, Московская текстильная фабрика, Спецуправление Мосгорисполкома, Разно-

* Параллельно процессам над "трикотажниками" в других составах Верховного Суда РСФСР слушались дела работников Госплана, Министерства торговли и других министерств, являвшиеся ответвлениями от вышеописанных дел.

промэкспорт, артель "Третья Пятилетка", магазины "Мосгалантерея" №№ 1, 3, 4, 11 и др., крупнейшие универмаги Москвы и других городов Советского Союза, десятки психоневрологических диспансеров Москвы, Московской области и других областей РСФСР, Украины и прочих союзных республик. В этом списке соучастников антигосударственного преступления находят себе место крупнейшие планирующие органы страны — Госплан РСФСР, Госпланы других республик и даже Госплан СССР. Но особо следует отметить, что в том же списке оказались поименованными сотрудники учреждений, чья прямая обязанность как раз борьба с подобного рода нарушениями: ОБХСС (Отдел борьбы с хищением социалистической собственности) города Перова, УБХСС города Москвы и т. п. (см. раздел "Приложения" в конце книги).

В параллель судебному процессу Перовской фабрики № 11 должна быть рассказана ее досудебная история, звучащая как нормальный производственный роман в духе соцреализма. Маленькая кустарная артель. Ручной труд, преимущественно женский. Дряхлые станки. Некондиционное сырье, поступающее в виде комьев слипшихся ниток, с трудом распутываемых руками надомниц. Но появляются героини-энтузиасты, и в течение нескольких лет происходят разительные перемены: артель становится первоклассно оснащенной фабрикой, снабжающей всю страну трикотажным бельем; открываются красильный и швейно-закройный цеха, цех по производству пластмасс. Фабрика № 11 становится ведущим предприятием поселка Перово, который, в большой степени благодаря ее успехам, получает статус города. Партийно-государственные органы с гордостью отмечают ее достижения, "способствующие росту благосостояния советских людей, трудящихся столицы и области..." Газеты посвящают статьи Перовской фабрике № 11. Ее руководители получают большие премии. Директор фабрики П.Однохоров, отставной полковник, русский по национальности, избран в Совет Депутатов Трудящихся района и в члены Пленума Горкома Партии. И ни одна ревизия, а их за 14 лет существования арте-

ли-фабрики было немало (районных, городских, коллегийных, министерских), никогда не устанавливала ни отклонений от норм расхода сырья, ни каких бы то ни было злоупотреблений. Также и органы надзора, Прокуратура и ОБХСС, за долгие годы *совместной* работы ничего предосудительного в действиях руководителей фабрики не замечали.

Картина, установленная судом, выявила причины необычайного процветания фабрики: под вывеской государственного предприятия протекала разветвленная частнопредпринимательская деятельность. Но было ли это секретом в прежнюю, досудебную пору, пору существования фабрики? Конечно, нет. Об этом знали решительно все, кто так или иначе сотрудничал с фабрикой, и решительно все старались урвать себе кусок от ее доходов.

За счет *левых* прибылей фабрика приобретала необходимое сырье и новейшее оборудование, конкурировавшее качеством с оснащением государственных предприятий. Но приобрести *неплановое* сырье и оборудование можно было только по нарядам, полученным от государственных чиновников высокого ранга, и они выдавали такие наряды — за большие взятки. Не понимать это было невозможно. И начальство, и инспекция прекрасно знали, как достают сырье и оборудование. Но в своих интересах, прямо скажем, грубо материальных, закрывали на это глаза. С другой стороны, они понимали, что таким путем частично решается проблема снабжения. Закрывали они глаза и на прямые нарушения технологии. В цехах многоопытные механики особым образом "разряжали" станки, чтобы они давали ткань чуть меньшей плотности, чем это предусмотрено ГОСТом. Сэкономленная таким образом пряжа позволяла выпускать сверхплановую неучтенную продукцию. Раскройщики прикладывали лекала с такой изобретательностью, что при соблюдении всех нормативов выгадывали еще какие-то миллиметры ткани, складывавшиеся в метры и сотни метров и превращавшиеся впоследствии опять же в неучтенную продукцию. При выпуске шерстяного трикотажа в шерсть добавляли по-

лушерстяную или капроновую нитку. В продажу поступали изделия с повышенным содержанием нешерстяной нити. Покупатель этого не замечал, и на это была главная ставка. А на фабрике оставался избыток шерстяной пряжи, превращаемый в дальнейшем в добавочную продукцию. Изделия маленьких размеров обозначали в документах как изделия больших размеров — это опять-таки сохраняло пряжу. Ну и кто же не знал об этом? Только тот, кто не хотел знать.

Вся продукция, и плановая, и внеплановая, сбывалась через государственную торговую сеть. Существовали особая договоренность с директорами магазинов и особый порядок подвоза товаров. Этот порядок мог существовать только в условиях острого товарного голода в СССР, когда любое количество трикотажных изделий распродавалось без остатка за короткое время. Обычно сперва подвозили *левую* продукцию, оформленную по фиктивным накладным, а когда этот товар к середине или концу дня оказывался распроданным, поступал *плановый* товар с новыми, правильными накладными. По завершении реализации всей партии товара "левые" накладные уничтожались, оставались только "правильные", и между торгующим предприятием и представителями производства производился расчет по заранее оговоренной таксе. Между собой обмана не было. Действовал принцип "бей нимунес" — принцип расчета без документов, на честное слово.

Между прочим, этот принцип долго и подробно обсуждался в ходе суда, и похоже, что он особым образом заинтересовал прокурора, подробно расспрашивавшего о нем подсудимых: что значат слова "бей нимунес", и неужели евреи действительно вели все расчеты, полагаясь только на честное слово друг друга?

Все эти обстоятельства четырнадцатилетней деятельности Перовской трикотажно-швейной фабрики № 11 подытожило следствие КГБ, оставившее после себя 137 томов следственного производства, которые теперь легли на стол

Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассматривавшей дело Петра Ордера и др. в течение пятнадцати месяцев 1963 – 1964 годов.

Я позволю себе небольшое отступление от темы, которое кажется мне необходимым. Читатель должен помнить, что в СССР борьба с тем или иным видом преступления всегда носит характер государственной кампании и осуществляется планово по всему Советскому Союзу, согласно спущенным сверху директивам, указаниям о методах проведения следствия и едва ли не в соответствии с намеченными по тем или иным районам и областям цифрами арестов.

Когда на самом высоком правительственном уровне было принято решение о проведении кампании борьбы со взяточничеством, крупными хищениями, незаконными операциями с валютой, всем краям, областям и республикам была спущена специальная директива, придававшая этой борьбе глобальный характер. Директива вышла из особого, созданного именно для проведения этой кампании, Управления КГБ № 7, и ходили упорные слухи о том, что внутри КГБ это управление не обинуясь называют "еврейским". Кампания шла успешно и разворачивалась стремительно: сотни тысяч арестованных наводнили тюрьмы КГБ по всей стране, шли допросы, и копии их протоколов отправлялись в Центр, откуда местным отделениям КГБ спускались особые вопросы и инструкции, предназначенные именно для данной кампании. У задержанных, у их знакомых и родственников описывали имущество. Кампания носила откровенно выраженный антиеврейский характер, и, по-видимому, КГБ имело в числе своих сотрудников и советчиков, возможно, негласных, евреев. Потому что уже в процессе следствия выявилась хорошая подготовка следователей и их осведомленность в "еврейской специфике". Уже на ранних этапах следствия следователи обнаруживали не только поразительное проникновение в суть "левых" операций, но и знание еврейских праздников, еврейского религиозного календаря, еврейских обычаев и законов иудаизма. Итогом этой кампа-

нии были крупные процессы по экономическим делам, продолжавшиеся, начиная с 1962 года, целое десятилетие.

Итак, дело Ордера назначено к слушанию, но почему-то всякий раз откладывается. Суд откладывает дело до выздоровления находящегося в больнице подсудимого Юрия Госиса, являющегося одной из центральных фигур в этом процессе. Однако постепенно в кулуарах суда выясняется, что ждут с нетерпением совсем не выздоровления, а смерти тридцатидевятилетнего Госиса, прошедшего в Лефортовской тюрьме два года под предварительным следствием, заболевшего там раком и теперь находящегося в больнице им. Боткина в Москве. Профессор Розанов произвел больному резекцию желудка, но положение Госиса безнадежно: метастазы поразили уже весь организм.

Своему адвокату Лидии Николаевне Нечаевой (юрконсультация Бауманского района Москвы) Госис жаловался, что на втором году заключения стал ощущать острые боли в желудке, но ему отказывали в действенной помощи. Его отвезли в больницу лишь тогда, когда он не мог уже даже доползти до тюремного "воронка", доставлявшего подсудимых в суд.

Суд в полном составе (но, разумеется, без адвокатов) выезжал в больницу, допрашивал проф. Розанова и составлял на месте документ о невозможности слушать дело... до выздоровления Госиса. Наконец Госис умер и занял свое место на Востряковском кладбище под камнем с надписью: "Дорогому мужу, отцу, сыну — Юрочке Госису, замученному в 40 лет, — от родных".

Теперь суд мог начаться. На скамье подсудимых 23 человека. День за днем они дают показания, признавая свою вину в правонарушениях, но энергично спорят об объеме содеянного, отрицают некоторые противоправные сделки и, особенно, нарушение Закона после конца 1960 года. Никто не соглашается с квалификацией преступления как хищения в особо крупных размерах. Все подсудимые настаивают на том, что своими действиями совершали только обман по-

купателей, и признают, что под вывеской государственного предприятия занимались частнопредпринимательской деятельностью. Эти их утверждения не голословны — они доказываются. Это и есть их борьба за жизнь — борьба за правильную квалификацию преступления и правильное определение объема содеянного. Признают они и то, что давали взятки. Некоторые признают и участие в валютных операциях частного характера.

Особую роль в этом процессе играет обвиняемая Левашова Тамара Григорьевна, русская, бывшая учительница, служившая заместителем начальника трикотажного цеха у Ордера. У Левашовой феноменальная память, просто какая-то электронно-счетная машина. Она помнит все обо всех и разоблачает всех. Подоплека ее действий проста. Об этом рассказал в суде сожитель Левашовой свидетель Шарбер, осужденный по другому делу. Начальник следственного отдела КГБ Петренко сказал ей: "Ну что ты покрываешь этих жидов? Помогите нам, а мы — тебе..."

Левашова "откровенно" рассказала суду, как, попав в *еврейское окружение*, была вовлечена *евреями* в преступные действия. Это евреи научили ее покупать для себя золото и хранить его у дальних родственников в Татарии. Она считает, что ее доходы почти равнялись доходам Ордера, но работать в цеху ей приходилось гораздо больше его. Это по ее личной просьбе, подтвердила она, знакомый механик чуть-чуть разрядил машину, что, с одной стороны, уменьшило плотность ткани, а с другой — сократило расход пряжи, давая возможность экономии сырья в целях производства *левой* продукции. Она согласна с тем, что фактически являлась техническим руководителем цеха, предоставив Ордеру преимущественно заниматься внешними связями. Ни одна *левая* сделка не совершалась помимо нее, и она имела равную долю в прибылях. Она, случалось, отправлялась на другие предприятия за сырьем и добывала его незаконным способом. До своего появления в цеху у Ордера, она занималась точно такой же деятельностью на Пехорской фабрике вместе

со своим сожителем Щарбером. Показания Левашовой отличались ядовитой четкостью и целенаправленностью: никогда она *им* (то есть *евреям*) не забудет, что они увлекли ее на стезю преступления. Но Левашова отрицала как "хищение в особо крупных размерах", так и продолжение преступных действий после 1960 года или после Указа от 5 мая 1961 года. И она тоже, как и другие, соглашалась признать только, что ее действия и действия остальных подсудимых были направлены на *обман покупателя* и представляли собой *частнопредпринимательскую деятельность*, которой она занималась вместе с другими обвиняемыми на Перовской фабрике № 11.

Отвлекаясь несколько от центрального сюжета книги, хочу рассказать о своих собственных деловых контактах с Левашовой. Дело в том, что в то самое время, когда Левашова попала в тюрьму по делу "трикотажников", была арестована и ее дочь Людмила — за соучастие в грабеже. Уже отбывая наказание в лагере, Левашова обратилась ко мне с просьбой взять на себя защиту ее дочери. Я не могла отказать ей. В процессе по делу Ордера у моего подзащитного Атливанника были с Левашовой острые разногласия. Но это не помешало Левашовой обратиться за помощью ко мне. Возвратившись в Москву по отбытии наказания, Левашова при встрече со мной рассказала, как следователи КГБ и полковник Петренко впрямую просили ее "не защищать жидов, а помочь *очиститься от них* русским людям". Спасая свою жизнь, сказала она, она взялась помогать следствию, хотя "безумно любила еврея Щарбера" и была расположена ко всем, с кем работала...

Другим деятельным помощником суда и следствия выступил на этом процессе Александр Михайлович Коган, стоявший в обвинительном заключении первым по объему содеянного среди торговых работников. Уличая своих компаньонов, производственников и торговых работников в противоправных действиях, он оговорил на процессе 400 человек. Суд и прокурор были по отношению к нему предупре-

дительно вежливы: "Александр Михайлович, скажите, пожалуйста..." Ни к одному другому обвиняемому ни судья, ни прокурор по имени-отчеству не обращались. В обмен на обещание сохранить ему жизнь, Коган не скупился на показания, но излагал возможно даже и достоверные факты так цинично и тенденциозно, что вызывал абсолютно у всех в зале не сострадание, а брезгливое чувство, как от прикосновения к чему-то скользкому. Держался он угодливо, как-то распластанно, теряя человеческое достоинство, подлизываясь к суду и цинично наступая на горло другим подсудимым. Его показания многим стоили жизни, в частности его ближайшему компаньону и заместителю, инвалиду войны Борису Пугачу. Но об этом позже.

Двадцать три человека, представшие перед судом по делу Ордера, были осуждены, по сути дела, за частнопредпринимательскую деятельность, которая ни в одной стране свободного мира не считается преступной. Но даже и при государственной монополии, существующей в Советском Союзе, невозможно понять и принять, что такая деятельность наказывалась смертью и длительными сроками лишения свободы, причем в мирное время, вне каких бы то ни было чрезвычайных обстоятельств.

Лица, представшие перед судом по делу Ордера и другим подобным делам, не ослабляли торговую монополию государства, не расшатывали его экономику. Скорее можно сказать, что своей частнопредпринимательской инициативой они отчасти подправляли уродства "плановой" экономики, конечно же, в целях личного обогащения. Они перешагнули порог ситуации, но именно ситуации, а не Закона, который стал частнопредпринимательскую деятельность квалифицировать как хищение. И сразу попали в сферу действия чрезвычайного законодательства начала шестидесятых годов, в котором жестоким репрессивным мерам в законодательном порядке была придана обратная сила. Все это было грубым попранием советского и международного уголовного права. Антиеврейская направленность чрезвычайных законов

начала шестидесятых годов (не отмененных и по сей день) по отношению к противоправным действиям в области экономики не прошла незамеченной мировой общественностью. В подтверждение этого приведу два письма, которыми обменялись в начале 1963 года известный английский ученый и общественный деятель Бертран Рассел и глава советского правительства Никита Сергеевич Хрущев.

Послание Бертрана Рассела датировано 2 февраля 1963 года. В нем говорится:

Дорогой премьер Хрущев! Я глубоко обеспокоен смертными казнями, которым подвергаются евреи в Советском Союзе, и тем официальным поощрением антисемитизма, который, по-видимому, имеет место. Я пишу это в частном порядке; Вы, конечно, знаете, что я – друг Вашей страны и дружески отношусь к Вашим личным усилиям, направленным к мирному сосуществованию, усилиям, которые я публично поддерживаю. Я призываю Вас к амнистии, исходя из гуманных соображений и наших совместных интересов, которые состоят в мирных отношениях между Востоком и Западом.

*С уважением, искренне Ваш
Бертран Рассел*

Это письмо было опубликовано в "Правде" 3 февраля 1963 года. В той же газете почти через месяц, 1 марта 1963 года, был напечатан ответ главы советского правительства:

Уважаемый господин Бертран Рассел! Я получил Ваше письмо, в котором выражается озабоченность по поводу того, что среди лиц, наказываемых в последнее время по Законам Советского Союза за совершенные преступления, именуемые в западной печати "экономическими", и м е ю т с я л ю д и е в р е й с к о й н а ц и о н а л ь н о с т и. Это квалифицируется некоторыми на Западе как проявление антисемитизма. Должен откровенно сказать, что подобный

вывод меня удивляет. Он является результатом глубокого заблуждения.

Буржуазная печать Запада в последние месяцы вновь подняла шумиху по вопросу так называемого антисемитизма в СССР. Со всей ответственностью заявляю: это грубый вымысел, злобная клевета на советских людей, на нашу страну. Даже сама буржуазная пресса признает, что среди осужденных за экономические преступления встречаются лица самых различных национальностей.

...Меры наказания каждому из совершивших преступление не имеют отношения к национальной принадлежности. ...Наша мораль, наши законы опираются на принципы: кто не работает, тот не ест, наше государство с помощью закона ограждает честных тружеников от паразитов, тунеядцев, которые хотят жить за счет ограбления других или за счет бесчестных махинаций.

...Труд спекулянтов, взяточников, валютчиков — это общественно-паразитическая деятельность, вредная для окружающей среды, для общества.

...Когда хотят очернить наш строй и его законы, то часто прибегают к такому приему, как злонамеренное приписывание им черт, якобы направленных против определенной нации — еврейской. Но это легко опровергается фактами.

...Одним словом, решение суда направляется не против определенной какой-то нации, а против преступлений их носителей, независимо от того, к какой нации они принадлежат.

...Попытка реакционной пропаганды приписать нашему государству политику антисемитизма или поощрения его — это не новое явление. Классовые враги и в прошлом прибегали к такой клевете на нашу действительность. Политики антисемитизма нет и не было в Советском Союзе, т.к. характер нашего многонацио-

нального государства исключает возможность такой политики.

...Наша Конституция заявляет: "Всякая пропаганда расовой или национальной исключительности или ненависти, или пренебрежения, карается законом". Девиз нашего общества: человек человеку – друг, товарищ и брат.

...Можете не сомневаться, что мы будем и впредь делать это со всей настойчивостью и последовательностью.

С уважением, Н. Хрущев

Таким образом, советский премьер недвусмысленно ответил представителю передовой (передовой – с советской точки зрения) международной общественности, что в наших внутренних делах мировое общественное мнение нам не указ. Стреляли, дескать, жидов – и будем стрелять.

Гуманная практика советского правосудия была ярко представлена в многомесечном процессе по делу Ордера и др.

Слушание происходило в большом зале судебных заседаний здания Верховного Суда РСФСР в проезде Куйбышева в Москве. Это особо торжественный зал. Здесь происходят пленумы Верховного Суда, праздничные заседания, партийные собрания работников Верховного Суда. В этом же зале слушаются наиболее значительные судебные дела. В большинстве случаев слушаются за закрытой дверью, даже тогда, когда в приговоре значится: "Дело рассматривалось в открытом судебном заседании".

Для каждого посещения суда по делу Ордера и др. требовался особый разовый пропуск. Из родственников подсудимого допускался всего один человек, который мог занять место только на балконе. Балкон существенно отдален от зала, расположенного внизу, и все судоговорение можно слушать здесь лишь по радио. За сценой, скрытая плотным занавесом, находится целая радиостанция, обеспечивающая и трансляцию во всем зале и прямую передачу во внутренние покои КГБ. Караул несут солдаты внутренней охраны МВД, которым ежеутренне объясняют, что в зале будут судить

”врагов народа”. Снаружи — милиционеры. Красный бархат кресел, хрустальные подвески люстр и настенных бра, портреты, украшающие зал, создают торжественную обстановку. Суд в полном своем составе восседает на сцене, у каждого члена суда — микрофон. У подсудимых — один микрофон на всех, на длинном шнуре. Конвоир всякий раз передает его тому, кто дает объяснения. В зал допущены только те журналисты, которых одобрил Комитет госбезопасности: Ю. Феофанов, И. Шатуновский, Э. Пархомовский. С делами они познакомились задолго до окончания следствия, несмотря на существующий в Законе запрет разглашать тайну следствия. Эти журналисты формируют общественное мнение через печать еще *до суда*.

Заголовки статей, посвященных ими делам об экономических преступлениях, поразительно напоминают погромные призывы периода кампании по борьбе с космополитами или времен ”дела врачей”. Эти визгливые статьи суд подшивает в дело и потом... опирается на них как на доказательства. И то сказать, если вершить суд, руководствуясь ”революционным правосознанием”, то и они годятся... По сути дела, это типичная преюдиция — обычная форма беззакония, прописанная в советском судопроизводстве навечно.

Но обратим свой взгляд на скамью подсудимых:

Однохоров — директор Перовской фабрики № 11, русский, член КПСС.

Атливанник — технический директор фабрики, еврей.

Начальники цехов и их заместители: Ордер, еврей; Кантор, еврей; Нудель, еврей; Финкельштейн, еврей; Ковалев, еврей; Губенко, еврей; Золотонос, еврей; Курман, еврей; Левашова, русская; Мясоедова, русская; Аксенова, русская;

Поршнева — главный бухгалтер фабрики, русский; Копченова — зам. главного бухгалтера, русская;

Коган — директор магазина, еврей; Пугач — зам. директора магазина, еврей; и другие...

Среди подсудимых по делу Ордера особенно выделялся Борис Пугач, одноногий инвалид Второй мировой войны, ка-

валер многих орденов. Он уже перенес несколько инфарктов миокарда, последний из них — в тюрьме. Говорит тяжело, борясь с одышкой. Суд учитывает состояние здоровья подсудимого Пугача и проявляет к нему достойное всякой похвалы внимание. Что-то в этой предупредительности даже тревожно настораживает. Для Пугача поставили низкое мягкое кресло, поднимается он с него с трудом, опираясь на палку. В суде постоянно присутствует врач и медицинская сестра. Пугачу, чтобы освободить его от лишних движений, во время перерыва приносят еду прямо в зал, в то время как остальных подсудимых уводят обедать в подвал. Пугачу даже разрешается отдыхать во время перерыва на диване.

Пугач был компаньоном и заместителем директора магазина Александра Когана. Коган, как уже было сказано выше, в своих показаниях его просто топит. В магазине Пугач занимался приемом плановой и внеплановой продукции, ее реализацией. Он признал свою вину, при аресте добровольно и сразу возвратил все нажитое противозаконными операциями, полностью возместив исчисленный следствием ущерб.

Положение Пугача по обвинительному заключению — среднее. По делу проходит много подсудимых, стоящих впереди него по объему содеянного. Допрос Пугача ведется судом без напора: с одной стороны, потому что он и так все признал, с другой — потому что его без конца "разоблачает", "саморазоблачаясь", Коган. Адвокат Пугача Борис Львович Исаев, видя гуманное отношение суда к своему подзащитному, обнадеживает его и успокаивается сам. Однако прокурор КГБ Илюхин потребовал для Пугача смертной казни.

В защитительной речи адвокат Пугача последовательно, аргументированно, логично разбил доводы обвинения. Суд разрешил Пугачу произнести последнее слово сидя. Оно прозвучало жалко.

Пугач не был опасным преступником. Вина его буднична. В его собственном прошлом заслуги перед страной и обществом, в котором он жил, несомненны: он был ветеран

и герой минувшей войны, оставивший на полях сражений свое здоровье. Такие вещи учитываются и уважаются любым судом и в любой стране, как правило, и в советской стране — тоже. Не убийца, не грабитель, не политический преступник, Пугач был провинившийся продавец и еврей. Суд не оказал ему справедливости, а Верховный Совет отказал в помиловании. Через два месяца Пугач был расстрелян.

Борис Львович Исаев, адвокат Пугача (юрконсультация Краснопресненского района Москвы), узнав, что приговор, вынесенный Пугачу, приведен в исполнение, скончался на месте от разрыва сердца.

Чем же объяснить "гуманность", проявленную судом по отношению к Пугачу до вынесения приговора? Ответ не сложен: чтобы сохранить его живым до вынесения приговора, поскольку "конфискация изъятого и описанного имущества осужденного может быть произведена только по вступлении приговора в законную силу"* . А приговор, вынесенный Верховным Судом, входит в силу с момента его оглашения и обжалованию не подлежит. У КГБ и Суда были большие трудности с конфискацией имущества умершего прежде суда Юрия Госиса (которые, конечно, в конце концов были успешно преодолены служителями Закона), и на этот раз, ради денег и ценностей, подлежащих конфискации, требовалось дотянуть жизнь Пугача хотя бы до оглашения приговора. Вот и вся "забота о человеке". Трагический эпизод с Пугачом врезался в память всем участникам процесса.

Когда были закончены допросы подсудимых и свидетелей, стал прорисовываться стержень будущей обвинительной речи. Ей предшествовало рассмотрение заключений различных экспертиз и ответы экспертов на вопросы Суда и стон. В целом они подтвердили предварительные выводы.

* Ст. 30, 356 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР. М., 1973, а также — Комментарий к УПК РСФСР. М., 1963, стр. 92—93, а также — Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964, № 18 УПК РСФСР, стр. 206—208.

Вне судебных заседаний, когда случались перерывы в слушании, продолжавшиеся по нескольку дней, эксперты долгие часы просиживали в зале суда, согласуя свои заключения... с прокурором, но укладкой от защиты.

Государственный обвинитель прокурор КГБ М.И.Илюхин произносил свою речь в течение двух дней. Ему пришлось прервать ее после первого дня по неожиданным причинам.

На этот раз спор между обвинением и защитой шел на высоком профессиональном уровне и касался всех аспектов предъявленного обвинения и степени его доказанности. Адвокату, выступающему в советском суде, подобном этому, требуется не только мастерство, но и гражданское мужество, чтобы выполнить свои обязанности по отношению к подзащитному. И мужество в этом процессе было проявлено представителями адвокатуры. Мы знали, что весь процесс не просто записывается, но прямо транслируется с места события в КГБ. При этих условиях мы не могли и не хотели советоваться друг с другом, или хотя бы просто обмениваться репликами. Мы писали друг другу записки, которые потом либо уносили домой, либо, разорвав на кусочки, спускали в канализацию.

Как по всему обвинительному заключению в целом, так и относительно каждого из обвиняемых защита выдвинула аргументы, принципиально исключающие часть обвинения. Были оспорены время свершения и объем деяния, правильность квалификации правонарушения и степень доказанности обвинения. Категорически отвергалась возможность применения к подсудимым новых Указов и придания им обратной силы.

Вслед за подсудимыми, их защитники признавали в целом наличие правонарушений. Но доказывалось, что в действиях обвиняемых вообще нет хищения государственного или общественного имущества, ни в крупном, ни в особо крупном размере. Следствие вывело такое астрономическое количество незаконно приобретенного сырья, какого производство никак не могло бы переработать за указанное

время. Защита признавала обман покупателя в отношении качества продукции, ее стоимости и размеров. Мера наказания в этом случае определена ст. 156, часть II УК РСФСР: "лишение свободы на срок от 2 до 7 лет с конфискацией имущества". Суд произвольно отверг эти принципиальные доводы подсудимых и защиты.

Подтверждая обман покупателей и взятки, подсудимые и защитники резко возражали против применения смертной казни по экономическим делам, против предания Закону обратной силы. Казалось, что факты и доводы разума восторжествуют. Но это только казалось. Исход полуторогового слушания дела был предопределен двухлетним следствием КГБ. С КГБ было согласовано и наказание. Судебное следствие на поверку оказывалось затянувшимся фарсом. Вопреки установленным фактам, вопреки Закону, подсудимые евреи были подвергнуты бессмысленно жестокому наказанию.

Речь прокурора Илюхина почти дословно воспроизводила обвинительное заключение. По его мнению, главными преступниками были: среди производственников — Ордер и Атливанник, а среди торговых работников — Коган и Пугач. Острые прокурорской речи было направлено против упомянутых лиц, и Илюхин без конца ссылался на Закон, который позволяет теперь расстреливать столь вредных преступников. Первым в речи прокурора был упомянут мой подзащитный, занимавший на фабрике должность технического директора. Атливанник Файбиш Абрамович, которого сослуживцы и знакомые называли для простоты Борисом Абрамовичем.

Директором Перовской фабрики № 11 на протяжении долгих лет был Однохоров Пантелеймон Иванович. Но и русскому человеку не нравилось имя, данное ему при крещении, и он переименовал себя в Петра.

Мой подзащитный Атливанник имел всего шесть классов образования и лишь номинально был техническим директором и заместителем Однохорова. Ему были поручены оформление документации на всю выпускаемую фабрикой

продукцию и наблюдение за ходом производства. Самостоятельные и компетентные начальники цехов не допускали никакого вмешательства Атливанника в свои дела. Атливанник слабо разбирался в продукции своей фабрики. Когда-то, лет пятьдесят назад, он был портным, и то не бог весть какого высокого класса, скорее даже не портным, а перелицовщиком. Но для фабрики № 11 он был находкой и работал в ней еще с тех пор, когда она называлась артелью; без выходных и отпусков он проводил на производстве все дни, — сторожевой пес, правда, понимающий суть происходящего. Его скупость служила постоянной темой анекдотов на фабрике. Из-за природной скаредности он соглашался подменять любого работника, уходившего в отпуск.

Атливанник не был компаньоном в частнопредпринимательской деятельности, не вкладывал в развитие производства собственных денег, не имел акций от "левых" операций. От начальников цехов он получал не слишком щедрые ежемесячные подачки как раз за то, что не совал лишний раз свой нос в дела цехов, занимаясь лишь подписыванием нарядов, составленных цехами, и общих производственных отчетов по фабрике. Такую незавидную роль технорука признали во время следствия и на суде все начальники цехов, включая Ордера, и директор фабрики Однохоров.

Несомненно, ничтожная роль Атливанника в деле была ясна следствию. Но какое это имело значение? Нужен был еврей, номинально облеченный соответствующим должностным положением. И вот над семидесятилетним Атливанником навис карающий меч правосудия. Все шло к тому, что старика расстреляют: и допрос свидетелей, и тенденциозность допроса самого Атливанника, и выводы эксперта, и речь прокурора — все-все клонилось к этой просительной части прокурора — расстрел.

Совершенно иначе вели себя следствие и суд по отношению к истинному руководителю фабрики П.И.Однохорову. В предварительном следствии КГБ Однохоров представлял русским простаком, которого еврей обводили вокруг

пальца. Он-де абсолютно не знал, что делается на фабрике, довольствуясь частыми выпивками в компании начальников цехов по случаю выполнения плана.

В суде председательствующий Михаил Андреевич Гаврилин и прокурор Илюхин всячески поддерживали Однохорова, не переставая сокрушенно вздыхать: как это его занесло в такую преступную еврейскую компанию. По заключению экспертов, на Однохорова следовало возложить ответственность только за ряд упущений по службе, то есть за проявленную халатность.

Адвокат Однохорова Ю. Розенфельд прекрасно понимал, что следствие и суд искусственно создали для Однохорова положение второстепенной фигуры в процессе, и вел себя деликатно, боясь допроса своего подзащитного адвокатами других обвиняемых. Последние, в зависимости от положения своего подзащитного в процессе, задавали Однохорову один-два вопроса. Все шло гладко.

Но для моего подзащитного Атливанника предстоявший мне допрос Однохорова был единственным средством к спасению и единственным шансом избежать расстрела. Я отчетливо сознавала это, приступая к допросу Однохорова. Восстанавливаю здесь по старым записям мой диалог с Однохоровым.

Адвокат: — Скажите, подсудимый Однохоров, сколько лет вы работали на фабрике?

Однохоров: — 14 лет.

А.: — На какую работу вы пришли 14 лет назад на фабрику?

О.: — Чернорабочим.

А.: — А потом продвигались по работе?

О.: — Да. Стал мастером *швейного* цеха, зам. начальника, начальником этого цеха.

А.: — А потом?

О.: — Потом меня перебросили в *красильный* цех, мастером. Затем я стал начальником и этого цеха.

А.: — А потом?

О.: — Потом я был мастером и начальником *пластмассового* цеха.

А.: — Затем?

О.: — Потом я работал механиком и мастером *трикотажного* цеха.

А.: — Правильно ли должен суд и участники процесса вас понять, что на руководимой вами фабрике вы прошли весь путь от чернорабочего до директора?

О.: — Да, конечно!

А.: — Скажите, Однохоров, составление первичной документации, отчетов, прихода, расхода, нарядов — вам было знакомо?

О.: — Да, конечно. Я всю документацию по цехам составлял и лично подписывал в течение всего времени, когда был заместителем и начальником разных цехов на фабрике.

А.: — Знали ли вы, будучи начальником всех перечисленных вами цехов, источники поступления сырья на фабрику и в цеха?

О.: — Да.

А.: — За эти 14 лет фабрикой приобретались со стороны станки? Знали вы, откуда они, как за них расплачивались, принимали в этом участие?

О.: — Да.

А.: — Одновременно с вашим поступательным продвижением по должностям, вы выполняли еще и общественную работу?

О.: — Да. Я был председателем месткома (профсоюза), секретарем партийной организации коллектива, членом бюро Перовского горкома КПСС и депутатом районного Совета депутатов трудящихся города Перово.

А.: — На этом продвижение ваше на фабрике закончилось?

О.: — Нет, меня назначили *техноруком и зам. директора* фабрики.

А.: — Ваши обязанности были аналогичны обязанностям Атливанника: производство, подписи на документах, при-

ход, расход, анализ производственных отчетов цехов, поступление сырья, технология производства и другие, в то время как вы были техноруком фабрики?

О.: — Да, конечно, но я знал сам хорошо все виды нашего производства.

А.: — Вы работали вместе с людьми, сидящими здесь на скамье подсудимых? Со всеми?

О.: — Да, конечно!

А.: — Когда начальники цехов приобретали со стороны сырье, расширяли выпуск продукции, ассортимент, приобретали станки, оплачивали сами приобретенные станки и сырье, согласовывали ли они это с вами?

О.: — Да, я был в курсе их дел.

А.: — Почему начальники цехов не ставили в известность и игнорировали Атливанника в вопросах прямой его компетенции?

О.: — Я знал хорошо производство, был выше его по должности, и он не обижался, что его ограничивали преимущественно технической работой, хотя он номинально и был техноруком.

А.: — Кто установил связь с ОБХСС района, чтобы вам не мешали выпускать сверхплановую "левую" продукцию? Кто платил за эти услуги?

О.: — Я.

А.: — После всех продвижений на фабрике, с расцветом и расширением производства, какую вы занимали должность на фабрике?

О.: — Директора фабрики.

А.: — Вы доверяли своим начальникам цехов? Могли ли они без вас передавать другим лицам или, как выяснилось, даже "продавать" свои должности и целые цеха?

О.: — Я полностью доверял начальникам цехов и всегда был в курсе их дел. Без меня должности нельзя было передать. К тому же долгое время я еще был до этого начальником отдела кадров на фабрике.

А.: — Ваше воинское звание?

О.: — Полковник. Сейчас в запасе — резервист.

А.: — Скажите, Однородов, вы лично принимали участие в выпуске неучтенной продукции, когда были начальником всех трех цехов, т. е. в частнопредпринимательской деятельности под вывеской фабрики № 11?

(В зале гробовая тишина. У председателя суда ходят желваки на щеках.)

О.: — Да...

А.: — А когда вы были уже замдиректора, директором фабрики и членом Пленума Горкома КПСС, вы выпуск неучтенной продукции не прекращали? Приобретая "левое" сырье, вы в этом принимали лично такое же участие, как и раньше?

О.: — Да. Я принимал участие во всем, что называется приобретением и выпуском "левых" изделий, т. е. частнопредпринимательской деятельностью. Я признавал и признаю, что мы обманывали покупателей.

А.: — Вы не были в обиде на начальников цехов за отчисления лично вам доли прибыли, когда вы уже стали директором, отчисляя в прошлом начальству и сами?

О.: — Я знал, какова прибыль в целом, вел лично для себя учет. Меня не обманывали.

А.: — Итак, подсудимый, правильно ли и можно ли сделать вывод, что за 14 лет вашей работы на фабрике вы не только изучили всю технологию производства во всех без исключения цехах, но и знали все производство, лично занимались выпуском сверхплановой продукции, а уже потом в должности замдиректора и директора фабрики получали свою долю от общей прибыли, поступавшей от реализации внеплановой "левой" продукции и вследствие обмана покупателей?

О. (долго молчит) : — Да.

А.: — А сырье, "левое", и оборудование для цехов, то есть для фабрики, вам приходилось приобретать? Платили "левые" деньги или, проще говоря, давали взятки?

О.: — Да.

А.: — Скажите, подсудимый, почему на следствии вы не говорили об объеме содеянного вами и о равном с другими подсудимыми участии в частнопредпринимательской деятельности, в организации выпуска неучтенной продукции, в обмане покупателей, даче взяток, хотя и занимали самое высокое на фабрике должностное и партийное положение?

О.: — Ранее следователи не задавали мне те вопросы, которые на суде интересуют вас, а я отвечал только на вопросы следствия.

А.: — Скажите, без вашей помощи и прямого участия в выпуске неучтенной продукции, в получении "левого" сырья, оборудования, в даче взяток должностным лицам, в подписании заведомо фиктивных документов, могли ли начальники цехов самостоятельно, без вас, выпускать "левою" продукцию, обманывать покупателей?

О.: — Нет.

А.: — Благодарю. В уголовном деле имеются все данные о вашем продвижении по служебной лестнице, о занимаемых вами партийных и советских выборных должностях. Чем бы вы могли объяснить тот факт, что вам не были заданы в предварительном следствии вопросы, связанные с вашим активным участием в деле, которое сейчас рассматривает Верховный Суд Республики, то есть в хищении государственного имущества, как сказано в обвинительном заключении, в особо крупных размерах?

О.: — Не знаю. Но хищения я не признаю. Его не было. Была частнопредпринимательская деятельность и обман покупателей, дача взяток.

А.: — Да, еще один вопрос. Ваше имя правильно "Пантелеймон"? Вы русский?

О.: — Да. Все меняют имена. Я русский, но "Пантелеймон" как-то не звучит. Я себя сперва сам назвал Петром, а потом это вошло в обиход.

А.: — Спасибо. Вопросов нет.

В зале звенящая тишина. Председатель, оправившись от

оцепенения, провозглашает: "Объявляется перерыв до утра следующего дня".

Этот диалог не нуждается в комментарии. Все присутствовавшие поняли направленность проведенного мною допроса. Я показала, что следствие и суд сознательно выгораживали подсудимого Однохорова, стараясь создать ложное впечатление, что шайка грязных еврейских преступников впутала невинного и простодушного русского человека в свои махинации.

Следующий день посвящен допросу и заключениям всех экспертов. Меня, защитника Атливанника, интересуют многие вопросы, касающиеся сути обвинения. Больше всего мне хотелось сказать публично, что завышение роли Атливанника и занижение роли Однохорова в процессе свидетельствует об откровенном антисемитизме следствия и суда. Но это как раз совершенно невозможно. Я должна задать один вопрос, только один, но так, чтобы все стало на свои места, чтобы отодвинуть Атливанника с первого места, пусть одного из первых мест, в этом процессе и тем самым отодвинуть его от уготованного ему расстрела. Нужно найти такой вопрос, который ясно обнажит репрессивную направленность уголовного преследования именно против еврея.

Подходит к концу долгий допрос эксперта-бухгалтера. Председательствующий обращается ко мне:

Председательствующий: — Евгения Анатольевна, есть ли у вас вопросы к экспертизе?

Адвокат: — Да. Один вопрос.

Пр.: — Задавайте.

А. (раздельно, четко, особенно подчеркнуто произнося имена): — Гражданин эксперт, чем можно объяснить, что на *Файбиша Абрамовича Атливанника* вы своим заключением возложили *материальную* ответственность за ущерб в сумме 2700000 рублей, а на директора фабрики *Пантелеймона Ивановича Однохорова* возложили только *моральную* ответственность?

Эксперт: — Не понимаю вопроса...

У председательствующего и прокурора вытянулись лица. Они смотрят на меня с нескрываемой ненавистью именно потому, что прекрасно поняли смысл вопроса. И я громко и раздельно повторяю в микрофон:

— Судебное следствие, участником которого были и вы, гражданин эксперт, закончилось. И вы слышали все, о чем говорилось здесь. Я повторяю. Почему на *Файбиша Абрамовича Атливанника* вами возложена *материальная ответственность* за якобы причиненный ущерб, а на *Пантелеймона Ивановича Однохорова* только *моральная*, то есть обвинение в халатности?

Эксперт отвечает, совершенно растерявшись:

— Я устанавливал только ответственность, а качество этой ответственности определил КГБ.

В зале полное смятение. Перерыв.

Коллеги наперебой кричат мне: "Этим вопросом эксперти и вчерашним допросом Однохорова ты спасла жизнь Атливаннику!"

Дальше следует речь прокурора Илюхина, бесцветная, повторяющая обвинительное заключение, написанное годом раньше, лишённая смысла и абстрагированная от доказательств, проверенных в суде. Опять фамилия Атливанника упоминается среди наиболее виновных. Однако перед просительной частью прокурор вдруг заявляет: "У меня сегодня партсобрание. Прошу прервать заседание". И все мы, участники процесса, понимаем: прокурору требуется консультация в верхах.

Назавтра прокурор в просительной части начинает перечисление от меньшей меры наказания к высшей. Не обосновывая почему, он вдруг неожиданно требует расстрела для Однохорова. Как и ожидалось, прокурор просит смертной казни для Когана и Пугача, и, в первую очередь, для Петра Ордера.

Все мы знали, что относительно Однохорова все это чистый водевиль и что суд никогда не приговорит своего человека, русака, директора и депутата, хоть и проштрафившего-

ся, к расстрелу; что это просто демонстрация "объективности" и "свободы от национальных пристрастий", возникшая вследствие активной защиты Атливанника и вскрывшейся истинной роли директора фабрики Однохорова.

Приговор делал резкие различия между обвиняемыми русскими и евреями.

Суд не пошел навстречу мнимому желанию прокурора и приговорил Однохорова к длительному сроку наказания. Левашова, заместительница Ордера, начальника трикотажного цеха, делившая с ним доходы, риск и ответственность, получила 8 лет лишения свободы. Остальные русские обвиняемые были приговорены к меньшим срокам.

Иначе прозвучал приговор по отношению к евреям. Ордер, Пугач и Коган — к расстрелу. Остальные — к длительным срокам заключения. Мой семидесятилетний подзащитный Атливанник был приговорен к 15 годам лишения свободы, с отбыванием их в лагере усиленного режима. 74-летний завскладом фабрики Золотонос был осужден *всего* на 13 лет (он умер в лагере через несколько месяцев после приговора).

Был ли исполнен приговор в отношении Когана, оговорившего четыре сотни человек и, следовательно, могущего еще пригодиться в будущем? Этого я не знаю. Говорили, что его помиловали. Но говорили также, что он был убит в лагере самими заключенными. Зато достоверно известно, что 37-летний Ордер был расстрелян после девятимесячного пребывания в камере смертников, а Пугач прожил от суда до расстрела всего два месяца.

О главном обвиняемом этого процесса, о Петре Ордере, хочется сказать отдельно. Ордер был начальником трикотажного цеха, и после ухода Шакермана, Ройфмана и других стал фактически первым хозяйственником на фабрике. Все внешние связи (закупку сырья и оборудования, сбыт готовой продукции) осуществлял именно он, следуя путем, проложенным в свое время Шакерманом и Ройфманом. В стадии предварительного и судебного следствия Ордер признал

себя виновным в обмане покупателей и осуществлении частнопредпринимательской деятельности в рамках фабрики. Он сказал, что действительно вкладывал свои собственные деньги и деньги компаньонов в приобретение станков и сырья, но оборудование передавалось в собственность фабрики, увеличивая ее основной капитал. Он отрицал хищение государственной собственности. Не отрицал, что давал взятки должностным лицам и в своих личных интересах совершал валютные операции, нарушая установленные государством правила.

Ордер держался на суде мужественно, скромно, с большим достоинством. Ни на следствии, ни в суде он не оговорил ни одного человека, он даже не вступил в коллизию с Левашовой, которая усердно топила его.

В момент ареста Ордеру было 33 года. На его иждивении находились двое малолетних детей и престарелые родители. Ройфман был его двоюродным братом, и после исхода его процесса Ордер не мог не понимать трагическую перспективу данного суда для самого себя. Ценности он сдал в КГБ добровольно, все имущество его было конфисковано.

Защищал Ордера один из лучших адвокатов Москвы, доктор юридических наук Иосиф Кисинишский. Кисинишский вел процесс от имени всей защиты и был так же корректен при коллизиях, как и исключительно блестящ в обосновании доводов, полярных утверждениям прокурора и выводам экспертных заключений. Полтора дня длилась речь Кисинишского, казалось, до основания разрушившая версию следствия. Адвокат отрицал хищение, признавал обман покупателя и частнопредпринимательскую деятельность подсудимых. Он отрицал наличие противоправных сделок после апреля 1961 года и оспаривал сумму, вмененную всем подсудимым, в том числе и Ордеру, как гиперболическую. Признавал факт передачи его подзащитным взяток должностным лицам. Резко протестовал против применения обратной силы закона. Но и его блестящий адвокатский талант не смог спасти его подзащитного.

Все вывезенные мною из СССР записи по Делу № 3 были сверены мною с полным текстом приговора по делу Ордера, который был мне предоставлен вдовой расстрелянного Петра Ордера госпожой Жанной Хиененсон, ныне проживающей с детьми в Израиле.

Дело № 4. Дело магазина "Москва"

В этом деле я участвовала в качестве защитника подсудимого Якова Захаровича Райха по его личному приглашению.

Дело магазина "Москва" во многом аналогично делу Перовской фабрики № 11 и является ответвлением от общего дела трикотажников, начатого следствием в 1961 году. При универмаге "Москва" с конца пятидесятых годов существовал собственный трикотажный цех, и работники его обвинялись в хищении социалистической собственности в особо крупных размерах, во взяточничестве и незаконных валютных операциях. Суд начался в 1965 году и закончился в начале 1966-го.

Директором универсального магазина "Москва" бесменно была Мария Федоровна Коршилова. Русская по национальности, она была известным и опытным торговым работником, сделавшим в торговле карьеру. Прежде чем стать директором универмага "Москва", она долгое время возглавляла Центральный Универсальный магазин Москвы, знаменитый ЦУМ, самый большой по объему торговли, прибылям и числу занятых в нем людей магазин советской столицы. Карьерные достижения М.Ф.Коршиловой подкреплялись ее положением в партии — она была членом Пленума Горкома КПСС. Ее связывала длительная многолетняя дружба с Е.А.Фурцевой, бывшей в начале шестидесятых годов членом Политбюро ЦК КПСС, министром культуры СССР, а до того секретарем Московского городского комитета партии. Фурцева способствовала продвижению своей приятельницы по службе. Подруги виделись часто, а в течение всего рабочего дня были связаны особым правительственным телефоном, так называе-

мой "вертушкой", осуществляющей мгновенную прямую связь между двумя абонентами. Одним словом, Коршилова была *номенклатурным работником*. Даже "на верху" государственной торговли четверть века назад было не так уж много людей с высшим образованием. А Мария Федоровна Коршилова имела как раз высшее торговое образование и, что тоже не часто встречается, ловко подвешенный язык. Косноязычие советских номенклатурных работников общеизвестно и представляет собой постоянную мишень для остроумия интеллигенции. А вот Коршилову часто приглашали на встречи с иностранными делегациями. Она красноречиво объясняла по телевидению суть прогрессивной торговли в Советском Союзе. Под стать ей была и Лариса Алексеевна Кузнецова, коммерческий директор Центрального Универмага "Мосторг", русская, 50 лет. Она получила высшее экономическое образование по специальности "товаровед", тоже входила в "номенклатуру". Обе дамы были вхожи в высокие сферы Министерства торговли РСФСР. Все блага, причитающиеся им по должности: большая зарплата и крупные премии, доступность любого дефицитного товара и оплаченные государственные зарубежные поездки Коршиловой — дополнялись получением немалой mzды от нижестоящих работников прилавка за многие вещи — за назначенные квартальные премии, за лучшее помещение, за желанное продвижение по служебной лестнице и т. п. Но всего этого, видимо, им было мало.

При рассмотрении в суде дела трикотажного цеха при магазине "Москва" всплыл один эпизод, который позволит читателю понять нравы в советской торговле и пути обогащения ее работников.

При высоком покровительстве министра Е. А. Фурцевой, при многолетних связях на самых верхах Министерства торговли Марии Федоровне Коршиловой удалось расширить сферу торговли в магазине "Москва" на Ленинском проспекте, куда она перешла, оставив ЦУМ. К многочисленным отделам промышленных товаров добавились теперь продоволь-

ственный отдел и фруктовая секция. Фруктовую секцию возглавлял Алексей Алексеевич Харитонов, сын загорского протоиерея. (Мне довелось осуществлять защиту двух братьев Харитоновых в начале шестидесятых годов. Одного, вышеупомянутого Алексея, судили в Москве за злоупотребления в торговле, а другого, Ивана Алексеевича, — в Загорске, где он был главным бухгалтером Загорского строительного управления.)

Местоположение универмага "Москва" необычайно удачно: Ленинский проспект — одна из крупных магистралей столицы. Здесь и в прилегающих к проспекту улицах находятся десятки научно-исследовательских институтов, очень престижных — атомной физики, электроники, военных и иных — с большим штатом хорошо оплачиваемых ученых. Здесь же расположен Президиум Академии Наук СССР. Академики, ведущие работники крупных научных учреждений, высшие офицеры армии, крупные медицинские светила — вот примерно кто населяет Ленинский проспект и ближние к нему улицы. Это элитарное население обслуживает магазин "Москва".

Западному читателю трудно поверить, что заведывание фруктовым отделом, пусть даже внутри огромного столичного магазина, само по себе может стать источником обогащения. Но в Советском Союзе своя специфика. Хоть частная собственность и частнопредпринимательская деятельность запрещены законом, десятилетия социализма не изменили человеческой природы. Частная инициатива и предприимчивость не уничтожены при социализме, а лишь растут и плодоносят "в бок", криво, в обход закона, не считающегося с человеческой природой. Не *вопреки*, а именно *из-за* так называемого "планового хозяйства" и обезлички, громадный Советский Союз испытывает постоянные трудности со снабжением продуктами, и эти трудности порождают особые условия для спекуляции продуктами первой необходимости. Нигде в мире, в свободных развитых странах не знают сезонных трудностей с овощами и фруктами. А в Советском

Союзе знают. И знают даже в Москве, несмотря на снабжение по первой категории, то есть в первую очередь.

Харитонов, делец советского образца, отправлялся в южные республики (Грузию, Молдавию и др.) и заключал там с колхозами и совхозами договоры на прямую доставку овощей и фруктов в его магазин по ценам ниже государственных. В документах же ставилась официальная цена, а разница шла в карман Харитонову, и из этой разницы М.Ф. Коршиловой полагалась и выплачивалась ее доля. Здесь хранили фрукты и овощи намного дольше, чем допускалось торговыми правилами. Зато здесь "по благу" постоянные клиенты получали помидоры и виноград, когда в других магазинах стояли очереди за луком и картошкой. Здесь в овощехранилище толпились люди, которых на улице ожидали свои автомобили — важный признак социального и имущественного положения в СССР. Элитарные покупатели переплачивали вдвое или втрое за болгарские помидоры, китайские яблоки, венгерские фруктовые консервы.

Харитонов был не новичок в советской торговле и прежде был судим неоднократно. ОБХСС за ним присматривал. Коршилова, получавшая свою долю от фруктово-овощного бизнеса, организовала ему прикрытие, "давая на лапу" инспекторам деньги, специально для этой цели полученные у Харитонова. Фруктово-овощная секция была одной из самых прибыльных в магазине, ее стоило охранять. Долгое время секция успешно проходила все проверки и ревизии, но в конце концов Харитонов "сгорел" — УБХСС вновь уличило его в жульнических махинациях. Пришлось Коршиловой в страхе, как бы огонь расследования не перекинулся в другие отделы универмага, принимать "домашние", внутренние меры к тушению "пожара": Харитонов был срочно освобожден от работы, объем товарооборота фруктово-овощной секции сильно снижен.

Покупательская элита перетекла в другой магазин, и дело до поры до времени затихло.

Об этой истории Мария Федоровна Коршилова не рас-

сказывала по московскому телевидению — там речь шла об особенностях советской торговли по сравнению с капиталистической, с которой Мария Федоровна знакомилась во время своих зарубежных поездок; об увеличении ассортимента товаров народного потребления и о способах выполнения плана снабжения населения. Не рассказывала она, делясь своими зарубежными впечатлениями, однако, и об особых способах увеличивать и улучшать свой гардероб, которые были ей доступны. Коршилова была дама дородная почти до бесформенности. Prestиж советской торговли требовал прикрыть этот недостаток специально обдуманной одеждой. Разработать наряд поручалось лучшим модельерам, а оплата моделей производилась за счет магазина. Пальто, костюмы и даже платья непременно украшались дорогим мехом: соболем, норкой или горностаем. Царственная дама так понимала царственный стиль. По предписанию Министерства торговли Коршиловой следовало по возвращении из-за границы эти специально пошитые вещи сдавать в конфекцию магазина для продажи. Но ей не хотелось этого делать, и она этого не делала.

Не в телевизионной передаче, а в судебном следствии раскрылась суть и корыстный смысл организации М.Ф.Коршиловой производственного трикотажного цеха при универмаге "Москва". Пользуясь своими связями, Коршилова добилась в Министерстве торговли разрешения на открытие такого цеха, получила средства, сырье, помещение и оборудование. Работников она набирала сама: все были люди проверенные, знакомые по прежним годам и готовые делиться доходами, которые мечтались немаленькими. Коршиловой не просто было объяснить высшим торговым начальникам, почему при универмаге следует открыть производственный цех, но она выдвинула "идеологическую" мотивировку: цех будет исполнять индивидуальные заказы покупателей, поставляя красивые, элегантные вещи "на уровне мировых стандартов", способствуя выпуску отечественной продукции, которая сумеет противостоять опасному увлечению им-

портными товарами, тяжело сказывающимися на бюджете страны...

Во главе трикотажного цеха Коршилова поставила своего старого знакомого, еврея по национальности, Александра Хейфеца. Хейфец был человеком со знаниями, с производственным опытом.

Завозились станки, согласно государственным разрядам и сверх них, приобреталось сырье, как плановое, так и внеплановое, изготовлялась продукция, учтенная производственными отчетами и неучтенная. На прилавки универмага "Москва" поступали майки и тенниски, женское и детское белье, модные капроновые платки. Продукция выглядела скромно — до конкуренции с привозным ярким трикотажем ей было далеко. Но и на эту продукцию был немалый спрос. И спрос этот учитывала Коршилова, которая лично сама утверждала ассортимент производимых изделий. Большая часть этого ассортимента уходила на черный рынок, что и было основной статьей "левого" дохода, значительная часть которого оседала в кармане Коршиловой.

Частнопредпринимательская деятельность процветала всю. И Коршилова при дележе доходов учитывала свою главенствующую роль в этой деятельности: свое руководящее положение, свои усилия по обеспечению цеха сырьем, оборудованием и рынком сбыта. Важной стороной было "материальное стимулирование" рядовых участников производства — всем рабочим платили намного больше, чем на государственных предприятиях подобного типа. Трикотажный цех, по сути, стал небольшой фабрикой, и объем его продукции намного превышал потребности универмага "Москва".

Отличие этого цеха от тех, которые издавна были при столичных универмагах ГУМ и ЦУМ, состояло в том, что те цеха были только пошивочными, а здесь рядом со швейным отделением работало трикотажное, где из капроновой, шерстяной и полушерстяной пряжи изготовляли трикотажную ткань. Начальником этого отделения был еврей Борис Рей-

дель, большой знаток трикотажного производства и связанного с ним делового мира*.

В швейном отделении (начальником одно время был Ю.Евгеньев, затем — А.Хейфец) виртуозы лекала раскраивали полотно, сберегая по миллиметрам квадратные метры ценной ткани. Те же предприятия, что целым списком упомянуты мной в рассказе о деле Ордера, были втянуты в орбиту производственных отношений с трикотажным цехом при универмаге "Москва". Те же взятки и та же коррупция, те же противозаконные комбинации, производимые по уже рассказанной схеме. И хотя цех при магазине "Москва" возник намного позже Перовской фабрики № 11, он успел приблизиться к ней в итогах своей деятельности, и за четыре-пять лет своего существования якобы сумел, согласно экспертизе и обвинительному заключению, расхитить государственного имущества на 2500000 рублей путем выпуска неучтенной продукции и продажи ее через торговую сеть Москвы (а она вся была к услугам Коршиловой), да сверх того покупателя обманывали, используя пряжу не того качества, которая требовалась производственными стандартами, указывая на торговых ярлыках, прилагаемых к изделиям, размеры, не соответствующие действительности.

* Одновременно с делом магазина "Москва" в Московском областном суде под председательством М.М.Клейменова шло слушание еще одного процесса о трикотажниках, где главным лицом, по обвинительному заключению, значился родственник Рейделя — Добров. Добров в тюрьме полностью потерял зрение, но все же был приговорен судом к смертной казни. Михаил Михайлович Клейменов, довольно разумный и грамотный судья, откровенно рассказывал, как нажимали на него деятели КГБ, добиваясь для Доброва высшей меры наказания. Когда в кассационном суде по делу Доброва рассматривалась жалоба его адвоката Л.Яхнича и последний, разъясняя все обстоятельства, сообщил суду, что его подзащитный полностью потерял зрение, раздался окрик члена Верховного Суда РСФСР Васькина: "Какую же мразь вы здесь защищаете!" Свидетельствую об этой сцене как очевидец.

Среди "трикотажных" дел дело о трикотажном цехе магазина "Москва" было четвертым по объему содеянного и по значению. Состав суда читателю уже хорошо знаком: председательствующий — М.А.Гаврилин, испытанный антиеврейский заседатель — А.Александров, тот же секретарь судебного заседания — К.И.Сенчакова, и тот же прокурор — М.И.Илюхин. На скамье подсудимых: евреи Хейфец, Рейдель и Евгеньев — руководители производства; директора и заместители директоров розничных магазинов Москвы — евреи Козловский, Райх, Житомирский, Цацкис, Цудечкис и др.

На этом процессе особенно отчетливо проступило стремление КГБ группировать обвиняемых не только по *родовому* признаку преступления — причастность к одному и тому же магазину или производству и т.п. — но и по национальному. В реальной истории цеха при универмаге "Москва" действовали и русские и евреи. Но для процесса КГБ отобрало преимущественно евреев. Такой подбор подсудимых действовал и на суд, и на освещение процесса в прессе, которая настойчиво придавала своим корреспонденциям и фельетонам антисемитский аспект.

Однако невозможно было целиком игнорировать участие русских в рассматриваемых судом и следствием злоупотреблениях, и зачастую — руководящее участие: по делу проходили замминистры, работники Госплана, администраторы магазина. Все свидетели, не говоря уже о подсудимых, допрошенные судом в процессе о трикотажном цехе универмага "Москва", указали главное действующее лицо во всей длинной цепи экономических правонарушений — это была Мария Федоровна Коршилова: лично ей отпускали наряды на сырье и оборудование за взятки, она самолично получала взятки за выгодные должности и за показания о перевыполнении плана, что влекло за собой большие государственные премии; она самолично исчисляла свой процент от *левых* доходов и бдительно следила, чтобы он был выплачен ей до копейки... Было рассказано в суде, кто, где и когда брал у нее взятки и кто давал ей взятки. Но проходила она

по делу, где ее роль была главной, только свидетельницей. И, видно, была уверена в благополучном для себя исходе дела: багровое лицо ее не теряло монументального спокойствия и на все вопросы суда она отвечала одной-единственной фразой: "Ничего не знаю..."

В суде не раз прозвучал вопрос (его задавали и подсудимые и защитники подсудимых): "Почему Коршилова только свидетель по делу?" И председательствующий невозмутимо отвечал: "Вы же знаете, что в деле имеется список *дел, выделенных в особое производство*, и в том числе на Коршилову".

В "списке выделенных дел" и состоял тот методологический прием, который позволил суду, во всем пошедшем на поводу у Госбезопасности, разделить правонарушителей на овец и козлищ, на русских и евреев. Место евреев было на скамье подсудимых. Русские имена (а это были почти сплошь имена ответственных номенклатурных работников) оказались в списке лиц, против которых якобы были возбуждены отдельные дела. По окончании слушания дела Верховный Суд в своем частном определении вновь подтвердил "непосредственное и активное участие в противоправных действиях" целого ряда лиц, и в том числе Коршиловой и Кузнецовой. Но и "список выделенных дел", и "частные определения" были лишь средствами усыпить общественное возмущение в тех, кто знакомился с материалами дела. Никто никогда не судил Коршилову — она жива, здорова, руководит большим московским магазином, правда, не таким огромным и престижным, как универмаг "Москва". Между тем ее подчиненный, поставленный ею на место руководителя трикотажным производством и вовлеченный ею в преступную деятельность, Александр Хейфец — расстрелян. Был расстрелян и Юрий Евгеньев, еврей, всего только год проработавший начальником трикотажного цеха. Но Лариса Алексеевна Кузнецова, русская, первая помощница Коршиловой и, как было установлено в суде, человек, который, благодаря своему положению номенклатурного работника в со-

ветской торговле, руководил получением сырья и сбытом левой продукции, проходила по делу только свидетелем. Скромно и кротко, с видом невинной жертвы, выслушивала она изобличающие ее показания, а на вопросы отвечала все той же уже знакомой фразой: "Ничего не знаю... Почему эти люди показывают на меня?.. Не знаю". И когда ей были предъявлены записные книжки работников трикотажного цеха, где значились суммы, выплаченные ей в ходе ежемесячных расчетов, она повторила: "Почему это у них записано?.. Я не знаю, ничего не знаю..." Имя ее находилось в "списке выделенных дел".

Председательствующий Гаврилин в ответ на нападки защиты говорил с обезоруживающей улыбкой: "Повторяю, как уже говорил раньше, в деле есть списки выделенных в особое производство дел, в том числе против Кузнецовой".

"Выделенное дело" Л. Кузнецовой, я думаю, и по сегодня хранится в архиве прокуратуры Дзержинского района, если только его не сожгли за истечением срока хранения. Лариса же Алексеевна Кузнецова продолжала работать в системе Мосторга, правда, потерпев урон в положении и престиже.

Чтобы случай с Коршиловой и Кузнецовой не показался единичным, приведу и другие примеры. Еще одним "свидетелем" на процессе трикотажного цеха универмага "Москва" проходил Семен Кузьмич Алексеев, заместитель министра торговли РСФСР. Алексеев был пятидесятилетний мужчина громадного роста и необъятных размеров, обладатель зычного начальственного баса, от звука которого у подчиненных сердце уходило в пятки. Русский человек и видный партиец, он был дружески привязан к управляющему делами своего министерства Исаю Флиоренту, которого фамильярно называл "Исайкой".

По художественной терминологии советских газет, Алексеев был "командир советской торговли" и ни в чем, разумеется, не нуждался. Даже на зарплату советского министра трудно было бы выстроить такой трехэтажный дворец под Москвой, каким владел Алексеев в качестве загородной дачи.

Алексеев ведал фондами сырья, необходимыми для трикотажного производства. Близко связанный с Коршиловой и Кузнецовой, Алексеев своею волей изымал наряды на сырье из других отраслей его министерства, которым они были адресованы Госпланом, и передавал их трикотажному цеху при магазине "Москва". Замминистра не ходил сам собирать причитающуюся ему подать от Коршиловой, Кузнецовой и других. Он посылал сборщика — Исайя Флиорента. Ежемесячно в кабинете Коршиловой производился скрупулезный расчет, в результате которого Исайя возвращался в кабинет Алексеева с конвертом. Замминистра, получив конверт, тотчас же уезжал из министерства "по делам" — следы замечались немедленно.

Трикотажный цех жил и работал под протекторатом Алексеева. Кроме больших доходов, цех приносил Алексееву и мелкие радости. Как курьез, отметим всплывшую на процессе подробность: в цехе персонально для Алексеева, которому было трудно на его могучую фигуру подобрать одежду из общего пошива, вязали вещи нестандартных размеров. По указанным образцам вязали одежду и для членов семьи Алексеева и даже особые теплые попонки для его собаки, которую он для примерки привозил с собой в цех. Дело Алексеева было "выделено в особое производство", которое так никогда и не было произведено. А его порученец Исайя Флиорент был расстрелян.

Замминистра торговли РСФСР и член бюро Московского горкома партии С.К.Алексеев недолго продолжал работать. В министерстве едва дождался достижения им пенсионного возраста. Когда его с цветами и подарками провожали по случаю шестидесятилетия на персональную пенсию, кости еврея Исайя Флиорента давно уже сгнили в земле.

Прямо в ходе судебного следствия по делу трикотажного цеха был уличен во взяточничестве прокурор Пролетарского района Москвы Владимир Иванович Басов, русский. Подсудимые показали, что передали ему в такси крупные суммы за прекращение возбужденного против них уголов-

ного дела. Из этой скандальной истории ему помогли выпутаться, и теперь он надзирает за законностью в Прокуратуре СССР и даже получил ученую степень.

Конечно, читателя не может не интересовать вопрос, почему лица, облеченные всей полнотой власти, прекрасно обеспеченные материально, решались на должностные преступления. Только ли в силу представления о собственной безнаказанности? Не было ли у них каких-либо еще побудительных причин? Все-таки иногда и партийный босс оказывается перед судом и дает ответ на подобные вопросы. И нам стоит рассмотреть случай, когда такие вопросы были русскому вельможе заданы и ответы на них получены.

В Московском городском суде слушалось обычное уголовное дело — дело о взятке. Председательствовал Леонид Абрамович Громов, один из самых опытных судебных работников, Председатель Мосгорсуда, а в прошлом — замминистра юстиции и зампредела Верховного Суда РСФСР. На собраниях московских юристов он сам рассказывал, что настолько был облечен государственным доверием, что был членом *особого присутствия*, рассматривавшего дело Лаврентия Берия и его ближайших приспешников, и сам присутствовал при исполнении приговора по делу Берия.

Дело, о котором ниже пойдет речь и в котором председательствует Громов на этот раз, "простое" только по составу преступления. Но приглашительные билеты, точнее, разовые пропуска, действительные только на определенный день и час, отпечатаны в типографии МК КПСС, после чего розданы по райкомам лишь избранной публике и только под расписку. Потому что обычное дело о взятке совсем не обычно по составу подсудимых. Судят первого секретаря Бауманского районного комитета КПСС тов. Галушко и зампредела исполкома того же района тов. Сергеева.

Галушко был полновластным хозяином в Бауманском районе Москвы, где сосредоточены высшие учебные и научно-исследовательские заведения, где расположены многие министерства и даже... Верховный Суд РСФСР. Таких руко-

водителей, как Галушко, государство традиционно берет на полное обеспечение, и про таких, как он, острят на улице, что они, дескать, "живут уже как при коммунизме". Деньги, связи, положение — всем этим располагал он сам и члены его семьи, и благодаря его имени, жена без труда получила в свое заведывание меховое ателье в том же районе, то есть, по советским стандартам, службу, с лихвой обеспечивающую безбедное существование.

Классический партийный оратор, окончивший Академию общественных наук при ЦК КПСС, Галушко на заседаниях актива своего района призывал крепить социалистическую законность, напоминал, что борьба в настоящее время идет с расхитителями общественной собственности и, кивая головой в сторону работников прокуратуры и судей, бросал в зал: "Мы не остановимся ни перед чем, чтобы покончить в нашем районе с расхитителями социалистической собственности и со взяточниками".

Между тем сотрудники Управления по борьбе с хищениями социалистической собственности города Москвы обнаружили, что на одной из небольших фабрик Бауманского района процветает частнопредпринимательская деятельность. Над фабрикой, над ее руководителями стали сгущаться тучи. И эти руководители стали искать путей уйти от судебной ответственности. Они нашли ход к секретарю райкома Галушко и зампредседателю исполкома Сергееву. Состоялся торг, в ходе которого ответственные лица, учитывая сложность ситуации и трудность задачи "изъять" уголовное дело из ведения УБХСС, запросили от работников фабрики сто тысяч рублей, но, после длительных прений, помирились только на семидесяти тысячах.

Стали собирать деньги со всех работников фабрики. Неравномерность поборов и большое количество вовлеченных в дело лиц не могли не вызвать пересудов. Деньги были собраны и отданы, но секретность оказалась нарушенной.

Дело вышло наружу. И ЦК КПСС принял решение о предании уголовной ответственности ведущих руководителей

Бауманского района. Одновременный обыск на квартирах и в служебных кабинетах Галушко и Сергеева обнаружил в сейфах каждого ровно по 35 тысяч рублей. После ареста оба сразу же признали себя виновными.

Дело слушалось при усиленном наружном конвое, в переполненном, но совершенно притихшем зале. Громов вел процесс удивительно корректно. Это вообще отличительная черта его судейской манеры, за которую он, наверное, и претерпел столько понижений по службе в прежние годы. Судебное следствие подтверждает данные, полученные на предварительном следствии. Суд интересуется партийным стажем подсудимых, их трудовой биографией, составом семей и их доходами. Защита тоже более всего выясняет личные подробности, положительно характеризующие подсудимых. Прокурор сосредотачивает свое внимание на взяточдателях и связанных. Но и он корректен — ведь нельзя целиком отвлечься от того, кем эти подсудимые были только вчера. А вчера они были руководителями московского района, который по численности населения, его промышленному и культурному значению был равен средней величины европейскому городу. Но вот председатель Громов задает вопрос подсудимому Галушко:

— Суд выслушал ваши показания. Скажите, какие причины толкнули вас, уважаемого и обеспеченного человека, на это преступление?

И зал, затаив дыхание, выслушивает ответ:

— Неуверенность в завтрашнем дне.

Так отвечает первый секретарь Бауманского райкома столицы, депутат Верховного Совета РСФСР, делегат двух послесталинских партийных съездов... И в эту минуту он искренен, как, может быть, никогда прежде в своей жизни. Длинная жизнь партийного работника, на памяти которого миновал и 1937 год, и 1948-й и 1952-й, выработала в нем стойкое убеждение, что несметные казенные милости, которыми он осыпан сегодня, могут иссякнуть завтра, и на случай этого "завтра" он стремился обеспечить свой дом и свою

семью ценой преступления. Такова была в глазах верного слуги партии и государства цена советского социализма.

По окончании суда Галушко и Сергееву больше не надо было сомневаться в завтрашнем дне: ближайшее десятилетие, по приговору суда, им предстояло провести в тюрьме и лагере.

Но, выяснив для себя вопрос, почему облеченные доверием должностные лица оказываются склонны к преступлению, вернемся к делу трикотажного цеха при универмаге "Москва", по завершении которого русские — Коршилова, Кузнецова, Алексеев и др. — были освобождены от всякой ответственности, а евреи — Хейфец, Евгеньев и Рейдель (а по смежному делу еще и Флиорент и Клемперт) были приговорены к расстрелу. Остальные подсудимые евреи были осуждены на длительные сроки лишения свободы (Козловский — на 15 лет, Цацкис — на 12, Житомирский — на 10, Райх — на 8 лет и т. д.).

Постановлением следствия были освобождены от уголовной ответственности все рабочие, все мастера цехов и заместители мастеров цехов, которые получали денежные прибавки сверх установленной зарплаты, и тем самым участвовали в прибылях от противоправной деятельности. Эти рабочие, мастера цехов и их заместители были все до одного русские. Зато ни один еврей не избежал суда и ни один не был удостоен снисхождения, хотя все осужденные были участниками Второй мировой войны, кавалерами правительственных орденов, а многие и инвалидами.

Вот история моего подзащитного в процессе по делу трикотажного цеха универмага "Москва" Якова Захаровича Райха. Он пригласил меня взять на себя его защиту в 1965 году, едва выйдя из тюрьмы Лефортово после годового заключения.

В уголовную историю трикотажного производства при универмаге "Москва" Райха завела нелегкая судьба еврея в Советском Союзе. Первоначально, в свои молодые годы, он и не думал ни о какой торговле. Свои блистательные ор-

ганизаторские способности мечтал отдать искусству кино, но не в качестве режиссера или актера — он был достаточно требователен к себе и трезв, чтобы знать скромные пределы своих творческих дарований, — а в качестве организатора кинопроизводства, директора кинокартин. Его первым местом работы стала студия "Мосфильм". Молодой администратор был замечен, лучшие режиссеры страны приглашали его руководить производством их фильмов, и еще в довоенные годы на экранах страны появились ленты, в титрах которых значилось: "Директор картины Яков Райх".

Когда началась война, Райх ушел на фронт одним из первых, ушел добровольно, хотя имел освобождение от обязательного призыва, так называемую *бронь*. Он воевал почти до конца войны. Имел несколько ранений и несколько наград, а в конце 1944 года получил тяжелое ранение в горло, сделавшее его инвалидом на всю жизнь. У него были задеты дыхательные пути, что привело к повторявшимся приступам удушья и частичной утрате речи; сужение пищевода не позволяло принимать обычную, не измельченную предварительно пищу. Он стал частым пациентом госпиталей и больниц. При этом он держался мужественно, сохраняя в облике статью, подтянутость, энергию. Инвалида, уволенного из армии в чистую, дома ждали жена и двое детей.

Но не инвалидность помешала Якову Райху вернуться на работу в кино, а изменившаяся социальная ситуация в стране, ставшая в сороковые — пятидесятые годы весьма неблагоприятной для евреев. Оказалось, что еврею путь в послевоенной Москве на "Мосфильм" заказан. Об этом ему в частной беседе доверительно сообщает генеральный директор "Мосфильма". Так же оценивают ситуацию те известные режиссеры, с которыми он прежде работал. Никакие хлопоты не помогают преодолеть антисемитский барьер. Но ведь надо жить, и работать надо, и надо содержать семью.

Райком партии в порядке исключения решает помочь беспартийному ветерану и инвалиду войны и вручает ему направление на работу в систему торговли. *Торговым работ-*

ником Райха делает ситуация, обстоятельства, сложившиеся так по воле высшего начальства.

Итак, Райх оказывается в системе советской торговли, где все осуществляется, — по крайней мере, по идее, — централизованно и по плану. Однако на деле прославленная социалистическая экономика работает с перебоями, и нет такой области снабжения, в которой население не ощущало бы острую нехватку самых необходимых и самых элементарных товаров. И в эти отверстия, в эти провалы планового хозяйствования внедряется частная инициатива, здесь расцветает частнопредпринимательская деятельность, с помощью которой удовлетворяются насущные нужды населения. Изобретательные умы, восполняя недостатки государственного планирования, производят сверхплановую *левую* продукцию и находят пути ее реализации через государственную торговую сеть. И вот в эту-то сеть, сплетенную из сложных взаимоотношений государственной торговли и частнопредпринимательской деятельности, судьба руками районного комитета партии забросила Якова Райха. Магазин, в который пришел на работу Райх, занимался продажей *левого* товара задолго до Райха. Почти против своей воли Райх силой обстоятельств был втянут в комбинации магазина, едва ли имея возможность устранить созданное годами положение вещей. Он не оставлял надежд и попыток изменить свою рабочую ситуацию. Торговля была ему противна. Он по-прежнему пытался вернуться к работе на "Мосфильме", но ни одна его попытка не увенчалась успехом.

Когда развернулась кампания по борьбе с хищениями социалистической собственности, Райх был арестован и сразу же попал в тюрьму Лефортово. Он немедленно признался во всех нарушениях закона, с именами, фактами, датами, причинами поступков, с указанием объема содеянного. В компенсацию ущерба он отдал все свое имущество — не только сбережения и автомобиль, но и предметы бытового обихода семьи: холодильник, письменный стол, шкафы... Жена и сын после ареста Райха жили в доме, где после конфис-

кации имущества, проведенной следственными органами, оставались только две кровати, кухонный стол и пара стульев. Здоровье его в тюрьме резко ухудшилось, поскольку он лишился необходимого ему постоянного наблюдения врачей. На воле ему раз в полгода делали частичную операцию по поводу расширения стомы. Это тяжелая процедура, но только благодаря ей Райх сохранял способность дышать и принимать пищу. Теперь в тюрьме вокруг отверстия, в которое вставлялась дыхательная трубка, разрасталась опухоль.

Райх провел в тюрьме год. В одну из ночей приступ удушья был таким сильным, что заключенный едва не задохнулся насмерть. Райха поместили в Боткинскую больницу, в специальную тюремную палату с конвоем у дверей. Я уже имела случай в связи с делом Пугача объяснить читателю, почему власти считают нежелательной смерть обвиняемого до вынесения приговора: это усложняет процедуру конфискации имущества. Райху произвели необходимую ему очередную операцию и вернули в Лефортово. Он пробыл в тюрьме ровно год, состояние его здоровья все время оставалось угрожающим, и, боясь, что заключенный не доживет до суда, администрация тюрьмы вместе со следователем решили отпустить его до начала процесса домой. Домой вернулся глубокий старик, сломленной тюрьмой и болезнью. Одышка уже не отпускала его, трубка с трудом входила в зараставшее горло.

Райх в суде не мог давать объяснения — ему отказывал голос, несколько раз он терял сознание от удушья. Микрофон не усиливал слабого звука голоса, заглушаемого свистом фистулы. Свое последнее слово Райх, с разрешения суда, передал для зачитания мне, своему адвокату. Райх "доходил". В списке обвиняемых он стоял последним по объему содеянного, последним же шел и в обвинительном заключении. В суд было представлено письмо, подписанное известными деятелями советского кино и литературы: они знали Райха по прежней совместной работе, перечисляли его заслуги, упоминали его совместную работу с режиссерами

А.Птушко и И.Пырьевым (уже в период между тюрьмой и судом Райх был директором двухсерийного киноромана "Братья Карамазовы" и оставшегося незаконченным из-за внезапной гибели актера Евгения Урбанского фильма "Директор"); они обратились к суду с просьбой о снисхождении к Райху. Под письмом стояли имена народного артиста Михаила Ульянова, режиссера Александра Столпера, писателя Юрия Нагибина, председателя Комитета по делам кинематографии Александра Романова.

Суд не отказался от приобщения этого документа к делу. Но никаких смягчающих обстоятельств во внимание не принял: ни добровольного участия в Великой Отечественной войне и полученной на войне инвалидности, ни тяжелой болезни, ни заслуг перед кинематографией. При признании своей вины и полном возмещении ущерба Райх был осужден на восемь лет исправительно-трудового лагеря усиленного режима. Почти весь свой лагерный срок Райх провел в тюремных больницах. В особом вагоне для заключенных его возили к специалистам, которые периодически прочищали ему стому, пока один ленинградский профессор, осмотрев больного в областной больнице, не отказался от операции, признав дальнейшее хирургическое вмешательство бесполезным: он считал, что у Райха развился рак горла. Действительно ли годы заключения могли способствовать трудовому перевоспитанию безнадежно больного Райха? Ведь, если верить официальным установлениям, советская пенитенциарная система не имеет другой цели и исключает физическое насилие, страдание или унижение человеческого достоинства... Определив Райху непосильно тяжелое наказание, суд не только не пожелал проявить по отношению к тяжелобольному человеку милосердие, но не оказал ему и справедливости. Мера наказания была ему определена за "хищение социалистической собственности". Но суд был глух к веским доводам самого подсудимого и его защиты, оспаривавших и объем и квалификацию преступления: они признавали вину в соучастии по реализации сверхплановой продукции фабрик-производите-

лей, в обмане покупателей, но категорически отрицали наличие хищений.

Я кратко остановлюсь еще на одном приговоре, вынесенном по делу трикотажного цеха универмага "Москва", чтобы пример судебной расправы с Райхом не оказался исключительным или единственным. На этом процессе трое подсудимых — и все *евреи!* — были приговорены к смертной казни за преступления отнюдь не более тяжелые, чем те, которые совершили их русские соучастники. Среди приговоренных к смерти был тридцатисемилетний Юрий Евгеньев, человек по-советски трагической судьбы.

Ему не было и десяти лет, когда в 1937 году, во время "большого террора" арестовали его отца, коммуниста, во время революции устанавливавшего в Одессе советскую власть, и многолетнего работника Чека. Через 20 лет его, правда, реабилитировали "за отсутствием состава преступления". Мать Юрия умерла в ссылке. Вырос он в детском доме. Во время Второй мировой войны в результате полученного на фронте ранения ему ампутировали часть ноги. Юрий Евгеньев только год заведовал производством в трикотажном цехе универмага "Москва". Он не признавал себя виновным в правонарушениях по описываемому делу. При вынесении приговора суд не принял во внимание ни одно из вышеперечисленных обстоятельств. Он был расстрелян.

Позволю себе несколько слов о положении адвоката в этом и других подобных процессах. Оно было нелегким. Мы всегда понимали и чувствовали, а в 1961 — 1962 годах, когда появились чрезвычайные законы об ответственности за экономические преступления, понимали и чувствовали особенно остро, специфическую репрессивную направленность законодательства не только против самого преступления, но против евреев. Защите трудно, практически невозможно добиться успеха там, где исход судебного дела определяется волевым распоряжением *сверху*. И тем не менее на описанных выше процессах трикотажников защитники, почти все без исключения, выполнили свой профессиональ-

ный долг. Защита в активно-аргументированной форме отрицала наличие в действиях подзащитных состава преступления, предусмотренного Указом от 5 мая 1961 года, вошедшим впоследствии в ст. 93¹ УК РСФСР, то есть хищения в особо крупных размерах; безусловно отрицала возможность и необходимость применения обратной силы закона к действиям подсудимых, совершенным в прошлые годы, как противоречащей самому советскому закону; решительно осуждала введение смертной казни за экономические преступления. Все адвокаты указывали, что в действиях их подзащитных наличествуют иные составы деяний: частнопредпринимательская деятельность*, взяточничество и обман потребителя, иногда — валютные операции. Однако решение суда было predeterminedено свыше.

Приведу в качестве иллюстрации положения советского адвоката в этих процессах пример, который даст читателю яркое представление о характере препятствий, мешавших нашей работе.

По делу универсама "Москва" адвокату В. досталась в порядке государственного поручения защита одного из главных лиц по обвинительному заключению. В. совсем недавно стал членом Московской Городской Коллегии адвокатов, но был довольно опытным юрисконсультom в прошлом. Ознакомившись с делом, адвокат установил, что большая сумма из предъявленного его подзащитному — спорная. Обвиняемый же, совершенно деморализованный мыслью о том, что ему угрожает смертная казнь, впал в апатию и безвольно признал на следствии весь объем вменения. Однако во время свидания с подзащитным адвокат, изучив вместе с ним документы и другие материалы следствия, установил, что

* "Частнопредпринимательская деятельность с использованием государственных, кооперативных или иных общественных форм называется лишением свободы сроком до пяти лет с конфискацией имущества". Статья 153 Уголовного Кодекса РСФСР. М., 1970, стр. 59—60, 64.

сумма, предъявленная обвиняемому, может и должна быть уменьшена... на полмиллиона. Подзащитный вник в суть дела и согласился.

Свидание адвоката с подзащитным происходило за два дня до начала суда в отдельном кабинете Лефортовской тюрьмы. Едва по окончании свидания адвокат В. вернулся в свою консультацию, как его срочно вызвали в Президиум Городской Коллегии адвокатов для выговора и разноса. В Президиум уже звонили из КГБ и возмущались: как смеет адвокат "подговаривать" подсудимого оспаривать *точные* данные, установленные следствием КГБ! Едва-едва адвокату В. было разрешено остаться в процессе в качестве защитника.

Если бы В. не был в те дни новичком в адвокатской коллегии, он бы знал так же точно, как это знали мы все, что все его беседы с подзащитным прослушиваются; он не рассуждал бы вслух, а писал бы своему клиенту записки, тщательно собирая их, чтобы потом вынести из тюрьмы и уничтожить. Так поступали мы все. Но и это было рискованно. Один мой коллега был дисквалифицирован на три года за записку, полученную от клиента.

Мы, адвокаты, обмениваясь между собой конкретной информацией и впечатлениями по ходу процессов, никогда не расходились в оценке того правосудия, которое свершалось на наших глазах в шестидесятые годы и на языке партийно-государственной печати называлось "*укреплением социалистической законности*" и "*борьбой с расхитителями социалистической собственности*".

Репрессивное начало этого правосудия — и это видно из анализа рассмотренных нами конкретных уголовных дел "трикотажников" и других по Москве и Московской области — было направлено против преступления и, в первую очередь, против *евреев*. Так было по всему Союзу. Высокопоставленные ответственные работники, *русские* по национальности, были освобождены от ответственности даже в тех случаях, когда они были прямыми инициаторами и зачинателями преступной деятельности, в которую втягивали других

людей. Высокое должностное и партийное положение этих лиц может навести на мысль, что стремление оградить их от ответственности могло быть вызвано не национальной политикой, а социальными причинами, то есть нежеланием власть предержащих учинять расправу над людьми своего круга. Такое соображение не лишено резона, но лишь только отчасти. В описанных процессах под судом почти не проходили лица еврейской национальности, облеченные партийным и государственным доверием (да таких лиц к началу шестидесятых годов, после волн репрессий, прокатившихся по стране в тридцатые, сороковые и пятидесятые годы, было уже и не так много), но напомним все же, что расстрелянный по приговору суда Исай Флиорент был номенклатурным работником, управляющим делами Министерства торговли РСФСР. Однако *еврея* не спасало даже высокое партийно-служебное положение, и Исай Флиорент был осужден на смерть, в то время как взяточник и соучастник всех противоправных действий, его непосредственный начальник Алексеев, *русский*, оказался вовсе освобожденным от судебной ответственности.

Ни у кого из ответственных работников нееврейской национальности, поименованных в списке лиц, на которых постановлением суда было якобы выделено особое дело, не было произведено ни обыска, ни описи имущества; никто из них не был по представлению следственных органов освобожден от занимаемой должности.

В годы хрущевской "оттепели", когда столько твердилось о восстановлении социалистической законности, Закон не знал в действительности равенства. Он был и остался конъюнктурным, зависимым от партийно-государственной политики, от сиюминутной ситуации и последней массовой кампании. А применительно к описываемым процессам судебно-уголовная практика обнаруживала отчетливый антисемитский уклон.

Ни я, ни мои коллеги-защитники никогда не оспаривали самого факта противоправных действий, если таковой был

объективно доказан. Мы боролись за чистоту и правильность квалификации преступления, за правильный и действительный объем вменения, за соблюдение Закона во времени и пространстве. Мы защищали своих подзащитных от всего привнесенного следствием в их дело, от гиперболических сумм, навязанных им следствием. Мы боролись против грубого нарушения Закона, даже если таковое исходило от самого законодателя. Мы защищали человека, отдавая себе отчет в своих профессиональных правах и обязанностях, даже если осуществление этих прав и обязанностей ставило нас самих под угрозу.

ДЕЛО КРАВЕЦА, УМАНСКОГО, МОВШОВИЧА и др.
(рассказано бывшим адвокатом Мосгорколлегии
Львом Юдовичем и др.)

В середине шестидесятых годов в Народном Суде Ленинградского района Москвы под председательством народного судьи Киселева слушалось групповое хозяйственное дело о хищении в крупном размере, то есть подсудимым в количестве девяти человек инкриминировалась статья 92^{III} УК РСФСР.

Расследование вела бригада следователей прокуратуры гор. Москвы.

Все обвиняемые работали в цехе трикотажных изделий, выпускавшем рейтузы, свитера, косынки и т.п. Привлекались к суду и представители администрации фабрики — директор, русский, и бухгалтер, армянин. Остальные подсудимые были евреи.

Обвинение сводилось к следующему: в цеху нарушались нормы ГОСТа, и в промышленные изделия не вкладывали положенного количества сырья, хотя по документам нормы сырья были завышены сверх положенного. Из "сэкономленного" таким образом сырья изготовляли *левую* неучтенную продукцию. Продажа этой продукции и составляла, по версии следствия, "хищение в крупном размере".

Поставщиком сырья являлась, главным образом, Тушинская прядильная фабрика (Московская область), которую мы уже упоминали в предыдущих разделах этой главы.

Со стороны защиты в деле участвовали весьма квалифицированные столичные адвокаты: Н. Белов, А. Биленко, Л. Юдович, Д. Аксельбант, В. Швейский, К. Беккерман, А. Таратута, Л. Криппа и др. Материалы следствия составляли 50 томов.

Дело слушалось в Народном Суде полгода и изобиловало драматическими эпизодами. Судья был непреклонен в своем стремлении во что бы то ни стало вынести обвинительный приговор. Однако защита показала несостоятельность следствия, недобросовестность заключений экспертов, ошибочность выводов ревизий. Защита возбудила ходатайство о вызове в суд дополнительных свидетелей, о проведении повторной ревизии, об истребовании дополнительных документов от различных организаций, о необходимости ввода в состав технологической экспертизы дополнительных специалистов. Все эти ходатайства были судом отвергнуты. Защита заявила отвод экспертам-технологам, доказав документами их некомпетентность; она также требовала отвода экспертов-бухгалтеров как заведомо сделавших неправильные выводы, в доказательство чего демонстрировались неверные, даже с точки зрения простой арифметики, обсчеты их заключений; третий отвод защита заявила судье Киселеву и всему составу суда — за грубость, тенденциозность поведения и откровенное подчеркивание национального состава подсудимых. Разумеется, защите было в этом отказано. Защитники жаловались на антисемитское поведение суда Председателю Народного Суда Ленинградского района Москвы Н. А. Юдину, обращая его внимание на грубое попираание прав подсудимых. Все было напрасно.

Желая скомпрометировать защиту, судья Киселев вынес *частное определение* в адрес адвокатов. Однако Президиум Мосгорюрколлегии отверг эти *частные определения* и сам направил в суд своего следователя, который подтвер-

дил правоту жалоб защитников: грубое, тенденциозное поведение судьи Киселева и особую направленность судебного следствия, имеющего явную антисемитскую окраску.

В результате создавшейся в суде напряженной обстановки подсудимые отказались от защиты и не давали показаний. Дело слушалось в отсутствие обвиняемых. И все же через семь месяцев судья Киселев вынес приговор: бухгалтер оправдан, директор осужден за халатность, остальные подсудимые, все до одного евреи, получили от 8 до 12 лет лишения свободы с конфискацией всего имущества.

Приговор был обжалован как осужденными, так и их защитниками. Никто из осужденных не признал себя виновным. В кассационном суде дело слушалось в первый раз под председательством члена Мосгорсуда Шапошниковой, которая вынесла определение: приговор отменить и направить дело на новое рассмотрение со стадии... судебного разбирательства, поручив дело Нарсуду Кировского района и персонально судье Шарапову. Шарапов имел славу грубого, бездушно-го судьи, не отрывающего глаз от обвинительного заключения, которое он старательно и полностью воспроизводил в приговорах. Кассационный суд, таким образом, с одной стороны, демонстрировал свою "объективность", передавая дело в другой районный суд, а с другой — твердо надеялся на Шарапова с его прочной репутацией "надежного" судьи. И Шарапов не обманул надежд.

Дело слушалось на этот раз *год*. Новый эксперт-технолог, допущенный по ходатайству защиты, полностью опроверг выводы предварительного следствия и заключение предыдущей экспертизы.

Прокурор нового состава суда сообщил суду, что эксперт некогда был якобы осужден за драку с соседом; в связи с чем он поставил вопрос о недопущении эксперта к участию в судебном заседании и привлечении его к уголовной ответственности за дачу ложного заключения. Судья, выдерживая условленную роль, не согласился с предложениями прокурора, но выводы эксперта отверг.

Обвиняемые на этот раз не только отказались от защиты, но и вообще не захотели присутствовать при вторичном разборе дела. Дело слушалось *без подсудимых, без их адвокатов, но зато при прокуратуре!* Никого не интересовало нарушение элементарных гарантий естественных прав обвиняемого на защиту.

В суде не был установлен сам факт хищения, не установлено завышение нормы экономии сырья, не установлены размеры дохода от продажи неучтенной продукции, не установлен даже и сам факт такой продажи. Все *дело* возникло только на основе предположения. В юридических кругах Москвы процесс приобрел печальную известность. Однако все жалобы защиты — а адвокаты были на личном приеме у руководителей Судебных Установлений РСФСР и СССР — остались втуне. Второй приговор подтвердил первый: все восемь евреев-подсудимых были осуждены на сроки от 8 до 12 лет.

В характере следствия и двукратного судебного рассмотрения, в игнорировании всех ходатайств со стороны подсудимых и их адвокатов, в поведении суда, в грубом нарушении Закона, в издевательском тоне обращения к подсудимым и неуважительном к их защитникам — во всем этом беззастенчиво и до конца проявился антисемитский настрой, свойственный разбирательству данного дела. На это открыто указывали подсудимые и защита в жалобах, поданных в Кассационную инстанцию Мосгорсуда после второго приговора. Однако теперь Кассационная инстанция "не усмотрела никаких процессуальных нарушений" или нарушений конституционных прав осужденных. Приговор был оставлен в силе.

В награду за "блестящее" завершение трудного дела судья Шаратов тотчас же получил должностное повышение: он был назначен членом Мосгорсуда и теперь выносил приговоры, основанные на его своеобразном понимании Закона, уже в масштабе подсудности городского суда столицы.

ДЕЛО МОНИ МИХАЙЛОВИЧА ТАЛЬЯНСКОГО

(рассказано Львом Юдовичем)

Моня Михайлович Тальянский заведывал отделом в магазине музыкальных пластинок "Мелодия" на главной улице Москвы — улице Горького.

Пластинки отечественного производства продавались в конвертах, на которых была напечатана цена. На упаковочных конвертах пластинок, выпущенных иностранными фирмами, цена не была обозначена. По версии следствия, данное обстоятельство и явилось источником злоупотреблений.

На пластинки был большой спрос. Продавали их не только в магазине, но и с лотков прямо на улице. Кроме того, их отправляли иногородним покупателям наложенным платежом.

В обвинительном заключении сказано, что все пластинки (в том числе и отечественного производства) продавались и отправлялись в конвертах венгерской фирмы "Балатон", что давало возможность продавать советские пластинки дороже их истинной стоимости. Впоследствии, по окончании продажи, разница в стоимости изымалась Моней Тальянским в свою пользу. Следствием преступление расценивалось как "длящееся почти десятилетие". Тальянский был арестован и провел, с санкции Прокурора СССР, в следственном изоляторе максимально допустимый для расследования срок — 9 месяцев. Затем у него была взята подписка о невыезде, его выпустили из тюрьмы, и следствие продолжалось. В совокупности оно длилось свыше двух с половиной лет.

При окончании предварительного следствия обвиняемым и защитой было заявлено 47 ходатайств по существу дела, свидетельствовавших о неполноте проведенного следствия и отсутствии доказательств вины Тальянского.

Отделом комплектования заведовала русская женщина по фамилии Шуб. Без ее ведома ни одна пластинка не могла выйти из магазина. Определение размера так называемого

хищения, предъявленного обвинительным заключением Тальянскому, производилось по описям продукции, отправленной из магазина через отдел Шуб. Тальянскому предъявили сумму хищения в размере 80 тысяч рублей. Экспертом при определении суммы хищения стала сама Шуб. И хотя защита неоднократно ходатайствовала о привлечении ее к ответственности, суд оставил *эти* ходатайства без внимания.

Между тем без прямого соучастия Шуб *никакое злоупотребление из тех, что приписывались Тальянскому, было бы невозможно*: пластинки, как русские, так и иностранные, упаковывались и комплектовались именно в ее отделе, и она несла полную ответственность за комплектование и реализацию проходивших через ее отдел товаров. Если правонарушение, совершенное в магазине "Мелодия", имело место, то ответственность Шуб должна была быть равной ответственности Тальянского.

Тальянский свою вину не признал. Но каждый раз, когда улики против Шуб были налицо, следователи объясняли их либо простой забывчивостью Шуб, либо арифметической ошибкой. Отвечая на вопросы, Шуб вопросительно смотрела на следователей, откровенно ожидая от них помощи. Помощь приходила в виде стандартного и повторяющегося объяснения: Тальянский — искусственный в торговле человек, а Шуб менее опытна. Хотя было установлено, что работали они вместе и примерно равное время. Однако следствие, интересовавшееся одним Тальянским, велось небрежно и крайне тенденциозно, имея явную направленность против подследственного-еврея.

Дело, полное вопросов и неясностей, с недоказанным обвинением, принявшее к этому времени катастрофически затяжной характер — следствие и суд длились уже более трех лет, — перешло в Мосгорсуд, где оно было поручено Зинаиде Александровне Апариной. Имя этой судьи вызывало содрогание у юристов: Апарина была человеком озлобленным, предпочитала приговоры только с максимальным сроком наказания. К моменту передачи дела в суд следствен-

ное производство разрослось уже до 147 томов. Заключение экспертов возлагали *равную ответственность* за все правонарушения на Тальянского и на Шуб.

Слушание, проходившее под председательством Апариной, было уже вторым по этому делу. Первоначально оно было поручено члену Мосгорсуда Самцовой и слушалось около 9 месяцев, закончившись весьма обстоятельным Определением Судебной коллегии об обращении дела к рассмотрению. На это Определение Мосгорсуда последовал Частный Протест Прокурора города Москвы. Верховный Суд РСФСР Определение Мосгорсуда отменил и вновь направил дело на рассмотрение в Мосгорсуд, но в ином составе судей. И тогда-то дело попало к грозе Судебной Коллегии по уголовным делам З. А. Апариной.

Адвокат, который должен был осуществлять защиту в этом суде, был тяжело болен, и из юридической консультации Тальянскому прислали сперва одного адвоката, потом другого, от услуг которых он решительно отказался. Он просил, чтобы в этом суде его представлял Л. Юдович, адвокат, годами занимавшийся его делом, знакомый с ним со стадии предварительного следствия. Судья Апарина отказала подсудимому Тальянскому в осуществлении его элементарного права, гарантированного Конституцией и Процессуальным Кодексом, — права на защиту, на выбор адвоката. Суд отказал Тальянскому во всех его ходатайствах, несмотря на то, что в деле наличествовали взаимоисключающие друг друга материалы. Суд всячески *охранял* интересы Шуб, не позволив новому адвокату ставить вопросы о совместной и равной ответственности обоих.

Тальянский вновь не признал себя виновным. Но судья Апарина не нуждалась ни в его признании, ни в серьезных доказательствах вины подсудимого, фамилия которого была Тальянский, а имя Моня... По приговору суда Тальянский получил 12 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Шуб во всем этом деле досталась роль только свидетельницы.

Верховный Суд РСФСР (председательствовал Николай Степанович Романов*), "не усмотрев никаких нарушений по делу", оставил приговор в силе, ограничившись ответственностью одного Тальянского.

На всех этапах, начиная от предварительного следствия и кончая кассационным рассмотрением в Верховном Суде РСФСР, в этом деле прослеживается предвзятость и откровенно различное отношение к правонарушениям, совершенным евреем М. Тальянским и русской Шуб.

ДЕЛО ШАКРО ХИХИНАШВИЛИ
(рассказано Львом Юдовичем)

Во второй половине шестидесятых годов в судах Российской Федерации и Грузинской ССР рассматривались дела о частнопредпринимательской деятельности большой группы лиц, насчитывавшей около 100 человек, связанных общими организованными противоправными действиями. В прессе эту группу, в орбиту деятельности которой входили Грузия и многие районы РСФСР, называли "синдикатом". В деле "синдиката" оказались замешаны должностные лица разных рангов и разных учреждений всесоюзного значения. Следствие вела Прокуратура СССР.

Чтобы не обнаруживать истинные размеры и характер злоупотреблений, следственные органы разделили правонарушителей по объектам совершенного на небольшие группы. В целом ущерб был исчислен Прокуратурой в один миллиард рублей. Приговоры выносились главным образом за получение взяток, за передачу взяток должностным лицам; нарушители были приговорены к срокам от 8 до 15 лет.

Закрывающим в этой серии было дело Шахро Хихинашвили, 62-летнего еврея, уроженца и жителя Грузии, некото-

* Н.С.Романов председательствовал во многих процессах "валютчиков" и "трикотажников", в которых было вынесено множество смертных приговоров. — Е.Э.

рое время проживавшего в Москве. Следствие видело в нем главу всего "синдиката". Шахро Хихинашвили был неграмотен и плохо владел русским языком.

Обвинительное заключение предъявило ему свыше ста эпизодов передачи через посредников взяток должностным лицам, работавшим на текстильных базах, в Управлениях Рабочего Снабжения (УРСах) различных промышленных ведомств союзного значения, в ведущих торговых организациях Грузии. Взятки давались за перераспределение фондов сырья через базы и по письмам работников баз. Хихинашвили якобы и сам получал за это долевы взятки в размере 5, 7, 10 тысяч, то есть совершал противоправные действия, подлежащие статьям 173, ч. II и 174, ч. II Уголовного Кодекса РСФСР*.

Единственным основанием приговора по делу Шахро Хихинашвили явились вынесенные ранее Мосгорсудом приговоры по различным делам, связанным с "синдикатом". В большинстве своем эти приговоры были вынесены под председательством судьи Лубенцовой, члена Московского Городского Суда. Однако Хихинашвили никогда прежде не допрашивали по вышеупомянутым делам даже в качестве

* Получение должностным лицом, занимающим ответственное положение, либо ранее судившимся за взяточничество или получавшим взятки неоднократно, либо сопряженное с вымогательством взятки — наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества и ссылкой после отбытия лишения свободы на срок от двух до пяти лет или без ссылки, а при особо отягчающих обстоятельствах — смертной казнью с конфискацией имущества. (Статья 173, ч. II).

Посредничество во взяточничестве, совершенное неоднократно лицом, ранее судившимся за взяточничество, или с использованием своего служебного положения — наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой после отбытия наказания от двух до пяти лет или без ссылки. (Статья 174, ч. II). Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР. М., изд-во "Юридическая литература", 1970, стр. 65—66.

свидетеля; свидетелем в суд его тоже не доставляли, так как судье Лубенцовой для вынесения приговоров по предыдущим делам Хихинашвили ни разу не понадобился. Впоследствии, правда, оказалось, что Хихинашвили совершенно не нужен даже для вынесения приговора по его собственному делу, которое слушалось под председательством другого члена Мосгорсуда, Нины Бойковой.

В суде по делу Хихинашвили против него свидетельствовал только один свидетель, в то время как другие 30 (!) вины Хихинашвили не подтвердили.

Привезенный из Тбилиси в Москву и допрошенный в первый раз *как свидетель*, предупрежденный об ответственности за дачу ложных показаний, Хихинашвили все категорически отрицал. Это был *первый и последний* разговор Хихинашвили со следственными и судебными работниками. В последующие *два года пребывания во внутренней тюрьме* Хихинашвили не проронил ни одного слова, категорически отказавшись от дачи показаний и вообще от разговора с кем бы то ни было, включая адвоката, приглашенного бывшей женой Хихинашвили.

Такое поведение подследственного заставило следователя применить испытанную методику ведения предварительного следствия: он сам писал протокол, собственноручно отвечая на им же поставленные вопросы; затем вызывал из соседнего кабинета коллегу-следователя или служителя тюремного ведомства, и они вдвоем подписывали протокол, завершавшийся фразой: "Обвиняемый от подписи отказался".

И составленное таким образом многотомное дело поступило в суд первой инстанции под председательством члена Мосгорсуда Богданова. Богданову случалось прежде участвовать в чрезвычайно суровом осуждении евреев за экономические преступления и даже выносить смертные приговоры по делам о незаконных валютных операциях. Но тут и он почувствовал, что выносить приговор как-то *неловко*: при отсутствии показаний обвиняемого, при одном свидетеле обвинения против тридцати других, в то время, как Хихи-

нашвили еще до приговора отсидел два года в тюрьме... Богданову хотелось дополнить дело чем-то весомым. И он потребовал для Хихинашвили психиатрической экспертизы.

Хихинашвили поместили в Институт судебной психиатрии им. Сербского. Это медицинское учреждение знаменито на весь мир тем, что является послушным орудием репрессивной внутренней политики советских властей. Через два с половиной месяца врачи постановили: отклонений нет, вменяем. И Хихинашвили вторично предстал перед коллегией Мосгорсуда, где на этот раз председательствовала Нина Бойкова, судья, которую не страшило нарушение процессуальных формальностей.

С самого начала процесса судья Бойкова повела себя крайне агрессивно. Подсудимый ее не интересовал вообще. Она начала с ознакомления с подшитыми к делу приговорами и упивалась их содержанием. Защитник Хихинашвили ходатайствовал о том, чтобы в начале слушания дела эксперты-психиатры объяснили, на основании каких данных они пришли к выводу о вменяемости подсудимого. Ответ врачебной экспертизы прозвучал потрясающе.

Действительно, Хихинашвили, находясь в институте Сербского, ни с кем не разговаривал, но врачи пришли к выводу о его вменяемости... "по данным наблюдения со стороны". "Наблюдения со стороны", без лечения, без обобщения оказалось достаточно для врачебного заключения. И суд такое заключение принял, заполнив пустоту следствия данными судебно-медицинской экспертизы. Это весьма приободрило и судью Бойкову, и Прокуратуру Союза.

Дело изобиловало многочисленными и явными нарушениями. Торговые работники, получавшие *левые* товары для продажи, не были допрошены совсем; свидетели, якобы уличавшие Хихинашвили, в суд не были вызваны, оглашались, как уже говорилось, только уже вступившие в силу приговоры. Один-единственный свидетель, ранее уже осужденный, давал показания против Хихинашвили. И это все!

Адвокат настойчиво обращал внимание суда на неиссле-

дованность дела по существу: не установлено, имел ли место сам факт передачи денег из одних рук в другие подсудимым Хихинашвили; не выяснено, кому конкретно и сколько именно он передал, какая корысть была у него самого, какую сумму он присвоил в качестве посредника, кто в конце концов реализовал сырье и ткани, где была продана неучтенная продукция. Короче: не установлены источники получения сырья и места реализации готовой продукции, а следовательно, — не установлено само событие.

Никакие доводы защиты не были приняты во внимание.

По неисследованному делу судья Н.Бойкова вынесла обвинительный приговор. Шестидесятидвухлетний подсудимый Шахро Хихинашвили, уже проведенный два года в тюрьме в ожидании суда и приговора, был осужден по совокупности статей 173 и 174, по второй их части, УК РСФСР к 13 годам исправительно-трудовых лагерей усиленного режима, без всякой надежды на снижение срока — в соответствии с уголовной карательной политикой, отразившейся в статье 24 УК РСФСР.

Лев Юдович, защищавший Шахро Хихинашвили, обратился с жалобой в Верховный Суд РСФСР, приведя все доводы о неисследованности дела и нарушении процессуальных норм. И Верховный Суд определил:

”Заслушав доводы адвоката по делу Хихинашвили и заключение прокурора, полагавшего оставить приговор в силе, Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР находит, что Приговор постановлен правильно и соответствует материалам дела, и не усматривает оснований для отмены его. Жалобу Хихинашвили и его адвоката оставить без удовлетворения, приговор — в силе”.

ДЕЛО ВАРШАВСКОЙ

(рассказано бывшим адвокатом Мосгорколлегии
Валентином Дабужским)

Дело слушалось в Москве в связи с расследованием де-

тельности так называемого "синдиката" (см. предыдущий раздел). Председательствовала член Мосгосуда Лубенцова.

На скамье подсудимых находилось 15 человек, среди них — одна-единственная женщина. Все другие подсудимые были русские и грузины, женщина — еврейка. Фамилия ее была Варшавская.

Главным обвиняемым по делу проходил некто Миринашвили, которому вменяли дачу взяток должностным лицам за получение сырья для производства *левой* мануфактуры в Грузии на миллионные суммы.

Варшавская, занимавшая канцелярскую техническую должность, выписывала наряды по письменному распоряжению своего начальника. В соответствии с таким предписанием, она однажды выписала наряд и Миринашвили, который отблагодарил ее суммой в 2000 рублей в денежном исчислении до 1961 года, то есть 200 рублей "новыми деньгами". Случай был единичный.

При первом же допросе Варшавская, дав подробные показания, полностью признала свою вину и объяснила те личные обстоятельства, которые привели ее на скамью подсудимых. Сослуживцы и соседи подтвердили правдивость рассказанного ею о себе. Варшавская жила с мужем, безногим инвалидом Второй мировой войны, и сыном, душевнобольным, нуждавшимся в постоянной помощи и наблюдении. Варшавская была главой семьи, находившейся в постоянной нужде, много работала и одна вела домашнее хозяйство. Защита представила суду характеристику Варшавской, данную ей по месту работы и утверждавшую, что Варшавская — исполнительный, скромный и добросовестный работник.

Вина Варшавской, по сравнению с правонарушениями, инкриминированными ее соседям по скамье подсудимых — им вменялось систематическое получение взяток по 10, 15, 25 тысяч рублей, — была ничтожной. Истинные взяткополуч-

чатели обладали должностными полномочиями и могли самостоятельно разрешить Миринашвили получение дефицитного сырья. Варшавская никакими возможностями для принятия самостоятельных решений не обладала и никакого сырья сама не могла позволить отпустить. Тем не менее прокурор посчитал ее должностным лицом, действия которого подпадают под статью 173, ч. II УК РСФСР (см. примечание к стр. 135). И лицемерно "приняв во внимание" тяжелые личные обстоятельства подсудимой, ее безупречную репутацию, он попросил у суда для нее всего лишь... 8 лет заключения в исправительно-трудовой колонии общего режима с конфискацией имущества. (Опись этого имущества представляла собой перечень лишь самых насущных предметов домашнего обихода.) Прокурор ссылался на признание вины, сделанное Варшавской, на то, что она впервые совершила преступление, и утверждал, что именно это позволяет ему просить у суда минимальной меры наказания...

Другие подсудимые-взятодатели ранее имели судимости, им вменялся большой объем содеянного, преступление их было доказано, хотя многие из них отрицали свою вину. Для них прокурор просил у суда от 10 до 12 лет в исправительно-трудовой колонии усиленного (а иногда и строгого) режима, конечно, с конфискацией имущества. На этом фоне прокурорская "гуманность" по отношению к ничтожно малому преступлению Варшавской выглядела почти издевательством. Но не так думала судья Лубенцова. Суд под ее председательством осудил Варшавскую на срок, больший, чем просил прокурор, — 10 лет лишения свободы, в то время как остальные подсудимые получили по 7 — 8 лет.

Правда, все остальные подсудимые были грузины и русские. Это были важные должностные лица, получавшие взятки постоянно и в десятках тысяч рублей. Варшавская же была еврейская женщина с очень трудной судьбой, лишь однажды мелко оступившаяся. Правосудие, как всегда, особо заостренное против евреев, обрушилось на нее всей своей тяжестью.

ДЕЛО РУБИНШТЕЙНА
(рассказано Валентином Дабужским)

В народном суде Фрунзенского района города Москвы слушалось дело директора и заместителя директора магазина "Фрукты — Овощи". Директор был еврей, по фамилии Рубинштейн. Заместитель же — русский. Долгие годы они работали вместе, причем материальную ответственность нес заместитель, а директор являлся распорядителем кредитов и исполнял административные функции. Обоим было предъявлено обвинение в пересортице, то есть в том, что, получая товар с базы, они занижали сорт продукции, а в продажу пускали фрукты и овощи по ценам более высоких сортов. По сумме ущерба содеянное было относительно небольшим — примерно 5,5 — 6 тысяч рублей.

Доказанность предъявленного обвинения была спорной. Единственным свидетелем обвинения был русский заместитель директора, разоблачавший своего начальника и компаньона еврея, хотя по закону материально-ответственным лицом, в случае, если было бы доказано противоправное событие, являлся он сам, заместитель. Директор Рубинштейн предъявленное обвинение категорически отрицал, доказывая, что оно является провокацией со стороны заместителя, сговорившегося со следствием.

При спорности самого обвинения, основанном на показании единственного свидетеля, заинтересованного в исходе дела, суд постановил: приговорить директора магазина "Фрукты — Овощи" Рубинштейна к 10 годам лишения свободы в лагере усиленного режима и с конфискацией всего имущества, а его заместителя — к 4 годам лишения свободы в лагере общего режима и без всяких дополнительных наказаний. Так на практике осуществилось равенство еврея и русского перед законом.

Эту особую направленность против евреев отлично чувствовали и умели использовать судебные работники, лишним подтверждением чему служит разговор, который произо-

шел однажды в народном суде Первомайского района Москвы у народного судьи Валерия Ивановича Мухина с одним молодым адвокатом, и поныне остающимся членом Мосгорюрколлегии (что мешает назвать его имя). Мухин не подозревал, что его собеседник полуеврей, и потому цинично разоткровенничался: "Когда у меня в производстве находится дело, и подсудимый — еврей, я не могу отказать себе в удовольствии посадить этого еврея в тюрьму и назначаю в этом случае только максимальный срок!"

Молодой адвокат изумленно сокрушался: "Как это вершат правосудие люди, которым только свастики на рукаве не хватает? Где же справедливость?" Его изумление — следствие наивности и неопытности. Судья Мухин — не исключение среди своих коллег, и он точно знает, что действует в соответствии с установками государства.

ДЕЛО КОНТРАБАНДИСТОВ

(рассказано бывшим адвокатом Ленинградской коллегии
Абрамом Рожанским)

Дело слушалось в народном суде Кировского района города Ленинграда в конце шестидесятых годов. Суть его заключалась в следующем.

Во время таможенного досмотра одного из теплоходов, возвратившегося из заграничного рейса, в мусорном люке и холодильнике были обнаружены предметы контрабанды. Судовая администрация установила, что эти предметы принадлежали работнице теплохода Тамаре Ананьевой и матросу Олегу Сидорову. На предварительном следствии Ананьева не отрицала, что найденные в тайниках товары она приобрела в Италии на иностранную валюту, нелегально вывезенную из Советского Союза. Она показала, что валюту она приобрела в Ленинграде у своего близкого знакомого Дмитрия Крайчика, еврея, якобы и ранее склонявшего ее к занятиям спекуляцией.

Крайчику было предъявлено тяжкое обвинение в конт-

рабанде (ст. 78 УК РСФСР*), а также спекуляции (ст. 154, ч. II УК РСФСР) и нарушении правил о валютных операциях (ст. 88, ч. I УК РСФСР). Крайчик виновным в предъявленном обвинении себя не признал. Суд оправдал его по статьям 154 и 78 (спекуляция и контрабанда) и приговорил его к четырем годам лишения свободы за нарушение правил о валютных операциях. Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда приговор оставила без изменений. Президиум этого же суда по жалобе адвоката и протесту Председателя Ленгорсуда приговор отменил и дело в отношении Крайчика производством прекратил. В целом, рассмотрение дела во всех инстанциях длилось несколько лет.

Вот некоторые обстоятельства дела.

За десять лет до рассмотрения дела в суде 18-летний Дмитрий Крайчик приехал в Ленинград и, сдав вступительные экзамены в Электротехнический институт им. Ульянова-Ленина, стал ленинградским студентом. По окончании института он работал инженером-электриком на одном из крупных металлургических предприятий близ Ленинграда. "Тов. Крайчик Д.М., — сказано о нем в характеристике, приобщенной к делу, — показал себя квалифицированным специалистом в области вычислительных машин... дважды избирался членом комсомольского бюро отдела, а в 1964 году комсомольцы оказали Крайчику Д.М. высокое доверие, избрав его секретарем комсомольского бюро. Являясь комсоргом отдела, Дмитрий зарекомендовал себя хорошим организатором. Комсомольская организация занимала передовые места в соревновании за право называться "Комсомольская организация имени 50-летия Советской власти"... За хорошие производственные показатели и большую обществен-

* "Контрабанда наказывается лишением свободы с конфискацией имущества на срок от 3 до 10 лет, со ссылкой от 3 до 5 лет или без нее" (статья 78). УК РСФСР. М., изд-во "Юридическая литература", 1970.

ную работу тов. Крайчик Д.М. был премирован директором завода. Он морально устойчив, политически грамотен и пользуется авторитетом среди молодежи завода”.

В свое время Дмитрий был влюблен в Тамару Ананьеву, и чувство это было взаимным. Они не разлучались. Дмитрий стал у нее дома своим человеком, и Тамара, как и ее мать, была уверена, что их отношения, переросшие уровень простой дружбы, завершатся бракосочетанием. И вдруг — арест! Сперва Тамары, а вслед за ней и Дмитрия. На скамье подсудимых они, сидя рядом, старались не смотреть друг на друга. Прежняя пылкая любовь уступила место вражде и ненависти...

Обвинение утверждало, что Крайчик организовал группу для занятий контрабандой и спекуляцией в крупных размерах и что он, еврей, снабдил Ананьеву, русскую, непосредственную исполнительницу контрабандного провоза товаров из-за рубежа, английскими фунтами для приобретения этих товаров. Ни на предварительном следствии, ни в суде Крайчик виновным себя не признал и утверждал, что арестован и привлечен к уголовной ответственности без всяких к тому оснований, по оговору своей сожительницы.

За два года до суда Тамара Ананьева, убедившись, что Дмитрий на ней не женится, решила поступить дневальницей на теплоход, совершающий заграничные рейсы — чтобы заработать денег на приобретение кооперативной квартиры. На теплоходе поведение Тамары не было безупречным. Вот что писали о ней капитан и его помощник: “Ананьева, сожительствующая с матросом Сидоровым, совершает совместно с ним преступления... У нее имеется 20 тысяч итальянских лир и много фунтов стерлингов, вырученных от продажи кинокамеры в предыдущем рейсе... В порту Танжер из ее каюты выходил араб. В порту Арбатахе Ананьева продавала сигареты... После пьянки на Кипре у нее не стало часов”.

Руководство теплохода просило списать Тамару Ананьеву с корабля. Тамара ушла в очередной, последний для себя рейс. При возвращении из него она была поймана с полич-

ным при попытке вынести спрятанные товары, приобретенные ею за границей на иностранную валюту. После задержания в Ленинградском порту, Тамара первые несколько дней давала противоречивые показания о своих действиях.

Так, в первый день на вопрос о ее отношениях с Крайчиком и о его поведении вообще, она заявила: "Крайчик никакого отношения к привезенным мною товарам не имеет, а если о нем говорят другое, *то это сплошная ложь*". То же самое она повторила на очных ставках с Крайчиком и со своей сослуживицей Есиповой. Однако на последующих допросах, постепенно "наращивая факты", Ананьева начинает оговаривать Крайчика, не без подталкивания и помощи со стороны следователей. Она дает путаные, противоречивые, разукрашенные небылицами показания, но все они полны злобы против Крайчика. Теперь она изображает себя жертвой обмана, а его — искусителем и подстрекателем, пользующимся всеми благами жизни и свободы, в то время как она вынуждена нести ответственность за все действия, которые она выполняла, якобы будучи слепым орудием в руках Крайчика.

Следствие не только верило версии Ананьевой, но и толкало Тамару на дачу ложных показаний против Крайчика. И Крайчик был арестован, а Тамара отпущена до рассмотрения дела в суде. Появились лжесвидетели — сотрудницы Тамары по институту: Афоничева, Дмитриева, Басова, которых Тамара сама привела к следователю. Они подтвердили, что еще пять лет назад покупали у Тамары импортные вещи, и вот теперь им стало (!?) ясно, что давал эти вещи Тамаре Крайчик. Сочувствуя своей бывшей подруге и негодуя на "бросившего" ее Крайчика, они "вспоминают", что Дмитрий встречал Тамару у института после рабочего дня *очевидно* (!?) для того, чтобы отбирать у нее деньги, полученные у них за проданные авторучки и мохеровые шарфы. Следствие, несмотря на совершенно неустановленные элементы спекуляции (скупка и продажа с целью наживы), квалифицирует действия Крайчика по статье 154, ч. II УК РСФСР.

Те же действия Ананьевой почему-то квалифицируются по ч. I этой статьи, предусматривающей гораздо меньшее наказание.

В результате тенденциозного подбора фактов, совершенно не проверенных в ходе следствия и не подвергнутых никакому анализу, Крайчик в версии обвинительного заключения предстал неким монстром, преступником, наживавшимся на собственных товарищах. Свидетели же сослуживцы характеризовали Крайчика только с лучшей стороны, говорили о его всегдашней готовности помочь товарищу, которая исключала какие-либо элементы корысти.

Ананьева утверждала, что накануне ухода в рейс у себя на квартире, в интимной обстановке, купила у Крайчика 5 фунтов стерлингов, уплатив ему за это 100 рублей, которые она сняла со сберегательной книжки. Однако она не могла объяснить, почему, по ее же показаниям, ей пришлось дать Дмитрию 4 рубля на возвращение домой на такси, если она уже раньше действительно вручила ему 100 рублей. И если, как она утверждала, предложение купить 5 фунтов стерлингов возникло только вечером, то откуда она знала утром, что должна приготовить 100 рублей, сняв их со сберкнижки?

Ананьева встала на путь измышлений. Ее готовность прибегать ко лжи отмечалась, кстати, ее трудовой характеристикой: "В повседневной жизни развязна, груба, невыдержана... Неоднократно давала обещания исправить свое поведение, но за все время перемены в ее поведении не произошло..." Ананьева обвинила даже командира теплохода в том, что именно он занимался спекуляцией и якобы посягал на ее женскую честь, желая отомстить ему за нелестную характеристику. Она оклеветала свидетельницу Есипову, потому что та сообщила командованию, что Ананьева занимается спекуляцией.

Следствие интересовалось лишь одной версией, той, которая могла привести к обвинению еврея Крайчика. Когда в ходе следствия Тамара показала однажды, что в ресторане

”Нева” один из официантов, узнав, что она бывает за рубежом, предлагал ей купить любую валюту, следовательно не потрудился даже допросить этого официанта, хотя фамилия его была известна. Впоследствии Тамара сама призналась, что следовательно говорил ей: ”Вали на Крайчика — им пощады не будет!”

Дело носило антисемитский характер, о чем свидетельствовали и тенденциозный отбор материалов предварительного следствия, и поведение суда в ходе первичного судебного разбирательства. И хотя в надзорном порядке после длительной волокиты и процедурных проволочек приговор в отношении Крайчика в конце концов был отменен и дело производством прекращено, жизнь Крайчика уже была жестоко искалечена.

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ НА УКРАИНЕ В ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

ДЕЛО ЛЬВОВСКОГО СОВНАРХОЗА

Я была приглашена вести в порядке надзора дело Дмитрия Пойзнера, осужденного на 15 лет тюрьмы и лагерей по процессу Львовской фабрики имени 30-летия Октября. Выполняя свои адвокатские обязанности, я должна была познакомиться также и с другими, смежными делами, проходившими во Львове и Львовской области в период государственной кампании по борьбе с хищениями, взяточничеством и незаконными валютными операциями.

Во Львове в шестидесятые годы происходили один за другим несколько громких процессов, закончившихся суровыми приговорами вплоть до расстрела. ”Героями” их, по большей части, были евреи. Как и в других городах и областях Советского Союза, следственные органы предпочитали серию групповых дел (по 10—25 человек на скамье подсудимых) одному большому процессу, который вскрыл

бы истинную картину коррупции и взяточничества, охвативших не только незаконных частных предпринимателей, но и партийных и правительственных чиновников. Объединение осужденных в группы имело и другой смысл: осужденные по одному делу выступали в качестве свидетелей в других, аналогичных процессах.

Волне арестов, прокатившейся по Львовской области, предшествовала газетная кампания по освещению в печати процессов по экономическим делам, имевших место в Москве, Ленинграде, в Киргизии и в других краях и городах Советского Союза. Эта обработка мозгов прессой, не скупившейся на особый подбор имен и фамилий, разумеется, еврейских, на смакование жестоких приговоров, непременно встреченных "одобрением всех, находившихся в зале судебных заседаний", не стеснявшейся в выражениях, вроде "присосались к народному добру" или — с интонационным нажимом — "кто они, все эти проходимцы и жулики, чуждые нашему народу?" — вся эта направленность прессы создавала совершенно особый фон и настрой именно во Львове, городе украинском, точнее — западно-украинском, где еще памятны были бандеровские листовки, ставившие непременно рядом "жидов и коммунистов", где недовольство советской властью было сильно у населения, ставшего "советским" лишь в эпоху захватов 1939 года и с облегчением находившего в евреях козла отпущения. Сразу вслед за первыми арестами во Львове и области пресса с удовольствием принялась перечислять сплошь еврейские имена, "забывая" называть ничуть не менее виновных и тоже уже арестованных русских и украинских сановников. Музыка для антисемитского уха звучали имена арестованных: Хаим Китайгородский, Иосиф Соколов, Лева Вейман, Сеня Школьник, Хаим Брейтман, Моисей Йоффе, Роман Фурман... И каждое новое имя вызывало особый подъем ненависти к тем, кого "Львовская правда" печатно обвиняла в "волчьей страсти к наживе". Антисемитская истерия разогревалась с самого веру. "По слухам мы знали, — вспоминает много лет спустя Дмит-

рий Пойзнер, один из осужденных на львовских процессах, — что Хрущев, как обычно, не стесняясь в выражениях, требовал от партийных и советских органов "истребить во Львове жидовню, проходившую по экономическим процессам". Слух был реален и повторялся настойчиво по всей стране. Недаром его в 1976 году воспроизвел в своей статье "Не зажмуриваясь" Симон Маркиш, бывший московский литератор: "Никита Хрущев требовал расстреливать "львовскую жидовню" за экономические процессы..."*

На этом горячем фоне и прозвучали особо жестокие приговоры на львовских процессах, по которым за экономические правонарушения было расстреляно 32 еврея, а десятки людей отбыли долгие сроки заключения. В цепи львовских процессов "Дело работников Львовского облсовнархоза" было замыкающим, поскольку свидетели, проходившие по этому делу, нужны были прежде и по другим делам — о производстве. Но именно "Дело облсовнархоза" поможет читателю разобраться в истинной расстановке сил во всей цепи дел об экономических преступлениях во Львове. Поэтому мы начнем прежде всего с него.

Председателем Львовского облсовнархоза был украинец Семен Локоть. Все крупные хозяйственники Львова и области знали, что, не дав взятки Локтю, невозможно получить ни сырье, ни оборудование, необходимые для производства. Локоть взимал дань не только с руководителей фабрик и заводов, но и с сотрудников собственного аппарата. Вокруг него была создана такая атмосфера и такая система взаимоотношений, которая толкала людей на преступления, вынуждала их к противоправным действиям. Меж тем он был руководителем всей промышленности области, выступавший с высоких трибун и призывавший к выполнению государственного плана.

* Симон Маркиш. "Не зажмуриваясь". Журнал "Сион", № 2, стр. 123. Тель-Авив, 1976.

На предварительном следствии и в суде достаточно ясно выявилась настоящая роль этого "командира промышленности": *ни одно предприятие области не могло работать, получать сырье и оборудование, не давая взятки.*

И вот Семен Локоть с группой других подсудимых предстал перед Львовским областным судом. Ни судья, ни прокурор не скрывают своих симпатий к Локтю: он-де жертва соблазна, его погубили, вовлекли в преступную деятельность евреи, он и сам не мог предположить, до каких степеней дорастет в нем зароненная евреями страсть к наживе. Локоть до ареста занимал номенклатурную должность и являлся членом львовского обкома партии. Можно было бы подумать, что в снисходительности суда проявляется сочувствие к подсудимому из своего социального круга. Но нет! Ведь и начальник Управления легкой промышленности — тоже должность номенклатурная, однако к занимавшему ее до ареста подсудимому Давиду Рабиновичу суд никакой снисходительности и симпатии не обнаруживает. Рядом с этими двумя все начальство, вся "головка" Львовского облсовнархоза: начальник цеха Райпромкомбината Шойхет, начальник фондов сырья П.Бойко, начальник отдела снабжения Гореликов и другие: евреи, русские, украинцы... Отношение суда в процессе судебного разбирательства неизменно гораздо более благожелательно к русским и украинцам, чем к евреям, несмотря на равновеликую вину.

Директора и начальники цехов львовских фабрик, прямые производственники, уже осуждены на предыдущих процессах и сейчас появляются перед судом только в качестве свидетелей. Их показаниями подтверждено, что весь начальствующий состав Львовского облсовнархоза, созданного, как и по всему Союзу, по указанию Н.С.Хрущева, совсем недавно "в целях упорядочения промышленности, исходя из запросов населения и использования на местах ресурсов", был поражен взяточничеством, и главная вина за такое положение вещей ложится на председателя облсовнархоза С.Локтя. (На деле, однако, суд карал производст-

венников строже, чем главного виновника коррупции и взяточничества в области.)

И хотя обвинительное заключение и формула обвинения начинались именно с Локтя, судебное следствие и приговор сделали главным лицом еврея Давида Рабиновича, начальника Управления легкой промышленности. Его осудили к 15 годам исправительно-трудовой колонии с конфискацией имущества. Семен Локоть получил 13 лет лишения свободы и тоже с конфискацией. Петр Бойко — 12 лет, остальные приговорены к разным срокам от 11 до 5 лет, но все — с конфискацией имущества. Ко всем подсудимым по этому делу был применен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 года "Об усилении ответственности за получение и дачу взяток".

ДЕЛО ЛЬВОВСКОЙ ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

В соответствии с уже изложенным в этой работе принципом "трудтерапии" при Львовской психоневрологической больнице существовали цеха бытовых товаров: ниточно-ткацкий и трикотажный. Предполагалось, что в этих цехах будут работать больные. Главврач больницы А.Ковальчук, русский, принимал самое деятельное участие в организации цехов и был поддержан в этом своем начинании областным отделом здравоохранения. Однако, согласно положению о лечебно-трудовых цехах, последние должны были работать "на хозрасчете", то есть, как уже говорилось, на принципе самокупаемости. Денег на развертывание производства не было. Требовалось привлечь капитал извне. И капитал нашелся...

Приятель А.Ковальчука, назначенные им начальниками цехов, пригласили к себе компаньоном Хаима Китайгородского, а также работавших в качестве мастеров в цехах евреев Кличевского, Раппопорта, Брейтмана и других.

Те самые лица, которые впоследствии оказались подсудимыми на процессе по делу Львовского облсовнархоза, за соответствующую мзду снабдили цеха сырьем и оборудова-

нием. Постепенно цеха превратились в значительное предприятие, занимавшееся выпуском трикотажных изделий и снабжавшее ими всю область. Эта частнопредпринимательская деятельность не могла бы развиваться, если бы государственные торговые организации не приняли участие в сбыте готовой неучтенной продукции. Занимались этим работники отдела рабочего снабжения железной дороги (ОРСа), сотрудники магазинов и универмагов Львова и Львовской области.

На процессе выявилось соучастие в частнопредпринимательской деятельности ответственных работников Облсовнархоза, Облпромсовета, Облпотребсоюза, республиканской фирмы "Укргалантерея" и др. "Зарабатывая" на неучтенной продукции, высокопоставленные лица, конечно, прежде всего набивали свой карман, но нельзя забыть, что в то же время они способствовали развитию предприятий легкой промышленности, которые выпускали необходимые населению вещи. Цеха при больнице работали открыто, на виду у планирующих органов, у правительственных учреждений и контролирующих организаций, которые до поры до времени как бы не замечали никаких нарушений с их стороны. А теперь на процессе подсудимых обвиняли в частнопредпринимательской деятельности под вывеской государственных учреждений и в причинении ущерба (путем выпуска и реализации *левой* продукции) на сумму в 2 200 000 рублей, то есть в "хищении в особо крупном размере". В начале 1961 года в СССР произошло изменение масштаба цен, причем новый рубль равнялся 10 старым. Но обвинительное заключение для усиления впечатления исчисляло причиненный ущерб в старых денежных единицах.

Подсудимые, все без исключения, отрицали свою вину в том объеме, который был теоретически исчислен следствием. Они признавали себя виновными в противоправных действиях, частнопредпринимательской деятельности, взяточничестве, обмане покупателей. Однако все они указывали на то, что были втянуты в преступную деятельность существующим порядком вещей. Их несогласие с квалифи-

кацией содеянного и объемом вменения носило аргументированный характер. Дело слушалось по первой инстанции Львовским областным судом более месяца. Суд не согласился с доводами подсудимых и защиты, и вынес приговор, который "был встречен с одобрением присутствовавших в зале", как сообщала газета "Труд" от 5 января 1963 года.

Хаим Китайгородский, еврей, был приговорен к расстрелу (и приговор был приведен в исполнение). Фролов, его заместитель, русский, получил 10 лет с конфискацией имущества. Евреи Фурман, Шемиковский, Сороков и Раппопорт были осуждены на 10 лет лишения свободы в лагерях строгого режима с конфискацией имущества. Русские и украинцы Тарасенко, Стратанович, Моравская получили меньшие сроки — 6—7 лет с конфискацией имущества. Меж тем именно последние занимали высокое должностное положение и подписывали наряды на незаконный отпуск сырья и оборудования, получая за это большие взятки. Они могли бы прекратить частнопредпринимательскую деятельность больничных цехов в любой день, если бы захотели.

Верховный Суд Украинской ССР оставил приговор в силе. А пресса позаботилась о том, чтобы антиеврейская направленность приговора оказала свое "воспитательное" воздействие на читателей и, рассказывая о деле, нагнетала атмосферу тяжелой ненависти и называла сплошь еврейские имена:

"Кто они? За всем этим угадывается мерзкое обличье паразитов, изобличенных в расхищении государственного имущества в особо крупном размере, взяточничестве, темных махинациях. На наворованные деньги они покупали дорогую мебель, одежды, машины, разъезжали по курортам. Кто они? Это паразиты Хаим Китайгородский, Хаим Брейтман, Иосиф Сороков, Леонид Поволоцкий..."

Осужденный на смерть Китайгородский был участником Второй мировой войны, перенесшим тяжелые ранения и демобилизовавшимся в звании полковника. У него было 14 боевых орденов и медалей. В кулуарах суда прокурор по спец-

делам Стариков, неизменно присутствовавший на процессе в качестве зрителя, говорил, что сочувствует Китайгородскому, обладателю такой завидной биографии. Сам Китайгородский в последнем слове сказал:

”Я — жертва тех, кто меня оговаривает, и жертва тех, кто меня судит. Причина в одном: я — *еврей!* Ведь русский, главврач Ковальчук, если версия обвинения правильная, даже и не привлекался к ответственности и освобожден от дачи свидетельских показаний в суде. Я — *еврей*, и в этом моя ответственность. Я знаю, что это единственная причина моего пребывания в суде. И только в этом моя вина. Я *еврей!*”

ДЕЛО ЛЬВОВСКОЙ ФАБРИКИ

”30 ЛЕТ ОКТЯБРЯ”

Среди антиеврейских процессов по экономическим делам дело Львовской фабрики ”30 лет Октября” выделялось масштабом репрессий, суровостью приговора и откровенностью антисемитской направленности.

КГБ вело следствие почти три года, допросив сотни свидетелей, настойчиво домогаясь признания обвиняемых (все это время находившихся в тюрьме) и накопив 56 томов следственного производства. По первой инстанции дело слушалось Львовским областным судом в течение двух с половиной месяцев. Подсудимым инкриминировалось хищение в особо крупном размере — свыше полутора миллионов рублей в *новом* исчислении, взяточничество и противоправные валютные операции.

Дело во всем аналогично предыдущим: выпуск *левой* продукции и продажа ее через государственную торговую сеть, получение фондов, оборудования и сырья за взятки высокопоставленным должностным лицам из Облплана, Облпромсовета, Облсовнархоза и Укргалантереи*. На скамье подсудимых 19 человек. 13 из них — евреи.

* Как и во всех делах такого рода, ”хищению в особо крупных размерах” (термин, введенный Указом от 5 мая 1961 года) и взяточ-

Не все обвиняемые признают себя виновными, но все без исключения оспаривают квалификацию содеянного и объем вменения. Признают обман покупателя, взятки, частнопредпринимательскую деятельность, но утверждают, что прекратили противоправные действия ранее 1960 года. Указывают, что были втянуты в преступную деятельность системой коррумпированных отношений, существующих в области. Однако суд не внял этим доводам и в приговоре полностью воспроизвел обвинительное заключение, признав доказанным обвинение в полном объеме. К подсудимым был применен Указ от 5 мая 1961 года, до того, как он был поглощен Уголовным Кодексом Украинской ССР. Суд вынес *девять* смертных приговоров: А.Авербуху, Э.Аксельруду, Я.Фуксу, Д.Жкаринскому, Д.Розенблату, С.Эльгурту, Шаевичу, Ф.Мешкову и Рубашному. Из девяти приговоренных к смертной казни двое последних были русские. Остальные подсудимые — евреи — Клейман, Пойзнер, Лангман, Вейман, Кравец, Ребрин — были приговорены к максимальному сроку наказания — к 15 годам лишения свободы. Разумеется, "справедливый приговор суда был встречен трудящимися, присутствовавшими в зале заседания суда, с одобрением" ("Львовская правда", 26 февраля 1963 года).

Следствие и суд выявили не только обычную антиеврейскую направленность, но и неперемное желание скрыть корыстное участие в преступлениях руководителей государственных учреждений, их воистину *руководящую* роль в снабжении сырьем и оборудованием частного предпринимательства, процветавшего и расширявшегося с их благословения под вывеской государственной фабрики.

Все эти черты и признаки нам уже знакомы и по другим делам. Но в деле о Львовской фабрике "30 лет Октября" мы находим нечто новое. Это новое прежде всего кроется в характере следствия.

ничеству обычно сопутствует обвинение и в нарушении правил о валютных операциях.

Следственную группу по данному делу возглавил начальник следственного отдела Львовского областного Управления КГБ. Под его руководством была разработана новая схема получения доказательств против лиц, интересовавшихся следствием. Схема эта была опробована во Львове.

Примерно за год до суда были арестованы *жены работников фабрики*, уже давно содержавшихся под следствием в тюрьме, либо ожидавших ареста. Матери, разлученные с малыми детьми, обезумевшие от тревоги за них, оговорили своих мужей, свидетельствуя о преступлении, о котором они в действительности ничего не знали. Эти вынужденные показания жен следствием использовало как главное доказательство вины подсудимых. Сами эти женщины были подвергнуты суровому наказанию совершенно безо всякой вины, по оригинальному определению суда, "за связь с преступником и пользование незаконно полученными средствами".

Судьба жен подсудимых по делу о Львовской фабрике "30 лет Октября" заслуживает того, чтобы быть рассказанной здесь.

Эмму Фукс, мать двух несовершеннолетних дочерей, 4 и 10 лет, прокурор просил осудить на 6 лет. Суд нашел это недостаточным и определил ей наказание — *десять (!) лет* лагерей общего режима. Приговор потряс следователя Эммы, который полагал, что ей определят лишь условное наказание и говорил ей об этом, — и он застрелился! Детей Эммы в течение семи лет воспитывали родственники. Затем, "учитывая наличие двух детей", ее помиловали, и она вернулась во Львов, где у нее не было уже ни мужа, ни дома, ни даже тюфяка, чтобы переночевать. В настоящее время Эмма Фукс, вдова расстрелянного Якова Фукса, проживает с дочерьми в Израиле.

Роза Аксельруд (Бейлина) сама рассказывает о себе:

"Вместе с другими женами меня арестовали в 1961 году. Никакого участия или соучастия в делах фабрики "30 лет Октября" я не принимала. Правда, за несколько лет до процесса я познакомилась с Давидом Жкаринским и перееха-

ла к нему. Со мной жила моя дочь от первого брака. Судили меня во Львовском областном суде. Всех женщин, арестованных за то, что они были женами подсудимых по делу о львовской трикотажной фабрике, судили раздельно. В ходе судебного разбирательства судья жестоко оскорбляла меня. Я ни в чем не была виновата. Не выдержав, я сказала ей, что если она осудит меня, невинную, оставит моего ребенка сиротой, то Бог взыщет с нее за это, ибо Он-то всегда найдет виновных, даже если они судьи... Она осудила меня на 12 лет, и я отбыла их в лагере общего типа полностью за то, как было сказано в приговоре, что я "пользовалась деньгами, которые преступно добыл мой муж"*.

Вернувшись домой, я узнала, что судья за эти годы умерла от рака.

Арестовали меня в 38 лет. Наказание я отбывала в лагере возле Одессы. Начальница, Рукавишникова Тамара Павловна, была настоящая садистка. Она знала, читая получаемые мною письма, что мои родители с 1957 года находятся в Израиле. И она мне кричала: "Сгниешь здесь, а в Израиль тебя не выпустят! Ишь, жида, чего захотели – своего государства!" В приговоре моя доля ущерба, часть от якобы причиненного мужем, исчислялась в 10400 рублей, и за это я просидела полных 12 лет. За это время было несколько так называемых "мамкиных указов", по которым досрочно освобождали матерей малолетних. Но на меня, Бейлис-Аксельруд, это не распространялось. Я работала в лагере, не имея ни от кого ни поддержки, ни помощи. Дочери моей было в момент моего ареста 12 лет. Я умудрялась отправлять ей посылочки из лагеря. Все годы, что я была в лагере, ее воспитывала моя подруга. Иногда она привозила дочь ко мне в лагерь на свидание.

Никто из нас не был виноват или причастен к тому, в чем

* В приговоре по делу Розы Аксельруд она была названа "соучастницей хищения" в размере 10400 рублей. Такая сумма позволяла "подогнать" ее под новый Указ от 5 мая 1961 года, где хищение в размере свыше 10000 рублей определялось как "особо крупное".

обвиняли мужей. Меня даже не вызывали свидетельницей в суд по их делу. Дочь мою выбросили из квартиры, где мы жили, а все наше имущество забрали до ниточки. Дочери разрешили попрощаться с отцом, Аксельрудом, которого расстреляли в 1963 году, несмотря на его чистосердечное признание и полное возмещение исчисленного ущерба...”

Люся Хенсон была осуждена по тем же основаниям, что и Роза Аксельруд, и провела в лагерях 10 лет. Муж ее был расстрелян по делу, слушавшемуся параллельно с делом фабрики ”30 лет Октября”, а детей взяли на воспитание родственники.

Рива Сонкина — одна из самых страшных жертв незаконной расправы с женщинами. Ее арестовали раньше других, несмотря на то, что один из двух ее детей был грудной младенец, не достигший года. При аресте она лишилась рас­судка, бормотала что-то бессвязное, кого-то звала и кричала о помощи детям. Так же послушно, как они признают здоровых диссидентов душевнобольными, психиатры признали Риву Сонкину здоровой. Суд приговорил ее к 10 годам лагерей. Она освободилась, отбыв срок полностью. Галлюцинации и мания преследования остались у нее на всю жизнь. Детей ее воспитали чужие люди.

Таковы были новшества, внесенные львовским КГБ в практику следствия и суда по уголовным делам. Так создавалась *преюдиция* — осуждение жен служило доказательством вины мужей. Львовский областной суд своими приговорами закрепил это новшество.

Лишь одну из женщин, арестованных в связи с участием их мужей в противоправной деятельности на фабрике ”30 лет Октября”, освободили через три дня после ареста — жену впоследствии расстрелянного Мешкова, русскую жену русского заключенного. Так что и здесь национальная предвзятость имела место. Имела она место и в том, что из всех осужденных в связи с делом их мужей жен-евреек только одна Эмма Фукс была освобождена на 3 года раньше по указу о досрочном освобождении матерей несовершеннолетних

детей, а таких негласных указов за годы их отсидки было несколько.

В связи с делом львовской фабрики "30 лет Октября", как я уже говорила, мне довелось вести в порядке надзора дело *Дмитрия Пойзнера*, осужденного на 15 лет лишения свободы с отбыванием первых 5 лет в тюрьме, и 5-летним сроком ссылки по отбытии заключения. Мы встретились с ним, когда, отбыв целиком наказание, он приехал в Израиль. Его рассказ дорисовывает картину правосудия, имевшую место при вынесении приговоров по делам об экономических преступлениях шестидесятих годов.

"Для всех нас, жителей Львова и области, это было страшное время. Ходили слухи, что Хрущев открыто требовал "истребить во Львове жидовню, участников экономических процессов". Между 1962 и 1964 годами во Львове было расстреляно за экономические преступления 32 человека! Я их всех знал лично, хотя теперь, по прошествии стольких лет, не припомню все имена. Я пытаюсь восстановить их список, но пока что припомнил только 24 фамилии: Авербух, Аксельруд, братья Беркони — Юдка и Иосиф, Гелб, Жкаринский, Зискинд, Китайгородский, Коган, Любинский, Мейлах, Ойхман, Рабинович, Розенблат, Розенштерн, Сонкин, Татаркин, Фукс, Хают, Хенсон, Цыкленок, Шаевич (умер от разрыва сердца во время оглашения приговора), Шаперштейн, Эльгурт. Больше всего смертных приговоров было по нашему делу — о трикотажной фабрике "30 лет Октября", но в этом списке есть и приговоренные по смежным делам.

Антисемитская подоплека следствия и судебного разбирательства сомнения не вызывала. Был, например, особо жестокий процесс трех глубоких стариков-евреев, один из которых работал резником при львовской синагоге. Фамилия резника была Канторович, ему было 82 года. Вместе с ним судили 72-летнего Фокшанского и 70-летнего Гольдштейна. Обвинение — служители культа занимались валютными операциями. Всех троих приговорили к 10 годам зак-

лючения. Фокшанский умер сразу же в тюрьме. Большой раком простаты Канторович тоже умер спустя некоторое время. Судьба Гольдштейна мне неизвестна, не знаю, прожил ли он назначенный судом срок. Даже на фоне таких явно антиеврейских процессов, как наш, этот процесс стариков врезался в память своей жестокостью.

Меня арестовали 24 марта 1962 года, когда основная группа обвиняемых по этому делу находилась в тюрьме уже около года и когда суд уже вынес обвинительные приговоры по делу жен работников фабрики. После ареста и обыска у моей семьи отобрали все имущество, от мебели и холодильника до наручных часов. Жене и сыну оставили две кровати, кухонный стол и два стула.

До суда я находился в тюрьмах КГБ *два года*. Первоначально арестованных было 20, но один до суда не дожил. Перед Львовским областным судом предстало 19 подсудимых. Нам было предъявлено обвинение в хищении государственных средств на сумму свыше миллиона новых рублей, путем выпуска и продажи *левой* продукции. Всем предъявили Указ от 5 мая 1961 года и придали Закону обратную силу. Сумма была дутая, искусственно завышенная. Никто из нас ее не признавал, как не признавал и самого "хищения". Однажды в порыве откровенности мой следователь, майор московского КГБ Увин, сказал мне: "После этого процесса я могу подойти к любому и так же против него возбудить уголовное дело, как против тебя".

Я был директором галантерейного магазина во Львове, где продавались также и трикотажные изделия. Мне вменили продажу *левого* трикотажа, полученного от работников фабрики, на сумму 34 тысячи новых рублей. По первой инстанции меня защищал член Львовской областной коллегии адвокатов Черкис.

Часть дел, смежных с нашим, уже была заслушана, уже были вынесены по этим делам приговоры, в том числе смертные, и частично они уже были приведены в исполнение. Для меня Государственный Обвинитель запросил у суда высшей

меры наказания. Суд согласился *только* на 15 лет лишения свободы в исправительном лагере усиленного режима (из них пять лет в закрытой тюрьме) плюс пять лет ссылки с полной конфискацией всего имущества. Адвокат Черкис оспаривал в суде как объем, так и квалификацию содеянного, а также применение обратной силы Закона. Это была точка зрения всей защиты. Она была изложена и в вашей надзорной жалобе.

Однако кассационная и надзорная инстанция – Верховный Суд Украины – приговор оставила без изменений.

Из 13 евреев-обвиняемых 7 были приговорены к смертной казни и 6 к максимальному сроку лишения свободы (на 15 лет). Из русских подсудимых двое (Мешков и Рубашный) тоже были присуждены к расстрелу.

Я не признал своей вины ни по факту, ни по объему, и это настроило против меня следствие и суд и определило меру наказания: не просто 15 лет лагерей, но 5 из них – в закрытой тюрьме, а после отбытия срока еще 5 лет ссылки.

Три года я изнывал в камере и просился на любую работу, брался сколачивать ящики за 10 копеек в день. Мне сократили срок пребывания в тюрьме до трех лет, и затем начались мои странствования по лагерям: сперва Керчь, потом Умань, затем Новочеркасск... В холод, в мороз и в дождь я работал в гранитных карьерах в брезентовой одежде. Это был непосильный труд. Еду нам привозили прямо в карьер. Рукавицы давали нечасто. Гранит тащили к грузовикам на собственной спине. Ежедневная норма на человека была 9 грузовых машин в день. А плата за труд – 3 рубля в день. Теперь я уже зарабатывал 75 рублей в месяц. Ползарплаты высчитывали "за питание" и еще часть "за кров и спецодежду". Оставалось 5–6 рублей в месяц. На эти деньги раз в месяц разрешалось отовариться в ларьке, покупать табак или папиросы, монпасье, пачку маргарина...

Добытый нашим каторжным трудом гранит предназначался для сооружения сталинградского монумента, спроектированного Вучетичем. Монумент этот воистину стоит на

моих костях и на костях моих товарищей по заключению. Я совершенно потерял здоровье, почти не мог двигаться, заработал искривление позвоночника, оглох и на 80 процентов потерял зрение. Тогда меня по болезни перевели в другой лагерь, из Уманьского карьера в Новочеркасск, где я стал работать слесарем.

Вы знаете не только мое дело, но и мою биографию. Вы, должно быть, помните, что я участник Второй мировой войны, награжденный многими орденами и медалями, в том числе тремя орденами "Красной звезды", что я во время боя спас полковое знамя, за что был представлен к званию Героя Советского Союза, но получил только орден, возможно потому, что еврею большего не полагалось. Я имел тяжелое ранение в голову и был контужен на фронте. Рассказываю об этом, потому что именно полученная мной на войне инвалидность, которую я и сегодня могу подтвердить документами, заставила в послевоенное время пойти работать в торговлю, в которой я не был особенно сведущ.

Я считаю чудом, что я перенес 15 лет советской каторги – и выжил. За примерное поведение меня освободили от дополнительного наказания, ссылки, и в 65 лет я освободился. Мои военные заслуги, инвалидность, примерное поведение не только не казались заслуживающими снисхождения, но, напротив того, прокуратура опротестовала решение областного суда об отмене ссылки. К счастью, протест отклонили.

Я свел основательное знакомство с советскими тюрьмами и лагерями. Меня неоднократно возили в Москву, чтоб использовать как свидетеля по делу московских трикотажников. Я их вообще не знал, но мне не верили. В ожидании допросов по этим делам я сидел в Лефортове. Был однажды переведен во Владимирскую тюрьму (бывший Владимирский равелин), где начальник тюрьмы объяснил мне: "Не жалуйся, что сидишь в одиночке. Сейчас у нас нет заключенных. Вот подвезут – дадим тебе компаньона". А посадили меня туда только для удобства следователей.

В следственном изоляторе КГБ, находившемся во Льво-

ве на проспекте Мира (бывший проспект Сталина), я столкнулся со своеобразными следственными приемами, которые применял мой следователь майор Увин: я явственно слышал голоса жены и сына, которые плакали. И следователь говорил мне: "Твои здесь, их ожидает твоя судьба!" В порядке вещей были ночные допросы, которые следователь производил иногда единолично, иногда вместе с целой группой следователей. Приезжал в тюрьму и секретарь Львовского обкома партии и уговаривал всех признаться: "Так будет лучше для всех!"

Беспокойство о жене и сыне не покидало меня. Когда следователь говорил, что они арестованы, это оказывало свое подавляющее действие. Собственно говоря, в этом не было ничего невероятного, если учесть, что уже были арестованы и подвергнуты жестокому следствию жены многих работников фабрики "30 лет Октября". Этих женщин объявили соучастницами хищений, за которые были арестованы их мужья, затем присудили к длительным срокам наказания, хотя у всех были малые дети и они никогда не работали вместе с мужьями. А приговоры по их делам и оговоры, добытые у них следствием, играли роль следственных доказательств на процессах их мужей.

Моя жена осталась на свободе. Но все пережитое отразилось на ней — она тяжело заболела, с момента приезда в Израиль она находится в больнице. Выезд мой прошел с осложнениями. Сперва мне отказали: "Ты слишком много знаешь о тюрьмах и лагерях, надо кое-что забыть". Однако через год я получил разрешение и вместе с женой выехал к сыну, который живет в Израиле уже пять лет. Я оставил его накануне ареста малолетним, а теперь он уже и сам отец двоих детей.

Пережитое не оставляет меня в покое. По ночам мне кажется, что я все еще в лагере, что стою на морозе в рваных ботинках и должен таскать глыбы гранита. Этого не забыть..."

(Раанана, Израиль, 1980)

ДЕЛО ЛЬВОВСКОГО СТРОИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

(рассказано Марком Мильманом,
бывшим членом Львовской областной коллегии адвокатов)

По заказу фабрики "30 лет Октября" Львовское строительное управление сооружало здание нового цеха. Администрация фабрики торопила строителей с выполнением заказа. Руководители стройуправления Шолдра и Бартенев за досрочную сдачу объекта потребовали дополнительную мзду — 50 тысяч рублей сверх договора, чтобы вознаградить себя и прорабов за чрезвычайные усилия. Часть означенной суммы строители уже получили, как вдруг произошел обвал, и второй этаж недостроенного здания полностью рухнул. Главный инженер Бартенев был уволен за некачественное возведение цеха. И на его место для возобновления работ и достройки цеха был приглашен Владимир Островский, еврей.

Островский не знал о существовавшем до него соглашении — уплатить строителям, Шолдре, Бартеньеву и прорабам 50 тысяч за ускорение темпа работ, не знал он и оговоренных ранее условий дележа. Впоследствии уволенный Бартенев и Шолдра ввели Островского в курс дела и предложили ему его долю — четверть от оставшихся 25 процентов от первоначальной суммы в 50 тысяч рублей, поскольку 75 процентов распределили между собой прежние производители работ — Шолдра, Бартенев, главный бухгалтер Зибштейн и два прораба.

Когда вся эта история со строительством цеха, взяткой за ускорение хода работ, обвалом и пр. раскрылась, арестованный главный бухгалтер Зибштейн, еврей по национальности, признал свою вину полностью, рассказал следствию все подробности и просил для себя снисхождения за чистосердечное признание. Шолдра в очень пассивной форме признавал себя виновным.

Дело слушал Львовский областной суд под председательством Кретьова, при государственном обвинителе Кравчен-

ко. Защиту осуществляли адвокаты из Львовской областной коллегии Корда, Дискис, Мильман.

Привлеченный к уголовной ответственности инженер Островский показал, что он был приглашен строительным управлением на работу без всяких предварительных соглашений о сверхоплате. Он начал восстанавливать рухнувшее здание в силу своих прямых обязанностей главного инженера строительства. Он, однако, не отрицал, что спустя довольно долгое время, когда цех был уже почти полностью восстановлен, Бартеньев и другие предложили ему получить свою долю — 25 процентов от оставшихся 12,5 тысяч за "ударные темпы работы", посвятив его в существующую общую договоренность.

Таким образом, из всего строительного управления еврей Островский был единственным, кто не имел никакого отношения к провалу строительства цеха на первом этапе, кто не участвовал в предварительном сговоре о взятке, не обуславливал своей доли, а получил ее значительно позже, согласившись с тем, что ему было предложено другими участниками всех этих махинаций, попросту *затянувшими* его в противоправную ситуацию. Не забудем и того, что именно он восстановил и достроил здание цеха, за некачественное сооружение которого русские Бартеньев и Шолдра получили солидный куш.

Анализ того, как Островский был втянут сообщниками в незаконную сделку, был проделан самим прокурором. Разобрав подробно всю ситуацию, прокурор запросил у суда: Шолдре — 14 лет лишения свободы, Бартеньеву — 10 лет, двум прорабам — по 12 лет, Зибштейну — 6 лет, а наименее виновному Островскому — 10 лет (так же, как и Бартеньеву). Но и этот приговор показался чрезвычайно мягким суду, и он поправил прокурора, продемонстрировав свою независимость, и вынес приговор: Шолдре — 14 лет, Бартеньеву и Зибштейну — по 6 лет, прорабам — по 12 лет, а Островскому... — 15 лет лишения свободы, разумеется, с полной конфиска-

цией имущества и всеми прочими дополнениями к основному наказанию.

Нужно ли большее доказательство "национальной" направленности правосудия? Наименее виновный, позднее других вошедший в сделку и втянутый в нее соучастниками, единственный, кто действительно работал, — еврей Островский получил наибольшее наказание среди всех, привлеченных по этому делу, а русский Бартеньев, тот, кто в должности главного инженера завалил стройку, тот, кто заключил (совместно с Шолдрой) соглашение о взятке, оказался в глазах суда заслуживающим снисхождения. Судья Кретов, председательствовавший в этом процессе, недаром пользовался в Львовской области славой юдофобствующего судьи. Верховный Суд УССР снизил Островскому срок наказания до 10 лет, оставив в силе все дополнения, не приняв во внимание доводов защиты о пассивной роли Островского в сделке. Островский умер в тюрьме.

**ДЕЛО ПРОФИЛАКТОРИЯ
ЛЬВОВСКОГО ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСПАНСЕРА**
(рассказано Марком Мильманом)

Дело профилактория львовского психоневрологического диспансера слушалось в том же 1963 году, что и предыдущее, под председательством того же судьи Кретова и тоже косвенно было связано с делом трикотажной фабрики "30 лет Октября".

Судили группу в 14 человек. Они обвинялись в частнопредпринимательской деятельности под вывеской госучреждения, к которой были причастны в разной степени. Из незаконно приобретенной у разных работников государственных фабрик трикотажной пряжи обвиняемые наладили выпуск неучтенной продукции. По обвинительному заключению размер хищения был исчислен в сумме близкой к миллиону новых рублей. Главными обвиняемыми по делу были директор Акивис, начальник трикотажного цеха Браслав-

ский, наладчик цеха Вайсман; все трое — евреи. Факт совершения *левых* операций и их объем в известной степени подтверждались показаниями свидетелей Бодинева и Шойхета, ранее уже осужденными по другому, *своему*, делу. Главным свидетелем обвинения была секретарша директора, русская женщина, почти глухая. Она сообщила следствию, что работники трикотажного цеха давали директору и ей лично взятки. Если ее показания были действительно правдивы, то ей полагалось бы занять место на скамье подсудимых в качестве взяткополучательницы. Однако признания, сделанные следствию, стали основанием для того, чтобы в суде она выступала только как свидетельница.

Один из обвиняемых, Браславский, показал на следствии, а потом и в суде, что противоправной деятельностью он занимается уже давно и не только по этому делу. Сообщником в своих противозаконных деяниях он назвал Исаака Вайсмана. Браславский сдал следствию деньги и золотые монеты.

Вайсман категорически отрицал все показания Браславского, доказывая их нелепость применительно к каждому отдельному факту. В какой-то момент Браславский дрогнул и признался, что оговорил Вайсмана, подталкиваемый к этому следователем КГБ. Но отказ от оговора не был принят судом во внимание. Другим доказательством виновности Вайсмана были показания в суде глухой секретарши.

Секретарша, русская, по собственному ее признанию — взяткополучательница, была освобождена от уголовной ответственности за услуги, оказанные следствию. Другая русская подсудимая, главный бухгалтер, распорядитель кредитов всего учреждения, была приговорена к условному наказанию. Иначе суд обошелся с евреями: Аквис получил 14 лет лишения свободы, Браславский — "с учетом признания и сдачи ценностей" — 9 лет, Школьник — 15 лет исправительно-трудовых лагерей. Вайсман — как "не признавший свою вину и не отдавший ценностей" — 15 лет.

Сразу после приговора участники защиты заявили, что

приговор неправомерен, и они обжалуют его. Прокурор Чекалин в кулуарах суда сказал адвокатам в связи с тем, что Браславский отказался от своих показаний против Вайсмана: "Все изменят меру наказания, но чтобы этот паршивый жид (Вайсман) нас обхитрил — этого я не допущу". Это заявление прокурора послужило основанием для коллективной жалобы защиты на откровенный антисемитизм прокурора в Верховный Суд УССР.

В кассационной инстанции Верховный Суд УССР снизил Акивису срок наказания на... 2 года, учитывая его активное участие в гражданской войне и во Второй мировой войне. Больному старику досталось отсидеть "всего" 12 лет. Приговор Вайсману был оставлен в силе, а жалобы адвокатов на юдофобские выпады прокурора Чекалина не возымели последствий.

Исаак Вайсман провел в лагерях по оговору, снятому самим оговорщиком, 9 лет, пока его сын, друзья и соседи, не переставая, обращались в вышестоящие органы с просьбой об отмене неправомерного приговора. Жена его тяжело заболела и умерла еще во время следствия по делу мужа. Семья была полностью разорена. Но все было напрасно, ибо по правилам о надзорном производстве все заключения по жалобам родных дает *тот самый прокурор*, который принимал участие в суде. А его точка зрения нам известна: "...но чтобы жид нас обхитрил — этого я не допущу". Лишь через 9 лет жалобы сына и друзей возымели действие, и Вайсман вернулся домой, поскольку высокие инстанции нашли возможным "срок, отбытый Вайсманом, считать достаточным, освободив его от дальнейшего пребывания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима..." Вайсман умер вскоре после освобождения.

ДЕЛО ШЕЙНИСА–ГЛЯЗЕРА
(рассказано Марком Мильманом)

Тогда же, в 1963 году, слушалось дело Николаевского

промкомбината. Председательствовала член Львовского областного суда Дышель.

Суть обвинения — хищение путем выпуска и продажи левых товаров. Размер хищения определен в 18 тысяч рублей. На скамье подсудимых 15 человек. Главными обвиняемыми в этом процессе были сделаны два еврея — начальник обувного цеха Глязер и начальник цеха грампластинок Шейнис. В этом одном уже отчетливо проявляется юдофобский характер судебного процесса. Ведь по делу привлечены к ответственности директор фабрики, армянин, и главный бухгалтер, украинец. Оба они — распорядители кредитов предприятия, и без их непосредственного участия не могла быть совершена никакая противоправная операция. Тем не менее директор и бухгалтер привлечены к ответственности только за злоупотребление служебным положением и халатность. А производственники, действовавшие в полном контакте с ними и делившие с ними барыши, обвиняются в *хищении*.

В результате вынесен приговор с применением обратной силы Закона, то есть Указа от 5 мая 1961 года. Евреи Глязер, Шейнис и Кацман осуждены на 12 лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, разумеется, с конфискацией имущества.

Директор-армянин за должностные упущения пригвожден к 2 годам лишения свободы (по ст. 109 УК), бухгалтер-украинец за халатность к 3 годам лишения свободы. Оба — без конфискации имущества.

ДЕЛО КОМБИНАТА ГЛУХОНЕМЫХ, ИЛИ ДЕЛО НОСОВА (рассказано Марком Мильманом)

Аналогичное всем предыдущим делам, дело комбината глухонемых слушалось в 1964 году. Председательствующий — член Львовоблсуда Колодий, прокурор — Соскин, следователь КГБ — Криклинец. Группа подсудимых обвинялась в производстве *левой* продукции — резиновых сапог.

Сумма ущерба была определена в 100000 рублей, но, чтобы усилить впечатление, ущерб записали в старых денежных единицах, и в суде и в прессе постоянно говорили о миллионе.

При определении наказания отчетливо выявилась национальная направленность: при одинаковой вине, равной ответственности и сходных обстоятельствах биографии, евреев осудили намного строже, чем русских. Например, было два распорядителя кредитов – завпроизводством еврей Носов и главный бухгалтер, русский. Носов получил 14 лет лишения свободы, а главный бухгалтер был осужден на 5 лет. Носов умер в тюрьме сразу после рассмотрения его дела во второй инстанции, когда Верховный Суд Украины оставил его приговор без изменений. Главный инженер комбината, русский, получил 6 лет, а производственники евреи Мацкин и Клиндер соответственно 14 и 9 лет. Все остальные приговоры по этому делу воплощали ту же тенденцию: при прочих равных данных неевреям наказание было определено значительно ниже, чем евреям.

ДЕЛО ЮДЫ ШАПЕРШТЕЙНА (рассказано Марком Мильманом)

Это был один из первых процессов во Львове, закончившийся смертным приговором по хозяйственному, экономическому делу. Слушалось оно в 1962 году и привлекло к себе большое внимание газет, с охотой смаковавших еврейские фамилии и всеми средствами подчеркивавшими: вот каковы евреи...

Суть обвинения – производство *левой*, неучтенной продукции (трикотаж) на Шевченковском Райпромкомбинате. Сумма вмененного ущерба – более миллиона рублей.

Судят группу в 14 человек, все они люди одного поколения, им примерно от 32 до 38 лет. Главное лицо по делу – Юда Шаперштейн.

Шаперштейн признал свою вину и возместил полностью

свою долю ущерба. Он разъясняет, что на путь преступления его толкнули сами условия работы, созданные не им, а руководителями всей промышленности области: все вымогали взятки и втягивали его в систему противоправных отношений. Он оспаривал объем выпуска *левых* изделий, отрицал хищение, признавая только свое участие в частнопредпринимательской деятельности и даче взяток.

На Юду Шаперштейна, помимо его собственной вины, была возложена еще и вина заведующего складом Якова Бурмана, которому удалось сбежать. Шаперштейн держался на суде с большим достоинством, его последнее слово было кратким: "Я признаюсь, что занимался частным предпринимательством и совершал противоправные сделки. Но я был в них вовлечен независимо от своей воли. Такова была система. Работать по-иному мы не могли. Мы зависели от Облпромсовета, Облпромсоюза, Облсовнархоза. А в этих учреждениях области все, от самого мелкого чиновника до самого крупного, требовали взятки и, только получив их, снабжали нас сырьем и оборудованием, помогали в организации продажи продукции и т. п. Всем этим они нас прямо толкали на выпуск *левых* изделий. Если б мы не платили эту дань, комбинат не мог бы работать. Не я установил эту систему, и я не мог ее разрушить. Я отдал все, что нажил противоправными действиями, я признал свою вину и раскаиваюсь в содеянном. Мне надо было уйти из комбината, но я этого не успел сделать. Не я один попался в западню не нами созданных отношений, когда надо было платить вымогателям, а если б они не вымогали взятки, то и им бы не давали работать. Прокурор просил для определенной группы подсудимых уж очень завышенные сроки наказания, а для меня, молодого человека, — расстрела. Я обдумал все зрело и решил, что единственной причиной такого особого подхода ко мне и некоторым другим моим товарищам является то, что я и они — *евреи!* Других причин нет!"

Шаперштейн Юда, 37 лет, был приговорен к расстрелу. Как писали журналисты: "Приговор был встречен одобрени-

ем всех присутствующих в зале суда”. Приговор был приведен в исполнение.

ДЕЛО ЮДЫ И ИОСИФА БЕРКОНИ

(рассказано Марком Мильманом)

Братьев Беркони судили по делу “Сельхозтехники”, в связи с которым к разным срокам наказания было осуждено много людей — из Львова, Москвы, Куйбышева, Свердловска. Речь шла о хищении более чем на миллион рублей. Здесь уже производили не трикотажные майки. Здесь занимались переработкой отходов кровельного железа на шивные листы.

По этому делу и арестовали братьев Беркони, Юду и Иосифа, и жену одного из них, Люсю, у которой был полуторагодовалый ребенок. Во время обыска из дома забрали все ценности, конфисковали все имущество. Предъявленный следствием материальный ущерб был полностью возмещен.

Процесс носил беззастенчиво антисемитский характер, сказывавшийся и в том, какие именно вопросы задавали подсудимым прокурор и суд, и в передразнивании местечковой еврейской интонации, которое позволял себе судья, и в просительной части речи прокурора. Люся Беркони не имела никакого отношения к делам мужа и шурина. Однако ей подыскивали статью Уголовного Кодекса — “соучастие в хищении”, — подобно тому, как поступили с женами работников фабрики “30 лет Октября”. И Люся получила 10 лет. Ровно столько же, сколько подсудимый Сотенский, русский, генеральский сын, причастный ко всем махинациям главных обвиняемых наравне с ними. (Люсю “помиловали” и освободили досрочно, после того, как она отбыла в лагере шесть с половиной лет.)

Среди многих приговоров одинаково виновным подсудимым смертный приговор вынесли только двоим евреям —

братьям Беркони. Приговор, конечно, был ”встречен с одобрением” и приведен в исполнение*.

ДЕЛО ТРИКОТАЖНОЙ ФАБРИКИ ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА
(рассказано Марком Мильманом)

Директором трикотажной фабрики Ленинского района был украинец Молчанюк, юрист по образованию, член ЦК комсомола Украины.

По делу этой фабрики, с которой были связаны производственными интересами многие другие предприятия и учреждения, в том числе, например, фабрика ”30 лет Октября”, судили большую группу людей, евреев и неевреев.

Во время предварительного следствия по этому делу один из секретарей ЦК КПУ и член правительства УССР Грушецкий посетил тюрьму КГБ во Львове и беседовал с арестованными бывшими работниками фабрики. ”Главное, отдайте ценности, — говорил Грушецкий, — и мы сохраним вам жизнь”.

Но и после признания, раскаяния и полного возмещения предъявленного ущерба (выражавшегося в астрономической цифре 16—17 миллионов рублей в старом исчислении), вопреки авторитетному ручательству Грушецкого, были вынесены и приведены в исполнение смертные приговоры. Директор фабрики Молчанюк и секретарь ее парторганизации Марчуков были первыми в львовских процессах неевреями, расстрелянными за экономические преступления.

Следствие вел капитан КГБ Денисов. Он связал расследуемое им ”хищение” с совершением незаконных валютных операций. В суд вызвали Надю Эдлис, подельницу уже рас-

* Адвокат Н.Супонин, защитник одного из осужденных, уже после приговора навестил своего подзащитного в тюрьме и передал ему кусок курицы. За этот поступок он был немедленно исключен из коллегии адвокатов.

стрелянного к этому времени московского "валютчика" Яна Рокотова, чтобы она свидетельствовала против львовских подсудимых. Но она полностью отрицала какую бы то ни было связь с ними. К подсудимым, тем не менее, применили обратную силу Закона, осудив их по Указам от 5 мая 1961 года — "Об уголовной ответственности за хищение в особо крупных размерах" и "Об уголовной ответственности за нарушение правил при валютных операциях" — до поглощения этих Указов действующими Кодексами. Кроме упомянутых Молчанюка и Марчукова, по этому делу были расстреляны трое евреев: Мейлах, Хаят и Рабинович.

Все остальные евреи получили максимальный срок наказания — 15 лет в лагерях усиленного режима с конфискацией имущества. Другим подсудимым, русским и украинцам, при равной вине мера наказания была определена значительно ниже.

Как некий дополнительный штрих к картине этого процесса, расскажу такой эпизод, проливающий свет на то, где находились главные виновники коррупции и взяточничества, разъедавших область. Первый секретарь Львовского обкома Коммунистической партии вызвал к себе для беседы первого секретаря горкома Овсянко, генерала в запасе, и рассказал ему о том, что обвиняемый по делу трикотажной фабрики Ленинского района, ее бывший директор Молчанюк, бывший секретарь ЦК комсомола Украины, признал себя виновным в частном предпринимательстве и взяточничестве и дал прямые показания против Овсянко, уличая его в систематическом получении взяток. Понимая всю безвыходность своего положения, Овсянко, едва секретарь обкома вышел из кабинета, тут же застрелился.

Все львовские адвокаты чувствовали особую антисемитскую нацеленность судебных расправ, чинимых на процессах по экономическим делам в Львовской области. Мы знали также, что эти расправы происходят по прямому указанию Хрущева, что в период между 1961 и 1964 годами во Львове были расстреляны 32 еврея и 5 русских и украинцев

(Мешков, Рубашный, Молчанюк, Марчуков, Бондарчук). Большинство казненных я знал лично.

Львовская судебная эпопея начала шестидесятых годов раскрывает не только наличие постоянной борьбы с экономическими преступлениями, но и не менее постоянной государственной антисемитской политики по отношению к евреям. Она обнажает сращивание партийно-правительственной бюрократии с незаконным *левым* производством, ее корыстную заинтересованность в нем. Это, как мы видели раньше и увидим дальше, характерно не только для Львова.

ДЕЛО ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МАСТЕРСКИХ ОБЛОНО В ХАРЬКОВЕ

(рассказано Даниилом Темкиным, членом городской и областной коллегий адвокатов города Киева)

Примерно в 1963 – 1964 годах в Харькове слушалось дело производственных мастерских Облоно. 19 человек обвинялись в выпуске *левой* швейно-трикотажной продукции на сумму около миллиона старых рублей. Руководителем мастерских и ведущей фигурой всего частного предпринимательства в этом случае был некто Чанышев, русский. Ни одна *левая* сделка не заключалась без его ведома. Он был вдохновителем всех злоупотреблений, вошедших полностью в обвинительное заключение, составленное следователями КГБ. В судебном рассмотрении дела два ревизора – Алетьев и Лившиц – показали, что Чанышев предложил им крупную взятку за изменение выводов ревизии, обнаружившей злоупотребления в мастерских Облоно. На суде было доказано, что Чанышев был связан противоправными действиями с заведующим административным отделом Обкома КПУ и начальником следственного отдела Харьковской областной прокуратуры и пользовался их покровительством.

Чанышеву, начальникам цехов и всем остальным подсудимым было предъявлено обвинение в хищении в особо крупном размере и в нарушении правил о валютных опера-

циях. Поскольку преступление было отнесено к шестидесятым годам, то ко всем сидевшим на скамье подсудимых была применена обратная сила Закона, то есть Указ от 5 мая 1961 года плюс 86¹ статья Уголовного Кодекса Украинской ССР, аналогичная статье 93¹ УК РСФСР.

Приговоры, вынесенные по этому делу, позволяют судить об особом отношении суда к подсудимым еврейской национальности.

Три человека были приговорены к смертной казни — Сбриджер, 62 лет; Партигул, 48 лет; Гешелин, 52 лет. Все трое евреи. Всем отказано в помиловании. Все расстреляны.

Чанышев же, которого следователи КГБ и обвинительное заключение считали главным действующим лицом всей противоправной деятельности в производственных мастерских Харьковского облоно, был приговорен к 8 годам лишения свободы, а Верховный Суд Украины еще и снизил этот срок до 5 лет. Покровители Чанышева — начальник административного отдела обкома и начальник следственного отдела прокуратуры были сняты с работы.

ДЕЛО ГОРЛОВСКОГО ГОРБЫТКОМБИНАТА (рассказано Даниилом Темкиным)

Это дело Донецкий областной суд рассматривал в 1963 году. Группа лиц обвинялась в выпуске *левой* трикотажной продукции. Их действия квалифицировались как хищение в особо крупном размере. Подсудимые признали себя виновными в частнопредпринимательской деятельности. Среди подсудимых было два еврея, остальные — русские и украинцы. Исчисленный следствием ущерб был полностью возмещен подсудимыми. Подсудимый Драпкин добровольно внес всю вмененную ему сумму.

Еврей Драпкин был приговорен к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение. Еврей Чарльсон — к 15 годам лишения свободы. Остальные подсудимые, русские и украинцы, при равном объеме содеянного и сходных личных об-

стоятельствах, получили разные сроки лишения свободы, но не более чем на 10 лет.

ДЕЛО ГОРЛОВСКОЙ ФАБРИКИ ТРИКОТАЖНЫХ ИЗДЕЛИЙ

(рассказано Даниилом Темкиным)

Группе обвиняемых было предъявлено обвинение в выпуске *левой* продукции, каковой в этом случае была веревка. Ущерб исчислялся в сумме, превышавшей 50 тысяч рублей. Предварительное следствие вел следователь Буяновский. Действия подсудимых квалифицировались соответственно Указу от 5 мая 1961 года и по ст. 86¹ УК УССР как хищение в особо крупных размерах. Все 11 подсудимых отрицали хищение, но признавали себя виновными в обмане покупателей и даче взяток. Наиболее суровые наказания получили евреи. Двое из них — Лебендик (50 лет) и Хмельницкий (48 лет) были приговорены к расстрелу. Верховный Суд Украины оставил приговор в силе, а Президиум Верховного Совета УССР отклонил ходатайства осужденных о помиловании. Приговор был приведен в исполнение.

Украинцы и русские при том же объеме содеянного и одинаковом личном положении приговорены были к различным срокам лишения свободы до 10 лет.

ДЕЛО КИЕВСКОЙ ШВЕЙНО-ТРИКОТАЖНОЙ ФАБРИКИ

(рассказано Даниилом Темкиным)

Это дело, следствие по которому проводил КГБ, характерно не только особой предвзятостью по отношению к евреям, выразившейся в неправомερных приговорах, но открытым, беззастенчивым беззаконием.

Обвинение — хищение в особо крупном размере — было предъявлено группе, насчитывающей более 20 человек.

На следствии и особенно наглядно — в суде вскрылось, что подсудимые систематически давали взятки первому секретарю Киевского обкома КПУ Грызе, который к тому мо-

менту, когда шло судебное разбирательство, стал уже работником аппарата ЦК КПУ. всей системой противоправных действий руководила директор фабрики, русская женщина, член КПСС. Ко всем подсудимым была применена обратная сила Закона плюс статья 86¹ УК УССР. Конфискацией имущества и изъятием ценностей у подсудимых был полностью покрыт исчисленный следствием ущерб. Виновные были приговорены к разным срокам лишения свободы. Два еврея — Хаин и Спитковский — были приговорены к высшей мере наказания, в то время как взяточполучатель Грыза вообще не привлекался к уголовной ответственности, а русская женщина, директор фабрики, возглавлявшая противоправные действия, была приговорена... к 3 годам условно.

Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о помиловании Спитковского. Указ был подписан А. Микояном, и его видел и читал адвокат Спитковского Николай Шафранский, русский. Но на беду в это время первый секретарь ЦК КПУ Шелест был переведен на должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В те немногие дни, что он отправлял эту должность, он успел продолжить расправу с евреями на украинский лад и, в частности, отменил Указ о помиловании Спитковского. Оба еврея — Хаин и Спитковский — были расстреляны.

ДЕЛО КИЕВСКОГО ИНСТИТУТА ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (рассказано Даниилом Темкиным)

Получение и вымогательство взяток за прием абитуриента в высшее учебное заведение стало вроде бы негласным обычаем на всей территории Советского Союза. Одно время такие правонарушения были в поле внимания советских органов контроля, и дела о взяточничестве, процветавшем в институтах, прокатились по всему Союзу. Дело Киевского института легкой промышленности было одним из таких именно судебных процессов.

Суд установил, что ректор лично назначал сумму побо-

ров за прием в институт. Передачей взяток ректору института занимались два преподавателя, два кандидата наук, русский Майстренко и еврей Кобальский, при этом часть денег оседала в их собственных карманах. Их вина, сумма полученных ими денег, неприглядный образ действий — все было одинаково, как у близнецов. Ущерб обоими был возмещен. Но приговоры оказались различными: русский Майстренко был приговорен к 10 годам лишения свободы, а еврей Кобальский — к 15.

Однако антисемитские настроения суда вопиющим образом выявились в следующем эпизоде. На суде в качестве свидетелей были допрошены 64 абитуриента многолетней давности, которые при поступлении платили ректору вступительную пошлину. К моменту слушания дела среди этих бывших студентов было уже 8 кандидатов наук и ведущих инженеров. Но лишь один из 64 свидетелей заинтересовал суд настолько, что его превратили в обвиняемого на этом же процессе, судили и осудили. Это был студент пятого курса, отличник, еврей Добкин. Было установлено, что он был не просто бедным, а бедным, так сказать, в абсолютном и полном значении этого слова, — бескопеечным. Его вступительные экзамены были сданы на превосходные оценки, позволявшие ему иметь проходной балл, достаточный для приема в вуз. Тем не менее он был вынужден дать вымогателям взятку. Он буквально заработал эти деньги своей кровью — то есть сдавал кровь на донорском пункте. Но именно он, единственный из 64 свидетелей, допрошенных в суде по делу о взятках в Киевском институте легкой промышленности, был превращен в обвиняемого и получил по приговору суда 5 лет лишения свободы.

ДЕЛО КИЕВСКОЙ БАЗЫ ХРАНЕНИЯ КАРТИН

(рассказано Даниилом Темкиным)

Киевская база хранения картин была государственным хранилищем, где сберегались ценные художественные произведения. Заведовал базой еврей по фамилии Перс.

Очередная ревизия обнаружила отсутствие целого ряда редких полотен на весьма значительную сумму. Заведующий Перс объяснил, что многие партийные и правительственные чиновники высоких рангов под разными предлогами забирали картины с базы хранения домой и, конечно, никогда их не возвращали. В доказательство своих слов Перс предъявил соответствующие рабочие записи. Вину свою в присвоении картин он категорически отрицал.

Никто из поименованных им лиц не считал себя обязанным вернуть картины, за которые другой человек предстал перед судом. Более того, все чиновники отрицали, что сам факт, указанный и документально подтвержденный Персом, имел место.

Еврей Перс был приговорен к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение.

А картины так и остались в личном владении у руководящих работников Киевской области...

ДЕЛО УЖГОРОДСКОГО ПЛОДООВОЩНОГО КОМБИНАТА*

(рассказано Даниилом Темкиным)

В 1974 году в Киевский ОВИР (Отдел Виз и Регистрации Иностранцев) поступило заявление от гражданина Иожевра Игната Соломоновича о его намерении выехать в Израиль вместе с семьей.

И.С.Иожевр в свое время работал директором плодово-овощного комбината в Ужгороде, но уволился оттуда примерно за четыре года до подачи заявления в ОВИР. Перед его увольнением была проведена полная инвентаризация комбината, которая установила наличие и сохранность всех товарных ценностей и полный порядок в делах.

* Это дело — одно из немногих, выходящих за хронологические рамки (1961 — 1967), поставленные себе автором данной работы. Оно является подтверждением того факта, что нацеленность уголовных репрессий и в последующие годы не изменилась.

Теперь вдруг, через четыре года после ухода Иожевра с комбината, заведующий производством некто Пердук обнаружил на комбинате недостачу примерно в объеме 30 тысяч рублей. Станным образом это открытие совпало с подачей Иожевром заявления в ОВИР.

В связи с недостачей, обнаруженной Пердуком, было возбуждено уголовное дело, которое по точному смыслу заявления завпроизводством Пердука должно было касаться того периода времени, когда Иожевр на комбинате уже не работал. Однако помощник прокурора области через своего посланца потребовал от Иожевра взятку за прекращение дела. Иожевр — честный работник, портрет которого находился на городской Доске почета, никакой вины за собой не знал и, естественно, прогнал провокатора. Прокурор обиделся.

Под руководством обиженного помощника прокурора области Дердя следователь Красавин изготовил 5 томов следственного производства, теперь уже якобы в связи с хищениями, имевшими место до ухода Иожевра с комбината. Хотя, как уже было сказано выше, недостачу за собой признал лично Пердук. Вдруг с комбината исчезли все первичные документы. Иожевра пригласил к себе уже второй следователь, по фамилии Шикуня, и внезапно Иожевр оказался в следственном изоляторе Ужгорода. Затем он был предан суду по обвинению в хищении государственной собственности. Дело было возвращено судом на доследование, но Иожевр продолжал оставаться в тюрьме. Через год дело вновь было назначено к слушанию, но Иожевра теперь обвиняли уже в халатности. Обвинение поддерживал прокурор Нестеров, который поставил Иожевру в вину бестоварную операцию с яблоками на смехотворную сумму в 122 рубля. Иожевра освободили на поруки.

Освобождение пришло к нему уже в городскую больницу. Оказавшись без всякой вины в тюрьме, 58-летний Иожевр перенес тяжелый инфаркт миокарда. Пока Иожевр пребывал в тюрьме и больнице, следственное дело разрос-

лось до 28 томов, а вины подследственного ничуть не прибавилось. Единственной виной Игната Соломоновича Иожевра было заявленное вслух желание выехать в Израиль.

Даниил Борисович Темкин заканчивает:

”Я свидетельствую: острее репрессий на Украине было направлено не только против самого преступления, но, в первую очередь, против лиц еврейской национальности. Это подтверждает вся система наказаний на Украине. В период между 1961 и 1968 годами евреи на Украине ощущали обострение антисемитизма во всех областях жизни и деятельности. Мы, адвокаты, переживали это особенно остро, тем более, что очень часто оказывались беспомощными перед той машиной несправедливого подавления, которая подминала наших подзащитных, выдавая самые жестокие приговоры за участие в противоправных экономических действиях в том случае, если они были евреями. При одинаковых личных данных, равновеликом нанесенном ущербе, равном должностном положении, а иногда даже и при том, что именно русские или украинцы, занимавшие высокое должностное положение, направляли само преступление, последних приговаривали к более мягкому наказанию”.

ДЕЛО ОДЕССКОГО ОБЛМЕСТПРОМА

(рассказано бывшим членом Одесской областной коллегии адвокатов Яном Маниовичем)

Дело Одесского облместпрома слушалось в течение долгих месяцев в 1962 — 1963 годах в Одесском областном суде под председательством зампредоблсуда Теслера, при участии прокуроров Русанова и Нелукова. Защиту осуществляла группа ведущих адвокатов Одессы: Беркович, Хасилев, Крупкин, Баранова, Мардер, Есилевский, Рабинович, Свердляченко и др. В этом процессе я защищал директора утильного завода Ляховецкого.

На скамье подсудимых находилось 25 человек. Всем им

предъявлено обвинение в совершении хищения в особо крупных размерах, во взяточничестве и даче взяток, в нарушении правил о валютных операциях. Ущерб, исчисленный следствием, выражался в миллионных суммах, потому что следствие ради усиления впечатления пользовалось старым масштабом цен, существовавшим до денежной реформы 1961 года.

Обвиняемые не признали себя виновными ни в совершении хищения, ни в незаконных валютных сделках. Они признавали себя виновными в обмане покупателей, в частно-предпринимательской деятельности под вывеской государственного предприятия. Они не отрицали участия во взяточничестве, но при этом все без исключения производственники показали, что в Одессе, как повсеместно на Украине, существовала давно сложившаяся система вымогательства взяток со стороны должностных лиц, ведавших сырьем, оборудованием, штатами — словом, всеми факторами, от которых зависит нормальное функционирование современного производства. Все чиновники в достаточно откровенной форме либо сами, либо через подставных лиц домогались взяток от производственников и работников торговли. Подсудимые объяснили суду, что вынуждены были принимать участие в этих противоправных отношениях, поскольку от них требовалось выполнять государственный план.

Судили руководителей заводов и фабрик, вверенных Одесскому облместпрому. Председателем облместпрома был некто Сташкевич, русский, выдвинутый на эту должность Одесским обкомом КПСС, в котором он прежде возглавлял финансовый отдел. Привлечению Сташкевича к уголовной ответственности предшествовало длительное обсуждение его дела на всех уровнях партийно-правительственной элиты города. Уж слишком Сташкевич был крупной фигурой в Одессе. Однако материалы следствия вопиюще обнаруживали его главенствующую роль в коррупции, поразившей промышленные предприятия и административные учреждения города, скрыть это представлялось совершенно невероятным. И Сташкевич был отдан под суд. Тем не менее у всех

участников процесса сложилось впечатление — и оно полностью подтвердилось впоследствии, — что "свои" не оставят в беде "своего", и что Сташкевичу будут помогать выпутываться из беды на процессе. Даже поверхностное знакомство с материалами дела приводило к выводу, что второй фигурой на этом процессе должен был бы быть помощник Сташкевича Ашкинузе. Однако "дело Ашкинузе" было выделено в особое производство, в соответствии с практикой, часто применяемой в советских судах, и на этом процессе он появлялся только в роли свидетеля. По тем же причинам лишь свидетелем выступал в этом процессе и Иван Субачев, зампредела Одесского облпромсовета, распоряжавшийся выдачей всех фондов сырья и оборудования в области.

Близкая родственница Субачева Иващенко была одним из секретарей ЦК Коммунистической партии Украины, и ее заступничество спасло Ивана Субачева от суда. Все подсудимые-производственники занимались выпуском *левой* неучтенной продукции, производя товары массового потребления, в которых постоянно ощущался острый недостаток: трикотажные изделия, ткани, скатерти, плащи, полиэтиленовые мешочки...

Некоторые подсудимые заслуживают того, чтобы о них рассказать особо.

Одно из главных мест на скамье подсудимых занимает директор суконной фабрики еврей Кунянский. В прошлом он был секретарем Одесского горкома комсомола, член партии. Держится мужественно. Рассказывает, как его выдвинули на хозяйственную работу, как с самого начала ему невозможно было руководить производством и выполнять государственный план по выпуску продукции, не давая на каждом шагу взяток. Выпуск и продажа неучтенной продукции диктовались необходимостью добывать средства, которые в виде взяток передавались областному начальству. Кунянский рассказал, как был втянут в систему противоправной деятельности и стал жертвой этой системы.

Рядом с ним — еврей Маламуд, беспартийный, главный бухгалтер одной из фабрик. Установлено следствием и подтверждено в суде, что лично он не входил в отношения с должностными лицами, получавшими взятки за наряды на сырье и оборудование. Он знал статьи расхода и дохода фабрики, был вторым распорядителем кредитов, но к производству отношения не имел. Получал в дополнение к зарплате ежемесячные небольшие суммы. Тем не менее, ему, как и всем, предъявлено обвинение в хищении в особо крупном размере.

А вот мой подзащитный — директор Утильного завода еврей Ляховецкий. До своего поступления на завод он полтора года был без работы. Уже через два месяца после его вступления в должность директора он был втянут в орбиту противоправных действий, установленных на заводе задолго до его появления. Он стал жертвой этой до него созданной системы, поскольку хотел работать и зарабатывать на жизнь.

Я обнаружил в высшей степени поразительный документ — собственноручные показания Сташкевича. Обычно протоколы пишут сами следователи, но, видно, что-то заставило Сташкевича вызваться записать свои показания. И назвал он их необычно для следственного жанра — ”Воззвание к русскому народу”. Именно так! В этом ”Воззвании”, написанном в КГБ, патриот Сташкевич, обращаясь к другим патриотам, сообщал им, что евреи — причина всех страданий русского народа, что они — совратители честных людей и растлители партийных кадров, что падение народной морали есть следствие их пагубного влияния и преступных действий, и что, пока не поздно, надо повести с ними решительную и беспощадную борьбу, которую должен возглавить русский народ.

Антисемитские настроения подсудимого Сташкевича проявились и в его поведении на суде, и суд отнесся к ним благосклонно. В суде было установлено, что едва на каком-либо предприятии в той или иной роли появлялся помощник

и приятель Сташкевича Ашкинузе, как через один-два месяца завязывалась преступная связь данного предприятия со Сташкевичем, руководящим всеми махинациями при посредничестве Ашкинузе.

Мои доводы о роли Сташкевича и Ашкинузе произвели впечатление на судью Теслера и прокуроров, ибо обнажали истинную роль не только Сташкевича и Ашкинузе, но и замоблисполкома Субачева. Конечно, и суд, и прокурор знали об этой роли и до моего выступления. Но из желания не раскрывать истинную картину преступления суд вел допросы по заранее разработанному сценарию, при котором дотошно, точно он и есть главное действующее лицо, допрашивали в суде дворника, получавшего за ночные часы работы дополнительную оплату без формального оформления договором, причем судья позволял себе покрикивать и грозить: "Мы не позволим обкрадывать государство!" Но поверхностно, как бы "едва касаясь", проводили допрос Ивана Субачева, которому на самом деле следовало быть на данном процессе не свидетелем, а одним из главных обвиняемых:

— Скажите, гражданин Субачев, чем вызвано наличие в деле показаний против вас?

— Не знаю, — отвечает простодушный Субачев. — Не могу сказать.

И хотя в ходе процесса показаниями подсудимых и свидетелей истинная роль Субачева раскрывается во всей полноте, он по-прежнему остается только свидетелем.

В "Известиях" появляется обширная статья собственного корреспондента газеты "Двойное лицо Ивана Субачева", где все названо своими настоящими именами. Для другого такая статья в одной из двух ведущих центральных газет страны означала бы крах партийной и административной карьеры. Но Субачев и в огне не горит, и в воде не тонет. Он имеет очень высоких покровителей в Центральном Комитете Компартии Украины.

Семь месяцев продолжается слушание этого дела в помещении Клуба Одесской Милиции. И вот, наконец, — речи

прокуроров. Отвергнув доводы защиты и самих подсудимых, суд считает доказанным наличие хищения, совершение незаконных валютных операций и систематического взяточничества. Прокуроры просят суд применить к подсудимым обратную силу Закона, то есть осудить их по Указам от 5 мая 1961 года, 6 июня 1961 года, 20 февраля 1962 года. В просительной части говорится, что главные обвиняемые — Сташкевич, Кунянский и Маламуд — должны быть приговорены к расстрелу, а остальные к разным срокам лишения свободы (от 8 до 15 лет) с отбыванием их в исправительно-трудовой колонии усиленного режима и с неременной конфискацией имущества.

По договоренности с коллегами и по их решению я выступил первым, от лица всей защиты выражая общую точку зрения.

Мы заявили себя противниками смертной казни вообще, особенно применительно к лицам, совершившим экономические преступления, а также отказывались согласиться с применением обратной силы Закона. Мы обратили внимание суда на то, что все подсудимые не только годами выполняли производственный план, но и своей частнопредпринимательской деятельностью принесли, как это подтверждается материалами дела, колоссальную прибыль, исчисляемую в десятках миллионов рублей, — не только самим себе. Я указал на Сташкевича как на главного организатора всей противоправной деятельности и подчеркнул, что от него не отставал и Субачев. Не оставил я без внимания и антисемитизм Сташкевича, так "идеологически обоснованно" проявившийся в его "Воззвании". И все-таки, сказал я, как и вся защита, я против применения смертной казни по данному делу вообще, даже применительно к Сташкевичу. Защищая Ляховецкого, я не согласился с объемом вменения и квалификацией его действий и тем чрезмерным наказанием (10 лет), которого требовал для него прокурор.

Весь коллектив защиты (еще 24 адвоката) выступили с заявлением о своем принципиальном несогласии с приме-

нением обратной силы Закона, о несогласии с квалификацией содеянного как "хищения в особо крупном размере", о несогласии с применением по данному делу смертной казни, а также с возражениями против выводов экспертов и просительной части прокурорских речей касательно определения меры наказания.

Реплик со стороны прокуроров не последовало.

Через месяц был вынесен приговор: Сташкевича, Кунянского и Маламуда — к расстрелу; остальных — к разным срокам наказания, от 8 до 15 лет, в исправительно-трудовой колонии усиленного режима; для всех подсудимых — полная конфискация имущества. Относительно моей речи суд вынес Частное определение: "адвокат Маниович в своей речи протаскивал буржуазные теории Тейлора (!) о недопустимости смертной казни; позволил себе критиковать советские законы, являющиеся выражением воли советского народа..."

Это Частное определение вместе со всем уголовным делом и кассационными жалобами поступило в Судебную Коллегию по уголовным делам Верховного Суда Украины и рассматривалось под председательством члена Верховного Суда Украины Антонова. Прокурор Русанов, участвовавший в слушании дела Одесского облпромсовета по первой инстанции, сопровождал Частное определение судьи Теслера лаконичной справкой: "Лучшим свидетельством моего несогласия с Частным определением суда в адрес адвоката Маниовича является отсутствие моей реплики после речей защиты".

Кассационная инстанция вынесла определения, которые ожидалась всеми нами заранее: в отношении Сташкевича приговор был изменен — он получил 15 лет лагерей. В отношении евреев Кунянского и Маламуда приговор был оставлен без изменения. Оба были расстреляны. Моему подзащитному Ляховецкому снизили срок до 9 лет, вместо 10 по приговору суда первой инстанции. Частное определение в отношении адвоката Маниовича было отменено, и Судебная Кол-

легия Верховного Суда УССР, в свою очередь, вынесла Частное определение в адрес судьи Теслера, в котором указывалось на неправильное отношение судьи к позиции адвоката, в частности, на нелепое приписывание защитнику Маниовичу буржуазных теорий.

Я успокоился — и напрасно: не учел, *кто* стоял за спиной Сташкевича и Субачева.

Судья Теслер объединился с Иващенко, родственницей Субачева и одним из секретарей ЦК Компартии Украины, и женой Сташкевича, занимавшей пост председателя Облпрофсовета, и втроем они начали поход против меня.

Я уже вел новое дело, которое было назначено к слушанию в Военном Трибунале, и отправился однажды в тюрьму для свидания со своим подзащитным. Тут же, в самой тюрьме, я был арестован.

Я провел в тюрьме *восемь месяцев* без санкции прокуратуры на содержание под стражей. Через полгода было сострепано обвинение, полное безличных ссылок на якобы имеющуюся у меня связь с работниками административных органов Одессы, Одесской области, Украины в целом. Ни одной фамилии не приводилось. Ни на одно из сотен моих заявлений, написанных в тюрьме, ответа не последовало. Все домашнее имущество нашей семьи на всякий случай было описано. Через восемь месяцев вынесли постановление "о прекращении дела в отношении адвоката Я.Маниовича за отсутствием фактов преступления", и я вернулся домой. Так выглядит советское правосудие и Закон, который, по словам не одного только судьи Теслера, "выражает волю советского народа".

ДЕЛО ЮРИСКОНСУЛЬТА
ЖИЛИЩНОГО ОТДЕЛА ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА
ГОРОДА ОДЕССЫ МИЛЛЕРА
(рассказано Яном Маниовичем)

Инвалид Отечественной войны, член партии Миллер пе-

решил на работу юрисконсульта райжилотдела Промышленного района Одессы с должности начальника отдела в Одесском нотариате.

Следственные органы установили, благодаря агентурным данным, что председатель и зампредседателя Одесского горисполкома занимаются вымогательством взяток при распределении жилой площади и что часть взятковымогателей из горисполкома — евреи. В аппарате исполкома был всего один еврей — Миллер, да и тот работал здесь совсем недолго. Были просмотрены сотни дел с заявлениями нуждающихся в жилье и опрошены сотни авторов этих заявлений с единственной целью выяснить: давали ли они взятки и, если да, то кому.

Некий продавец пива, работавший в ларьке рядом с исполкомом и состоявший на очереди на улучшение жилищных условий, показал, что, будучи на приеме у Миллера, он положил в пачку папирос 25 рублей. Важно отметить два обстоятельства: во-первых, Миллер был некурящий, а во-вторых, на первом допросе у следователя продавец пива, болгарин по национальности, вообще категорически отрицал какую бы то ни было преступную связь с Миллером.

Другие показания против Миллера дала женщина — служащая торгового флота, также состоявшая на учете в жилотделе: она якобы передала Миллеру 1000 рублей через своего сожителя.

Изучая дело, я обнаружил, что у свидетеля-болгарина незадолго до его допроса по делу Миллера был произведен дома обыск, причем в его квартире и в подсобных помещениях вскрывали пол. Что при этом искали? Не замешан ли такой "свидетель" в противоправной деятельности более серьезно? Создавалось впечатление, что продавец пива просто согласился оговорить Миллера по наущению следствия, чтобы самому выпутаться из беды. Такой простой эпизод, как передача служащему 25 рублей, вовсе не требовал обыска с поднятием полов. К тому же выяснилось, что продавец-болгарин был предварительно задержан на трое суток в тюрь-

ме, что тоже не диктовалось в этом случае никакой целесообразностью.

Я заявил ходатайство на имя прокурора, обращая его внимание на несообразность следственных действий по отношению к продавцу пива и на противоречивые показания последнего по делу Миллера. Сам Миллер был арестован и находился в тюрьме.

Второй эпизод со взяточдательницей — служащей торгового флота тоже вызывал большие сомнения. Во-первых, Миллер не обладал никакими служебными полномочиями, которые позволяли бы ему предоставлять жилье. Свидетельница много лет состояла в списке на улучшение жилищных условий и получила квартиру, когда наконец подошла ее очередь. Сама она, однако, упорно утверждала, что передала Миллеру через своего сожителя 1000 рублей, которые для этой цели заняла у своей матери. На допросе мать подтвердила, что она одолжила дочери 1000 рублей. Сожитель, врач, якобы передавший Миллеру деньги, показал, что из упомянутой тысячи половину денег он взял себе, а половину передал, вернее, подsunул Миллеру под папку. Я заявил ходатайство на имя прокурора и по этому эпизоду, а также потребовал прекращения дела против Миллера, поскольку версия следствия тенденциозна и полна неправдоподобных эпизодов.

Дело вернули на доследование тому же следователю Ермакову, который вел его и раньше. Миллер продолжал оставаться в тюрьме. Доследование не внесло в дело ничего нового, и я вновь возбудил ходатайство о прекращении дела, но получил отказ, и дело было передано в суд. Слушал дело член Одесского облсуда Бухтиаров. Миллеру была предъявлена статья 173, часть II, УК РСФСР и аналогичная статья УК УССР*.

* "Получение должностным лицом, лично или через посредников, в каком бы то ни было виде, взятки за выполнение или невыполнение какого-либо действия в интересах дающего, совершенное долж-

Утром мне домой позвонил по телефону следователь Ермаков, ставший к этому моменту уже районным прокурором. Он предупредил меня, чтобы я "не распоясывался" на процессе. Я немедленно отправился к председателю Президиума Одесской коллегии адвокатов Новохатскому, чтобы заявить ему о шантаже со стороны прокурора.

Между тем родным Миллера стало известно, что, допрашивая служащую торгового флота и ее любовника, следователь Ермаков прямо предписывал им подтвердить показания против Миллера, угрожая, в противном случае, раскрыть глаза жене врача на характер их связи.

Перед самым окончанием следствия Ермаков в последний раз вызвал служащую торгового флота и ее любовника-врача для допроса. Ни прокурор, ни допрашиваемые им свидетели не знали, что в кабинете Ермакова установлен магнитофон. И пленка запечатлела строгие интонации прокурора, обращенные к свидетельнице: "Надеюсь, вы теперь поняли все? Вы должны помочь следствию, а не какому-то еврею! Следствие знает, куда ушли ваши деньги! Тоже — тратите мамины деньги, чтобы развозить по курортам любовников! Они, евреи, толкают русских женщин на такие преступления!" Свидетельница едва не плачет: она готова оговорить инвалида Миллера, лишь бы не узнала мама, лишь бы ее связь не стала известна жене ее любовника. Ее любовник, кстати, еврей по национальности, присвоивший себе чужие 500 рублей и истративший остальные на курорте, оказывается вынужденным оговорить Миллера, чтобы спасти самого себя!

В судебном заседании я задаю свидетельнице ряд вопросов: была ли она на курорте в Кисловодске? Где она там жила? С кем вместе отдыхала? Где взяла деньги на поездку? Свидетельница на все вопросы отвечает отрицательно. Тогда

ностным лицом, занимающим ответственное положение... наказывается лишением свободы сроком от 8 до 15 лет или при отягчающих обстоятельствах — смертной казнью, с конфискацией имущества". Уголовный Кодекс РСФСР. М., 1970, стр. 65.

я прошу о включении магнитофонной записи. При первых словах звукозаписи свидетельница просит прервать демонстрацию: "Довольно, это все правда, что записано на пленке!" Ее сожитель также отказывается от оговора.

Прокурор Ермаков вынужден был отказаться от эпизода со служащей торгового флота, но продолжал настаивать на эпизоде с болгаринном-ларечником, который якобы передал Миллеру 25 рублей.

Суд принял версию прокурора и осудил Миллера на 5 лет лишения свободы.

Кассационная жалоба в Верховном Суде Украины не рассматривалась более шести месяцев: дело без конца снимали со слушания. Однако в конце концов Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР вынесла определение: приговор по делу Миллера отменить и передать для повторного рассмотрения со стадии производства следствия для проверки всех обстоятельств дела.

Следствие было поручено Прокуратуре Одесской области. Все критические замечания защиты были приняты Прокуратурой области. Понадобилось два с половиной года, чтобы откровенно антисемитские, тенденциозные обвинения были отмечены и невиновный человек, инвалид Второй мировой войны юриконсульт Миллер вернул себе доброе имя и вернулся домой.

ДЕЛО НАЧАЛЬНИКА ТРИКОТАЖНОГО ЦЕХА ОДЕССКОЙ АРТЕЛИ "ПРОМТРИКОТАЖ" ЛЕОНИДА РУБИНШТЕЙНА

(рассказано Л.Рубинштейном, осужденным в 1963 году в Одессе)

Леонид Рубинштейн, 1919 года рождения, еврей, студент строительного института, в первые дни Второй мировой войны был призван в армию и направлен в Военно-инженерную строительную академию имени Фрунзе в Москве. В звании лейтенанта попал на Центральный фронт в саперную роту. 18 сентября 1943 года он получил тяжелые ранения, подорвавшись на mine: потерял правую ногу выше колена, была

задета кость левой ноги, началась газовая гангрена. Проведя два года в госпиталях, он вернулся домой на костылях. Потеря мобильности делала невозможным возвращение к прежней специальности строителя. В послевоенной Украине трудоустройство еврея-инвалида было делом нелегким. Уже женатый, имеющий маленького сына, Рубинштейн был рад, когда нашел для себя работу в системе местной промышленности, хотя и не имел соответствующей профессиональной подготовки.

В 1959 году Л.Рубинштейн в течение *семи месяцев* работал начальником трикотажного цеха одесской артели "Промтрикотаж", которая в 1960 году была ликвидирована.

Рубинштейн застал производство артели сложившимся, с налаженной системой получения сырья и оборудования по нарядам Облместпрома и Госплана от постоянных поставщиков, самыми крупными из которых были кабельный и канатный заводы.

Из семи месяцев, которые Л.Рубинштейн руководил трикотажным цехом, полтора месяца он находился на лечении в санатории города Кисловодска, о чем в его деле были соответствующие документы и показания свидетелей: справка о проживании с 3 октября 1959 года в корпусе № 4 санатория "Красные камни", выписки всех анализов и заключение по электрокардиограмме, сделанной немедленно по его прибытии в санаторий, где он отдыхал вместе с директором столовой Совета Министров СССР, москвичом по фамилии Шмидт, занимавшем с Рубинштейном одну комнату. Закончив лечение, Рубинштейн вернулся в Одессу в ноябре 1959 года, а через полтора месяца артель "Промтрикотаж" была закрыта.

В июне 1961 года Л.Рубинштейн был арестован и месяц провел в тюрьме без санкции прокурора на содержание под стражей и без единого допроса. 7 декабря его арестовали вторично. Санкции прокурора на содержание под стражей не было в течение последующих полутора лет. На допрос его не вызывали год. Жена не знала, где он и что с ним. Передач

он не получал. Через год начались интенсивные допросы, которые вели следователи Тристан (Прокуратура гор. Одессы), Яковлев (Прокуратура УССР), Захарченко (Прокуратура УССР), Эйхенвальд (Прокуратура СССР, Москва), Лопатинский (Прокуратура СССР, Москва).

Рубинштейну, как и другим работникам бывшей артели "Промтрикотаж", было предъявлено обвинение в выпуске и продаже *левой* продукции за счет экономии сырья и незаконного получения сырья и оборудования с канатного и кабельного заводов. Общую сумму "хищения" следствие исчислило в размере 1 200 000 рублей.

Рубинштейн категорически отрицал как само событие, так и свою причастность к нему. К моменту слушания дела артели "Промтрикотаж" уже прошли три процесса – процесс облместпрома Одессы (см. выше), процесс кабельного завода и процесс канатного завода. Приговоры по этим делам рассматривались как доказательства вины Рубинштейна и других в деле артели "Промтрикотаж". Рубинштейн к моменту начала суда уже два с половиной года находился в тюрьме. Его не уличал никто, если не считать весьма путаных показаний одного из подсудимых, старика Золотаревского.

Следствие стало на путь недопустимых фальсификаций. Получив по запросу данные о медицинских исследованиях, которые прошел Рубинштейн в санатории, следователь позволил себе предположить, что они поддельные, поскольку анализы и электрокардиограмму мог якобы пройти вместо Рубинштейна... его сосед по комнате Шмидт. Отметим, что для проверки этих фантастических предположений следовало бы вызвать в суд в качестве свидетеля самого Шмидта. Но этого сделано не было. Меж тем основная сделка с кабельным заводом, на которую опиралось обвинительное заключение, была произведена именно 6 октября, в день, которым датированы все анализы и ЭКГ Рубинштейна. Чтобы доказать, что для совершения этой сделки Рубинштейн вылетал из Кисловодска в Одессу, поручив кому-то проходить за него медицинское обследование, следствие проверило фа-

милии всех, кто улетел в эти дни самолетом из Кисловодска в Одессу. Рубинштейна среди них не было. И все же в обвинительном заключении говорилось, что 6 октября на кабельном заводе кто-то (разумеется, не установлено, кто именно) видел высокого человека с протезом ноги. Рубинштейн никогда не пользовался протезом и по сей день ходит на двух костылях.

Все эти следственные фантазии вошли в 33 тома следственного производства, и работникам артели "Промтрикотаж" была предъявлена самая тяжелая статья, предусматривающая расстрел, статья о совершении "хищения в особо крупных размерах".

Подсудимые отрицали свою вину. К ним применили Указ от 5 мая 1961 года — о введении смертной казни за действия прошлых лет. (Рубинштейну инкриминировали только события, имевшие место с апреля 1959 года до 1 января 1960 года.)

Под судом находилось 6 человек, проведенных к этому времени более двух лет в следственной тюрьме: Рубинштейн, Шарканский, Рыбкин, Дрокер, Штейн, Гланц — все евреи. Председательствовал судья Ельчанинов. Обвинение поддерживал прокурор Салтыков. Защиту осуществляли адвокаты Городской и Областной Одесских коллегий: Полторацкий, Баранова, Ланде, Янкелевич, Калинин. По первой инстанции дело слушалось в суде более трех месяцев.

Все обвиняемые отрицали свою вину, оперируя фактами, исключаящими версию обвинения.

Шарканский и Рубинштейн были в разное время начальниками цеха капроновых изделий, Дрокер — заведующим красильным отделением, Рыбкин — бракером, Штейн — закройщиком, Гланц — заведующим стиральным складом.

Свыше ста торговых работников были допрошены по этому делу в качестве свидетелей, но никто не подтвердил ни одного факта завоза к ним *левой* продукции и продажи ее. Не обнаружилось ни одного документа, подтверждающего противоправные действия. Экспертные заключения пред-

ставляли собой домыслы о том, какую продукцию *можно было бы выпустить, если бы в цехе была экономия сырья (?!) и если бы было получено 120 килограммов капроновой нити от канатного и кабельного заводов.* Поэтому в суде первоначальная сумма хищения была легко уменьшена на 700 тысяч рублей, ибо для осуждения вполне достаточно и 500 тысяч, которые в переводе на денежные единицы, принятые после реформы 1961 года, составляли 50000 новых рублей.

Свидетели, осужденные по предыдущим делам канатного и кабельного заводов и по делу Облместпрома, также отрицали свою вину и не дали показаний против подсудимых на процессе по делу артели "Промтрикотаж". Давший неопределенные показания на следствии и в суде Гланц в своем последнем слове сказал: "Не виновен, ни с кем в преступной связи не состоял, о преступлениях не знаю, к ним не причастен".

Рассмотрение дела в суде носило откровенно антисемитский характер. Пять раз подсудимые заявляли отвод судье, но их ходатайство не было удовлетворено. Ходатайство о вызове свидетелями в суд директора и главного бухгалтера артели "Промтрикотаж" также было отклонено. Отклонили и ходатайство о повторной ревизии. Следователи во все время судебного разбирательства находились в зале, оказывая моральное давление на свидетелей. Но и при этом в зале происходили невероятные вещи.

— Морозова, — кричал судья свидетельнице, сновальщице, заявившей, что она ничего не знает о Рубинштейне и его участии в противоправных действиях, — вы ведь русский человек, посмотрите на них — кого вы защищаете?!

— Это антисемитский процесс! — в ответ раздалось из зала. — Я сейчас же дам телеграмму в Москву, что вы здесь устроили антисемитское судилище!

За эту реплику судья приказал дежурным милиционерам вывести женщину из зала суда. Ей скрутили руки, нанесли побои. Правда, потом, в ответ на жалобы, посланные

ею в высокие инстанции, она добилась официальных извинений. После этого инцидента подсудимый Шарканский заявил суду: "Вы создаете новое дело Бейлиса, пользуясь фальсифицированными материалами и не стесняясь антисемитских выходов!" Судья приказал удалить Шарканского из зала. И две недели Шарканского не доставляли из тюрьмы в суд, лишая его возможности участвовать в *своем* деле.

Адвокат Баранова, единственная русская среди участников защиты на этом процессе, заняла принципиальную и мужественную позицию. Она известила все высокие инстанции, в том числе партийные, об открытой антисемитской выходке судьи Ельчанинова. Судье был объявлен выговор. Но это не изменило целенаправленного характера всего процесса.

При допросе медсестры из кисловодского санатория, судья спросил свидетельницу:

— Кого из подсудимых вы знаете?

— Да что тут смотреть, — ответила она. — Вы ведь знаете, что эти, *не наши*, все на одно лицо, не похожи на наших.

Ее не остановили ни суд, ни прокурор. Когда судья все же настойчиво попросил свидетельницу указать, кого именно она видела отдыхающим в санатории "Красные Камни" в октябре 1959 года, все подсудимые поднялись, и так называемая свидетельница указала на Шарканского. И именно эту сестру Рубинштейн уличил в том, что она вообще не работала в том корпусе, где отдыхал он, и, стало быть, не могла ни при каких условиях узнать его в лицо.

Несмотря на очевидный провал обвинения, суд вынес всем подсудимым обвинительные приговоры, осудив их на разные сроки лишения свободы в лагере усиленного режима, с полной конфискацией имущества. Шарканский получил 12 лет, Рубинштейн — 12 лет, Рыбкин — 10 лет, Штейн — 10, Дрокер — 8 лет, Гланц — 6.

Областной суд все приговоры оставил в силе, снизив наказание Рубинштейну и Шарканскому — до 10 лет, Дрокеру — до 7, Гланцу — до 5 лет.

Учитывая боевые заслуги и инвалидность Леонида Рубинштейна, которому к этому времени ампутировали и вторую ногу, Председатель Президиума Верховного Совета СССР снизил ему срок наказания до 8 лет. Этот срок он отбыл полностью.

Леонид Рубинштейн вспоминает, как переписывал и исправлял контрольные работы начальнику режима и оперуполномоченному в лагере, учившимся во Всесоюзном заочном юридическом институте, чтобы они, получив диплом с его помощью, могли во всю мощь расправляться с рубинштейнами... Вспоминает он также о том, как, освободившись, встретился с судьей Ельчаниновым, ставшим уже преподавателем этого же самого Всесоюзного заочного юридического института, и тот почти растроганно сказал ему: "Ах, дружок, не обижайся на меня! Ведь я не волен выносить приговоры. Меня заставляли. На меня нажимали. Прости за все!.."

ЗАКАВКАЗСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

ДЕЛО ТБИЛИССКОГО ЗАВОДА "ВОЕНОХОТ"

В середине 1966 года родственники Владимира Иткина и Давида Антошвили, осужденных Военным Трибуналом Закавказского Военного Округа (ЗАКВО), пригласили меня взять на себя их защиту. И я выехала в Тбилиси...

Иткин и Антошвили проходили по делу завода "Военохот" Всесоюзного Совета Всеармейской Охоты Закавказского Военного Округа. Завод, как и другие предприятия "Военохот", принадлежал *общественной*, кооперативной организации, действовавшей на основе своего *устава*.

Всесоюзный Совет Всеармейской Охоты — разветвленная организация, охватывающая сотни тысяч охотников разных профилей, но, как явствует из самого названия организации, только среди военных. Отделения "Военохот" есть во всех военных округах Советского Союза, а Центральный Со-

вет организации находится в Москве. В каждом округе, в зависимости от его географических и иных особенностей, культивируют различные виды охоты. Поэтому разные предприятия "Военохот" в разных округах имеют различные производственные профили. В Закавказском Округе более всего были развиты охота на горных животных, рыбная ловля, спортивная стрельба. Время от времени здесь проводились спартакиады, кроссы, военные игры и другие массовые мероприятия и празднества.

Необходимый Округу спортивный инвентарь производили преимущественно своими силами на месте. Так возникла сеть производственных предприятий "Военохот". Для организации нового предприятия или налаживания выпуска новой продукции всегда требовалось разрешение вышестоящих инстанций. Общее руководство исходило из Москвы, и в нем принимали участие Госплан и Министерство обороны СССР. На основе заявок с мест, они утверждали план выпуска продукции и схему снабжения окружных советов "Военохот" оборудованием и сырьем. Тбилисский завод "Военохот", принадлежавший Закавказскому военному Округу, входил в состав Всесоюзного Совета Всеармейской охоты. Отправным видом сырья была остродефицитная и строго фондируемая легированная сталь, из которой изготавливались высококачественные охотничьи ножи. Эту сталь завод получал по нарядам из Москвы. Москва же определяла и плановые задания. По столичной разнарядке поступали остальные дефицитные материалы: сталь разных других сортов, дефицитное сырье для изготовления прессформ, порошковое сырье, из которого изготавливались прессованные рукоятки ножей, шашки и домино, пластмассовые упаковочные футляры для различных изделий.

Небольшие предприятия, принадлежавшие Окружному Совету "Военохот", стали возникать по всей стране примерно с 1958 года. По характеру своего производства, довольно примитивного, с преобладанием ручного труда, с малочисленным персоналом, они скорее напоминали средневековые ма-

нуфактуры, чем современные, пусть даже небольшие, фабрики. Эти минипредприятия не имели ни самостоятельного баланса, ни собственных распорядителей кредитов, не являлись юридическим лицом. Их доходы и расходы учитывались *общим балансом* Округового Совета "Военехот" при Закавказском военном Округе. Окросвет защищал свой сводный баланс в Москве, затем "спускал" план на места, руководил снабжением сырьем, следил за выполнением плана, осуществлял финансовый контроль за деятельностью предприятий и рассылал разнарядку по сбыту продукции, то есть указывал, сколько и каких изделий должен поставлять данный завод тому или иному торговому предприятию. Сверх того, Округовый Совет назначал и увольнял руководителей завода.

Тбилисский завод "Военехот" был типичным предприятием такого рода. Оборудован он был станками, вывезенными из Германии в счет репараций после Второй мировой войны. Эти станки морально устарели и физически износились, они уже не соответствовали новой технологии, часто выходили из строя, а запасных частей к ним не было. При таком оборудовании на предприятии преобладал примитивный ручной труд, что делало его заведомо нерентабельным, не позволяло производить продукцию в количествах, продиктованных спросом по Округу. Здесь необходимо отметить, что каждый военный округ имеет свою собственную торговую сеть — Военторг, и что обмен товарами из одного округа в другой происходит только через систему Военторга, только официально, через Округовые Советы.

Тбилисский завод "Военехот" производил охотничьи ножи, спиннинги, патронташи, шашки и футляры для шашек и т.п. На этом предприятии, как и на других подобных карликовых заводиках системы "Военехот", во множестве работали женщины, инвалиды войны, ремесленники, не имевшие промышленных специальностей, до призыва в армию. Однако здесь же работали и настоящие народные умельцы, способные, несмотря на отсталость технической базы и прими-

тивную организацию труда, производить замечательные вещи, пользовавшиеся большим спросом у любителей охоты.

Закавказский Окружной Совет "Военохот" был довольно крупной организацией: он насчитывал большое количество членов, ему принадлежало предприятие, производственный объем которого выражался в значительных цифрах, а продукция — охотничьи ножи, спиннинги, спортивная одежда — пользовалась спросом у военных. Цехи завода "Военохот" располагались в разных концах города Тбилиси, что создавало дополнительные трудности в работе: изготовление частей происходило, например, в одном цеху, а сборка — в другом, расположенном в противоположном конце города; часто требовалась переброска рабочих из одного цеха в другой; администрация постоянно испытывала трудности, стремясь координировать работу производства и заводского транспорта.

Хотя тбилисский завод "Военохот" получал дефицитную легированную сталь и строго фондируемый акрилатный порошок, остальное сырье было зачастую весьма низкого качества. Например, камыш, необходимый для производства спиннингов, не соответствовал производственному стандарту по длине, поперечному сечению, внешнему качеству. Отходы камыша были огромны. Их сжигали прямо на месте, возле цехов.

Председателем правления Округного общества "Военохот" при Закавказском Военном Округе был полковник Донат Цыганков. Русский по национальности, кадровый военный по профессии, доктор биологических наук по образованию, Донат Цыганков обладал представительной внешностью, интеллигентной манерой поведения, способностью быстро оценивать любую сложившуюся ситуацию. Много лет служа в Грузии, он к русской широте натуры добавил грузинское гостеприимство и широко принимал в своем Округе высоких гостей — генералов, маршалов и адмиралов, — любивших наведываться в Закавказье ради отдыха и охоты. Вследствие своего высокого должностного положения, Цы-

ганков находился в постоянном контакте с партийными, правительственными и военными организациями Тбилиси и Закавказского Военного Округа. Высокие гости никогда не уезжали от Доната без ценных подарков. А изготавливали подарки как раз на руководимых Цыганковым предприятиях. Зато и Цыганкову всегда удавалось "выбить" для своего завода лишнюю тонну металла или другого дефицитного сырья. Он был распорядителем кредитов всех доверенных его попечению предприятий, он назначал и смещал руководителей производства, он определял плановые задания и заключал договора с различными организациями. Вместе с главным бухгалтером Округного Совета он ездил в Москву защищать сводный баланс. Ни одна заявка на получение сырья или оборудования не принималась без его подписи, и ни один денежный документ не мог быть принят банком к оплате, если Донат Цыганков не подписал его. Для осуществления надзора за качеством продукции в его распоряжении был Отдел технического контроля Округного Совета "Военехот". Да он и сам довольно часто выезжал на предприятия, чтобы быть в курсе всех производственных дел. Ему был подчинен и Отдел сбыта и реализации продукции Округного Совета. Административную и финансовую ответственность вместе с ним делили главный бухгалтер Совета Округа Микульский и начальники различных отделов, находившиеся в непосредственном подчинении у Цыганкова.

В ведении Цыганкова находились и магазины Военторга. Самым большим из них был магазин Военторга № 1, директором которого был пожилой грузинский еврей Антошвили. Главный бухгалтер Микульский, русский, сосредоточил весь торговый учет в своих руках. Он же проводил ревизии в магазинах. Он при участии им же назначенной комиссии принимал товарные остатки на складах завода, в цехах предприятий и в магазинах. Эти проверки ни разу не обнаружили ни товарных излишков, ни денежных недостатков в магазине № 1. Ассортимент и количество изделий определял Окрсвет. И на каждом ревизионном акте, свидетельствовавшем,

что все дела находятся в полном порядке, стояла личная подпись главного бухгалтера: "Председатель ревизионной комиссии — Микульский".

Годами Цыганков, рачительный, придирчивый, но в полной мере сведущий в делах хозяин, руководил Окружным Советом "Военохот". Его правой рукой был бухгалтер Микульский. Среди других ответственных лиц следует назвать заведующего отделом снабжения и производства еврея Мошиашвили.

Днями великого напряжения, торжества и силы Цыганкова были дни, когда он принимал в своем Округе высоких гостей — легендарных маршалов Жукова и Рокоссовского, генералов Гусева, Белобородова и др. По установленному обычаю проводились охотничьи пикники с егерями, которые заранее незаметно привязывали дичь к деревьям, так что развлекавшиеся охотой военачальники не знали промаха и уезжали, довольные своей меткостью, охотничьими трофеями и сувенирами, изготовленными на заводе "Военохот" и поднесенными в подарок щедрым Донатом Цыганковым*. Обычным подарком именитому гостю считался ящичек охотничьих ножей, в ящичке — десять пачек по десять ножей, на каждом из которых гравированная монограмма: "К.Р." — Константин Рокоссовский, например, или: "Г.Ж." — Георгий Жуков.

Однако в 1960 — 1961 годах настало время другой охоты, не на лесную дичь, а на людей, особенно на людей еврейской национальности, в связи с усилением репрессии за экономические правонарушения. Завод "Военохот" и сам Окружной Совет ЗАКВО были подвергнуты целой серии проверок и ревизий. В действиях руководителей Совета и завода "Военохот", на котором работало около полутора сотен рабочих, обнаружили криминал. Выяснилось, к примеру,

* В одаривании прославленных полководцев Цыганков был не одинок. Другие организации дарили ящики вина, корзины фруктов и т. п.

что дорогостоящие гравировальные работы к ножам, выполнявшиеся уникальными мастерами вручную, завод оплачивал, выписывая наряды на обычные производственные операции совсем другим лицам, не тем, которые занимались гравированием и потом получали за это немалые деньги. Ревизии установили, что на предприятии, где многое носило кустарный характер, допускались отклонения от государственных норм и расценок, что оплата труда на заводе была выше, чем на родственных государственных предприятиях, что — заметим в скобках — привлекало рабочих именно на этот завод. Одна из ревизий 1961 года установила, что завод занимался выпуском продукции *сверх планового задания из дефицитной легированной стали*, и обнаружила на складе излишки готовых товаров.

Ревизоры, заподозрив получение дефицитного сырья сверх государственных нарядов, проверили все источники поступления на завод фондируемых металлов. Все оказалось в полном порядке. Но какие-то таинственные осведомители продолжали показывать, что завод выпускал *левые ножи, левые спиннинги, левые патронташи*. Из Москвы, из Центрального Ревизионного Управления всей системы "Военехот", прибыли в Тбилиси новые ревизоры. Они установили теоретически, что выпуск готовой продукции не соответствовал указанному в документах количеству полученного сырья, то есть превышал его. Материал ревизий был передан в следственные органы. И поскольку "Военехот" — организация военная, то расследованием занялась прокуратура Закавказского Военного Округа, которую тогда возглавлял генерал-майор юстиции Петухов.

И по делу завода "Военехот" ЗАКВО в 1962 году было арестовано более 20 человек: начальники цехов, некоторые руководящие работники Окружного Совета, председатель Совета Донат Цыганков. Их содержали в следственной тюрьме КГБ. Следственную бригаду ЗАКВО возглавлял подполковник Николай Иванович Стоянов. Болгарин Стоянов был известен как своим откровенным антисемитизмом, так и

тем, что громадный дом в Сухуми сдавал внаем курортникам круглый год, занимая вместе с женой хорошую казенную квартиру в Тбилиси.

Следствие длилось около полутора лет. Все подследственные отрицали свою вину. Лишь один Владимир Иткин, начальник цеха, выпускавшего охотничьи ружья, первый и единственный раз сделал признание в *хищении*, назвав совершенно астрономическую сумму ущерба — 500 тысяч рублей в новом исчислении. Уже на втором допросе Иткин отказался от этих показаний. Он неоднократно рассказывал следствию и суду, что первоначальные признания у него вынудили при помощи недозволенных методов ведения следствия. На стол суда первой инстанции легли 17 томов следственного дела, а место на скамье подсудимых заняли 27 человек: производственники, торговые работники, руководители Окрсовета "Военохот", работники МВД Грузии и чиновники ОБХСС. Обвинение — участие в хищении в особо крупном размере и систематическое получение и передача взяток.

Сумма хищения была принята следствием согласно первым показаниям Владимира Иткина — свыше 500 тысяч *новых* рублей. Якобы на эту сумму было выпущено заводом фантастическое количество *левой* продукции. Обвиняемым была предъявлена статья 86¹ УК ГрузССР, аналогичная статье 93¹ УК РСФСР, введенной в действие после Указа от 5 мая 1961 года. Кроме того, производственникам вменялась передача должностным лицам взяток в особо крупных размерах. Обе статьи — и *хищение*, и *взятки* — предусматривали теперь смертную казнь, хотя сами противоправные действия подсудимых были отнесены ко времени, когда в СССР действовал иной закон.

Дело завода "Военохот" рассматривалось Трибуналом Закавказского Военного Округа несколько раз и тянулось, вместе со следствием, целое десятилетие.

Когда дело слушалось в Трибунале впервые, председательствующий, подполковник Федотов, опорочил качество

доказательств и правомерность исчисленного следствием объема содеянного. Защита, которую осуществляли члены Грузинской коллегии адвокатов Браилковский, Сагинашвили, Гватуа и др., проводилась мастерски и с большой смелостью. Она сумела аргументированно показать всю фантастичность и преувеличенность выводов следствия, она оспорила квалификацию действий подсудимых. И по ходатайству защиты Военный Трибунал после многодневного разбирательства вынес Определение: "Направить дело на дополнительное расследование, ввиду разноречивости и спорности предъявленного суду материала и наличия в деле взаимоисключающих показаний".

На это Определение последовал Частный Протест прокурора ЗАКВО генерал-майора Петухова. Многостраничный текст этого протеста заставляет усомниться, в самом ли деле его сочинил облеченный высокими полномочиями прокурор большого военного округа, а не раздраженный обыватель во всеоружии самых низменных предрассудков. В своем Частном Протесте прокурор патетически вопрошал: кому же следует верить, всяким *Иткиным* и *Мошашвили* или работникам прокуратуры? Что же теперь, если Иткин и другие отказались от первоначальных показаний, значит ли это, что *им* следует верить, а следователям — нет? И если даже завод нынче уже закрыт и нет возможности проверить, соблюдались ли на нем нормы и расценки, то почему же нельзя обратиться за подтверждением к родственным предприятиям? И может ли, наконец, Военный Трибунал позволить себе ронять авторитет прокуратуры, если даже допустить, что в следствии были допущены ошибки?

В целом, Частный Протест Петухова изобиловал грубыми нападка на трибунал, на защиту и т. п.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР в составе генерал-майора юстиции Борисоглебского (председательствующий), генерал-майора юстиции Чистякова, генерал-майора юстиции Цирлинского отклонила Частный Протест прокурора Закавказского Военного Округа Петухова, и дело было

обращено на новое расследование с передачей его в Главную Военную Прокуратуру (ГВП) в Москву. Адвокату Браиловскому, по его просьбе, разрешили выступить в Кассационной Коллегии. Члены Военной Коллегии Верховного Суда СССР прекрасно понимали, какая деликатная ситуация создается в связи с их решением в Тбилиси, где Прокуратура и Трибунал ЗАКВО находились под одной крышей. А вот теперь Трибунал забраковал проведенное Прокуратурой следствие, и Военная Коллегия Верховного Суда приняла сторону Трибунала. Чтобы волки были сыты и овцы целы, было вынесено соломоново решение: следствие передать в Москву, а председателя Трибунала Федотова перевести на должность зампредела Трибунала Ленинградского Военного Округа.

Целая бригада военных следователей, около 60 человек из разных военных округов Советского Союза, выехала в Тбилиси для проведения нового расследования. Возглавил эту бригаду полковник юстиции Сергей Громов. Однако всю сложную работу он перепоручил тому же следователю, который вел первое следствие, подполковнику Николаю Головачеву, а самым авторитетным консультантом для него был оставлен прокурор Стоянов.

Громов заговорил с обвиняемыми прямо и просто: зачем вам нужны сразу две статьи, по каждой из которых можно получить расстрел? Он предложил обвиняемым отказаться от признаний в даче взяток должностным лицам ОБХСС и МВД, объяснив, что в таком случае их обвинят только в хищении и у них появится реальный шанс остаться в живых. Психическая атака, предпринятая Громовым, оказалась действенной: обвиняемые, уже много месяцев сидевшие в следственной тюрьме, уступили — и все военнослужащие МВД, работники милиции и чиновники ОБХСС были из процесса изъяты. И Громов вынес Постановление: "Ввиду того, что подсудимые отказались от показаний против должностных лиц, которым они якобы давали взятки в крупных размерах, а должностные лица и раньше этого не признавали,

— прекратить уголовное дело против... (далее следовали семь фамилий — только русские и грузины) ... и их из-под стражи освободить”.

Итак, количество подсудимых сократилось теперь до 20, а главное — проведение процесса и освещение его в печати уже не грозило оглаской того факта, что правительственные и партийные чиновники вместе с офицерами МВД способствуют противоправной деятельности из соображений прямой наживы. Справедливости ради надо заметить, что метод обложения высоких должностных лиц, примененный полковником Громовым, не был им изобретен. Адвокаты, участвовавшие в процессах по экономическим делам, могут рассказать о множестве подобных случаев. Правда, нельзя сказать, чтобы для уличения во взяточничестве начальников дело проходило вовсе уж без всяких последствий: как правило, вслед за освобождением из-под стражи происходило и освобождение от занимаемой должности.

Бригада Громова придала следствию отчетливую антиеврейскую направленность. Проводится ревизия Центрального Совета ”Военохот” в Москве, проверки сотрясают все родственные Тбилисскому заводу ”Военохот” (уже закрытому к этому времени) предприятия, и на этих родственных предприятиях по воле следствия, принявшего воистину фантастический характер, проводятся производственные эксперименты, на основании которых делаются выводы относительно производственных возможностей и гипотетических доходов уже исчезнувшего завода. При этом нужды нет, что завод ”Военохот” в годы своего существования, как всем мало-мальски знакомым с его делом лицам известно, отличался от тех производств, которые следствие сделало своей экспериментальной базой, что оборудование там было устаревшее, технология — специфическая, а квалификация рабочих — совершенно другая. Из Москвы приезжают специалисты для проведения технологической и бухгалтерской экспертизы. Следственное производство пухнет, достигая уже двух сотен томов: хищение в особо крупном размере,

выпуск *левой* продукции следствие считает доказанными. Идет 1967 год. Дело тянется с 1962-го. Уже введены в действие новые законы, грозящие новыми санкциями за деяния прежних лет. С 1962 года подследственные в тюрьме. Объем хищения новым следствием уменьшен с 500 тысяч до 270, но и эта сумма вполне "тянет" на расстрел.

Огромное сопротивление следствию оказал Донат Цыганков. Он отрицал наличие каких-либо правонарушений, в том числе отрицал хищение и взяточничество. Он разоблачал некорректные методы следствия. Называл имена крупнейших военачальников страны, благодаря которым завод был обеспечен сырьем и которые бесплатно получали от него производимый на заводе спортивный инвентарь. Все сделки, по его настойчивому утверждению, были законными. Следователь Громов и прокурор Стоянов побуждают его сделать виновными в астрономических хищениях только евреев, работавших в Окружном Совете и на заводе; но Цыганков отказывается поддержать такую направленность следствия, хотя в этом случае ему обещаны следствием полное освобождение от ответственности и передача дела в гражданский суд.

Дело назначено ко вторичному слушанию в Военном Трибунале ЗАКВО. Председательствующий — подполковник юстиции Сергей Дзамоев. Обвинение поддерживают три прокурора — два из Главной Военной Прокуратуры плюс уже известный нам подполковник Стоянов. На скамье подсудимых — 20 человек.

Обвиняемые Иткин, Мошиашвили, Цыганков и др. настаивают на вызове в суд свидетеля Нейгебауэра, первого начальника цеха, выпускавшего охотничьи ножи, поскольку следствие утверждало, что все деловые связи с Москвой и обмен сырьем внутри Грузии сложились при нем, и при нем, по версии следствия, начались *левые* операции. На период его руководства цехом следствием отнесена почти половина вмененных обвиняемым противоправных действий. Однако суд почему-то упорно уклоняется от вызова этого свидетеля...

Два человека, привлеченные к ответственности по делу завода "Военохот", оказываются выбывшими из Тбилиси в неизвестном направлении. Их фамилии *Израэль* и *Гильман*. Ежевечерне телевидение показывает их портреты, обращаясь к телезрителям с призывами: "Крупные расхитители народного добра скрылись от ответственности. Помогите следствию! Кто и когда видел этих людей? Кто что-нибудь знает о них?"

Внимание города приковано к процессу. Между тем на процессе происходят горячие споры между обвинением и защитой, при участии обвиняемых. Оспорены выводы всех экспертиз — технической, технологической, судебно-бухгалтерской. Вновь поднят вопрос о некачественности проведенного следствия и необходимости направлять дело на новое доследование. Со стороны защиты к делу приобщены целые тома ходатайств, выкладок, расчетов, первичных документов, которые содержат данные, противоположные тем, на которых основано обвинительное заключение. Суд без всякой мотивации отклонил все вышеперечисленные материалы и ходатайства и перешел к прениям сторон.

Из трех представителей обвинения выступили двое: местный подполковник Стоянов, посвятивший свою речь правонарушениям со стороны работников завода и потребовавший смертной казни для евреев Иткина и Мошиашвили, и представитель Главной Военной Прокуратуры подполковник Боботов, сосредоточивший свое внимание на торговле. Наименьшие сроки Обвинение потребовало для русского Цыганкова и армянина Баблояна.

И тут мы подходим к драматическому эпизоду данного процесса. Слово было предоставлено первому представителю защиты — адвокату Иткина и Антошвили Абраму Браиловскому. Тяжело поднявшись и посмотрев в сторону прокурора Стоянова, Браиловский начал речь: "Гражданин прокурор! Вы не прокурор, а жандарм! Типичный жандарм!.." Он хотел продолжать, но вздохнул, покачнулся и рухнул у стола мертвым.

Через два дня в газете "Вечерний Тбилиси" был напечатан некролог с портретом 49-летнего юриста: "...группа товарищей из Прокуратуры Закавказского Военного Округа и Военного Трибунала с прискорбием извещает... безвременно погиб блестящий юрист, военный, поборник правды, участник Второй мировой войны... наш товарищ... орденосец... мы никогда не забудем..."

В фальшиво-фарисейском некрологе одно слово оказалось воистину словом правды – действительно, Абрам Браиловский* не умер, не внезапно скончался, он именно погиб, не выдержав того бесконечного издевательства над людьми и правосудием, каким являлось многолетнее затянувшееся дело завода "Военохот", в котором Браиловский участвовал со стадии окончания предварительного следствия. Именно непримиримая принципиальная позиция Браиловского определила поведение защиты в целом в этом процессе. Именно благодаря его бескомпромиссности дело было возвращено на повторное доследование. Да и теперь, до последней минуты, он продолжал настаивать на том, что само событие не доказано, что следствие заведомо преувеличило объем содеянного, что следствие полно фальсифицированных данных,

* Абрам Браиловский (1918 – 1967) – в последние годы жизни член Тбилисской городской коллегии адвокатов. До Второй мировой войны работал следователем прокуратуры, затем – прокурором следственного отдела. Член партии. Участник Второй мировой войны, награжденный многими боевыми орденами и медалями. По окончании Второй мировой войны назначен помощником Прокурора Закавказского Военного Округа (Тбилиси). В период повсеместного изгнания евреев с руководящих постов в Советской армии (конец 40-х – начало 50-х гг.) был уволен в отставку, в звании подполковника юстиции.

Поступив на работу в Тбилисскую городскую коллегию адвокатов, очень быстро приобрел значительную практику и популярность. Его стиль работы отличался высокой добросовестностью, доскональным знанием всех мельчайших обстоятельств дела, остротой и находчивостью в судебных прениях, позволявшими ему мгновенно и аргументированно парировать доводы обвинения.

что даже если принять наличие криминала, то вина, вмененная разным лицам, определена неправильно и что, если уж полагать противоправные действия совершенными, то освобождение от ответственности сотрудников МВД, милиции и ОБХСС совершенно неправомерно. В своих ходатайствах Браиловский тревожил Президиум ЦК КПСС, Главного Прокурора страны, высокое военное командование. Блюстители чести прокурорско-следственного мундира стремились под разными предлогами скомпрометировать Браиловского и удалить его из процесса. Прокуратура ЗАКВО не могла простить ему моральной победы в слушании дела по первой инстанции, которое в конце концов закончилось изъятием следствия из ведения Прокуратуры ЗАКВО и передачей его Главной Военной Прокуратуре Союза СССР.

Все время вторичного слушания дела обстановка в суде была накалена до предела. Главный обвинитель Стоянов вел себя недопустимо грубо — сыпал оскорблениями в адрес подсудимых и защиты. В протоколах слушания упоминается неоднократно, что обвиняемые и адвокаты не раз заявляли отвод прокурорам за недостойное поведение в суде, и тогда заседания прерывались, а в совещательной комнате делались попытки урезонить вошедших в раж участников процесса. Это, если и сдерживало страсти, то ненадолго: словно самодур-помещик в своей вотчине, Стоянов кричал, запугивал и оскорблял. То и дело подъезжали к суду кареты скорой помощи, вызванные к тому или иному участнику процесса, сердце которого не выдерживало накала страстей, бушевавших в зале. Иногда помощи врача, оказанной на месте, было недостаточно, и подсудимого или адвоката увозили в больницу.

Когда в своей обвинительной речи Стоянов, ничуть не стремясь хотя бы спрятать свою антисемитскую предвзятость, проговорил с нажимом: *”Они, мешающие нам строить социализм, они — всякие Иткины, Мошашвили, Антошвили и иже с ними...”* и потребовал для двух подсудимых-евреев расстрела, Браиловский воспринял эту речь не только

как национальное оскорбление, не только как наглый произвол власть имущего, попирающего Закон, которому он по роду своих занятий был поставлен на службу, но как крах многолетней веры в то дело, которому была посвящена вся его жизнь. Браиловский был членом Коммунистической партии, так же, как и Стоянов, он состоял в ней не со вчера и еще помнил то время, когда обвинение в антисемитизме было чревато для коммуниста утратой партийного билета. Теперь в этом суде, в этой прокурорской речи торжествовало другое время, когда облеченный доверием представитель власти не стыдился публично вести себя как черносотенец. В этом времени для Браиловского, уже уволенного после войны из армии именно в силу его еврейской фамилии, просто не оставалось места. И громко сказав, что между советским прокурором и царским жандармом он не видит никакой разницы, Браиловский скончался. Выбыл не только из процесса, но из жизни. Навсегда.

Смерть адвоката, отказ его подзащитных Иткина и Антошвили от услуг случайных заместителей, назначенных городской коллегией только для произнесения защитительных речей (с чем они все равно не могли бы квалифицированно справиться, поскольку не были знакомы с делом, уже насчитывающим три сотни томов), то, что эти двое подсудимых остались без защиты на самой ответственной стадии процесса, — все это не помешало трибуналу военного округа вынести "справедливый" приговор: Иткину — 12 лет лагерей усиленного режима, Антошвили — 10. Разумеется, с конфискацией имущества. Мошиашвили был осужден на 15-летний срок. Другие подсудимые — к разным срокам лишения свободы. Донат Цыганков получил 3 года, однако под стражу не был взят (после возвращения дела на доследование он был освобожден) до вступления приговора в законную силу.

И в этом деле, как и во всех "экономических" делах, несмотря на участие квалифицированных юридических работников и авторитетных следственных учреждений, главной чертой было открытое нарушение закона.

На этом-то этапе, после драматической смерти Браиловского и оглашения приговора, я была приглашена в качестве адвоката семьями Иткина и Антошвили, оставшимися без помощи защитника.

Я предъявила свои ордера секретарю Военного Трибунала ЗАКВО Александру Ивановичу Андрееву. Его льстивая угодливость заставила меня насторожиться. И недаром. Первый же разговор с председателем Трибунала генерал-майором Комнатным только усилил ожидание подвоха.

— В Москве, говорят, у вас много знакомых?

— Простите, — говорю, — а какое это может иметь отношение к моему приезду в Тбилиси в связи с известным вам делом? Естественно, у меня, у коренной москвички, в Москве знакомых немало. Но наверняка люди, знающие меня, найдутся и здесь, в Тбилиси.

Тут заглядывает в дверь некий подполковник юстиции и проходит мимо. Но лицо его мне знакомо — это мой институтский однокашник. Как раз кстати. Спрашиваю генерала Комнатного:

— Это был не Ефим ли Борейша?

— Да, — отвечает он и звонит секретарю, чтоб попросил Борейшу прийти.

Вошедший Борейша смотрит на меня с удивлением.

— Женя, ты? Какими судьбами? Мы не виделись с тобой, наверное, лет двадцать. наших институтских здесь, в Тбилиси, немало. Вадима Аршавского помнишь? Он теперь генерал и прокурор Закавказского Военного Округа.

— Видите, товарищ генерал, — обращаюсь я к Комнатному, — я оказалась права: у меня и в Тбилиси есть знакомые. Да и что предосудительного в том, что у работающего человека есть много знакомых коллег? Что бы вам еще хотелось знать обо мне, чтобы и меня довести "до кондиции", как Браиловского?

Я держусь подчеркнуто резко, чтобы дать понять: я не допущу, чтобы за мной была установлена слежка, чтобы здесь занимались разработкой моего "досье", проверяя не

идущие к делу данные. Встреча с Борейшей поддерживает меня: он вспоминает мою былую студенческую активность, мои аспирантские исследования, перебирает имена погибших сокурсников, говорит о моем муже... Генерал скисает. Что бы он ни имел в виду, намекнув на мои обширные знакомства: еврейскую ли солидарность и предприимчивость, или то обстоятельство, что здесь, в иных условиях, мне, в отличие от столицы, опереться не на кого, — ни угрозы, ни сарказма не получилось.

Приступаю к ознакомлению с делом. Протокол судебного заседания еще не готов — как раз сейчас его печатанием заняты два секретаря. Каждую отпечатанную страницу они немедленно относят на прочтение и корректуру некоему подполковнику. Спрашиваю, кто это, — и получаю удивительный ответ: оказывается, протокол судебного заседания редактирует... сам прокурор Стоянов.

Для квалифицированного вхождения в суть дела мне необходимо было бы познакомиться с характером производства, увидеть расположение цехов, взглянуть на продукцию завода. Но — увы! — завод давно закрыт, производство ликвидировано, и знакомиться не с чем. С этой, казалось бы, непреодолимой трудностью сталкивается и следствие, проводимое Главной Военной Прокуратурой под руководством полковника юстиции Громова, но знакомство с истинным положением вещей следственные работники с успехом заменяют уже упомянутыми выше производственными экспериментами на схожих предприятиях, и, соответственно, аргументация следствия строится на этих экспериментальным путем полученных "доказательствах".

Сообщив из Москвы в тбилисский Трибунал телеграммой о своем согласии защищать Иткина и Антошвили и получив из Трибунала телеграфное подтверждение, что могу приезжать, я не ожидала, что по приезде застану судебный протокол в процессе изготовления, которое грозит занять еще три-четыре месяца. Однако кассационный срок идет, и предварительная жалоба должна быть подана.

И вот я сижу и знакомлюсь с материалами дела, о которых читатель уже знает: с томами первоначального следственного производства, с первым Определением Военной Коллегии об отклонении протеста прокурора Петухова, с постановлением об изъятии этого дела из ведения прокуратуры ЗАКВО и передаче его Главной Военной Прокуратуре... Другую группу материалов я получила от родных моих подзащитных и от вдовы адвоката Браиловского: копии всех актов ревизий, все ходатайства защиты, все обращения в вышестоящие инстанции, выписки из протоколов допросов в следствии и в обоих судебных слушаниях дела и тезисы той защитительной речи в Трибунале, которую начал, но не смог произнести до конца Абрам Браиловский. Разумеется, в моей работе очень важную роль сыграли беседы и консультации с адвокатами, защищавшими других обвиняемых в этом процессе, Ш. Гватуа и А. Сагинашвили.

Я получаю разрешение на встречу с моими подзащитными, находящимися теперь уже в общей тбилисской тюрьме. И хотя вовсе не нуждаюсь в опеке, меня берется сопровождать секретарь трибунала Андреев...

Сперва я встречаюсь с Владимиром Иткиным. Немолодой уже человек не снимает теплой шапки, чтобы не обнажать передо мной бритую арестантскую голову. Вид у него подавленный, а взгляд настроенный: три тюремных года одарили его опытом, не располагающим к доверчивости и оптимизму. Атмосфера нашей первой встречи весьма натянутая, чему немало способствуют, во-первых, эпизодические "случайные" появления Андреева, а во-вторых, своеобразное устройство кабинок для бесед, перегородки в которых до потолка не доходят. Ясно, что при желании можно не только услышать, но и увидеть, что происходит в кабинках. Разговор наш касается преимущественно биографии Иткина. Инженер-механик, на иждивении которого большая семья: жена, двое детей, престарелые родители. Впрочем, за время его пребывания в тюрьме отец Иткина умер от разрыва сердца, измученного безнадежными хлопотами за сына. Отец об-

ращался во все инстанции, надеясь, что его авторитет старого коммуниста с еще дореволюционным стажем и опытом подпольной борьбы, заставит власти потребовать справедливого и объективного разбора дела его сына. Но все было напрасно.

Приговор сыну убил отца. В газете "Вечерний Тбилиси" "группа друзей" сокрушалась по поводу "безвременной кончины старого большевика" с тем же официальным лицемерием, с каким до этого оплакала Браиловского.

Сам Владимир Иткин – участник Второй мировой войны, награжденный орденами за боевые заслуги. Послевоенная кадровая политика (официальный эвфемизм, которым прикрывают ограничение евреев при приеме на руководящие должности в промышленности и других областях) не позволила ему вернуться на довоенное место работы, несмотря на соответствующее образование, солидный стаж и прекрасные характеристики. Открылась вакансия на заводе "Военохот" – он поступил туда и в скором времени завоевал авторитет и доверие, внес много усовершенствований в производственный процесс. После ухода Нейгебауэра принял на себя заведование цехом охотничьих ножей. В плане организации взаимоотношений цеха с Окружным Советом или ведения документации сохранялась полная преемственность. При начальнике цеха Иткине все шло так же точно, как при Нейгебауэре.

Потрясенный смертью своего адвоката Браиловского, Иткин чувствовал себя оставленным на произвол судьбы. Появление адвоката-женщины на первых порах не вселило в него больших надежд: где ей поднять такое сложное дело... Эти свои опасения мой подзащитный выражал совершенно прямо и искренне. Я сообщила ему, что располагаю всеми материалами, которые были в распоряжении Браиловского, и намерена обеспечить преемственность в защите. После выяснения биографических подробностей я попросила моего клиента помочь мне разобраться в технологических деталях и обстоятельствах организации производства. С юридичес-

кими обоснованиями для обжалования приговора я рассчитывала справиться сама.

Мы встречались с Иткиным каждый день для обсуждения того объема следственного производства (достигшего к этому времени более 300 томов), который мне удавалось "начитать" накануне. По записям Брайловского мы разбирались в нарядах — здесь крылись для покойного адвоката основания для спора с приговором. Я уверила Иткина, что не уеду из Тбилиси, пока не разберусь досконально в деле и пока у него не появится уверенность, что он может положиться на своего адвоката. И, конечно, я вернусь, как только протокол судебного следствия будет готов.

Наступает день, когда мы достигаем взаимопонимания. Иткин проникается доверием ко мне и начинает помогать разбираться в производственных вопросах. Он соглашается с моей схемой защиты. Анализируя экспертные заключения, задаю своему подзащитному многие вопросы. Иткин категорически отрицает хищение в каких бы то ни было размерах. Но он признает должностные правонарушения, развившиеся в неправильном заполнении нарядов, в оформлении сложных граверных работ через другие, более простые операции и т. п. Я приношу ему текст предварительной касационной жалобы, которую впоследствии, после оформления протокола суда, заменит подробная жалоба в Военную Коллегию Верховного Суда СССР. Одновременно мы обсуждаем текст жалобы самого Иткина, с которой он обратится в Военную Коллегию: она должна сделать упор на техническое инженерное обоснование невозможности выпуска *левой* продукции в цехе охотничьих ножей вообще, и в особенности в том астрономическом объеме, который был предъявлен моему подзащитному следствием и обвинением.

Иткин немного воспрял духом.

Мой второй подзащитный Давид Антошвили был ни в чем не похож на первого. В тюремном кабинете мне предстал старый еврей в обтрепанном халате, придерживающий незастегнутое нижнее белье одной рукой. Увидев меня, он

заплакал. Он едва говорил по-русски. Но не только это затрудняло общение с ним: Антошвили был тяжелый гипертоник, перенесший уже в тюрьме инфаркт миокарда; почти все время заключения он находился в тюремной больнице; сосредоточиться в разговоре на поставленных мною вопросах он почти не мог; вдобавок он плохо видел. Выясняю, что бывший директор головного магазина грузинского Венторга человек малограмотный. Он проработал в этой должности много лет, имея лишь премии и благодарности, и ни одна из многочисленных плановых и внеплановых ревизий магазина никогда не обнаруживала каких-либо нарушений в его работе.

Антошвили — отец двоих детей, дед трех внуков. Под стражей он содержится уже четвертый год. Он категорически отрицает, что через его магазин происходила продажа неучтенной продукции, якобы выпущенной заводом "Военхот". Раз в три месяца, поясняет он, комиссия под председательством главбуха Окружного Совета Микульского проводила в магазине снятие остатков, и никогда не было случая наличия товарных излишков. Он утверждает, что товары получал строго по нарядам, выписанным в Окрсовете. Его магазин не имел самостоятельного баланса, а значился составной единицей в сводном балансе Окрсвета.

Я спрашиваю: чем конкретно он может опровергнуть пункты обвинения. Антошвили достает свои записи — это каракули малограмотного человека, в которых не только посторонний, но и он сам разбирается с трудом. Но даже и эти записи были им сделаны в тюрьме во время чтения материалов предварительного следствия. На процессе же, всецело полагаясь на своего адвоката Браиловского, Антошвили не делал записей вообще. Мне предстояла защита обвиняемого, который в силу специфических особенностей его личности мало чем мог помочь адвокату в его работе. Главное, на чем настаивал Антошвили, было *полное отсутствие какого бы то ни было криминала во вверенном ему магазине.*

Последующее знакомство с делом подтвердило, что

следственные органы проверили все без исключения торговые точки военного ведомства на территории СССР и нигде не обнаружили никаких товаров (охотничьих ножей и др.), которые они получили бы от Антошвили, и никаких документов, которые свидетельствовали бы о том, что такие товары поступали от него когда бы то ни было.

Я углубилась в акты ревизий за весь период работы Антошвили в магазине, когда он был материально ответственным лицом. Предварительная кассационная жалоба в защиту Антошвили, направленная мною в Военную Коллегию Верховного Суда СССР, схематично излагала основания, по которым я считала приговор, вынесенный Антошвили, неправомерным и подлежащим отмене.

Прошло еще полгода: я вернулась в Москву и продолжала изучать все материалы дела Иткина и Антошвили в Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Протокол суда все еще "оформлялся" в Тбилиси. Когда этот капитальный труд был наконец завершен, я представила Военной Коллегии две подробные жалобы (более 140 страниц), обосновывавшие требование отмены приговоров Иткину и Антошвили. В Москву приехал прокурор Стоянов, собиравшийся сам выступить на Коллегии и готовивший свои возражения на жалобу адвокатов. Его собственноручные пометки адвокаты находили прямо на оригинальных листах своих жалоб, поданных в Коллегию.

Большой интерес представляла двухтомная жалоба осужденного Доната Цыганкова: она обнаруживала многочисленные нарушения закона, имевшие место на разных стадиях прохождения данного дела; но, помимо этого, в жалобе что называется "открытым текстом" обозначались подробности, о которых нечасто говорят вслух. Обращаясь в Военную Коллегию, Донат Цыганков рассказывал, как он сам приказывал производству изготавливать памятные подарки для гостивших в Грузии высоких генеральских чинов, во что эти подарки обходились заводу, как оплачивалась индивидуальная работа мастеров-граверов. Он раскрыл меха-

нику оформления оплаты этих уникальных работ, на которые, конечно, не существовало никаких расценок и нарядов. Цыганков подробно, называя имена, описал, как следователи вымогали у него показания только против замешанных в деле евреев. В этой связи он упомянул прокурора Стоянова, следователя Головачева, руководителя следствия Главной Военной Прокуратуры Громова: *”Указанные лица прямо предлагали мне оговорить евреев, обещая, что тогда дело будет изъято из военного ведомства и перейдет в гражданское. Скажи, дескать, Цыганков, что они, эти евреи, тебя опутали, и ты им передоверил все! Мы тебя вызволим – ты только дай показания на них и откажись от активного руководства производством! (В иных случаях они называли евреев более оскорбительным словом.) Я не поддался этим домогательствам следствия и не поддамся и впредь. Моя ответственность равная со всеми. Но ни хищения, ни взятки я не признавал и не признаю”*.

Многое в жалобе, принесенной Цыганковым, ставило под сомнение правомерность приговора, и в своем устном объяснении Коллегии я опиралась на факты, приведенные им. У суда, как и у следствия, было отчетливое желание выгородить полковника Цыганкова, русского человека, видного офицера, занимавшего высокую должность председателя Окружного Совета ЗАКВО и связанного по службе с еще более важными лицами. Поэтому первоначально арестованный вместе со всеми другими обвиняемыми и деливший вместе с ними весь объем вменения, Цыганков был впоследствии осужден за *халатность*, приговорен к 3 годам лишения свободы, которые поглощались амнистией, и таким образом после суда был из-под стражи освобожден. Но Цыганков не соглашался на сделку с правосудием и добивался для себя только одного: *оправдательного приговора*.

Моя жалоба (80 страниц) по делу Владимира Иткина содержала следующие доводы:

1. Как первоначальная сумма исчисленного ущерба, определенная в 500 тысяч *новых* рублей, так и та, которую

признал Военный Трибунал Округа, уменьшенная до 270 тысяч, одинаково основаны на теоретических выкладках, а не на фактических данных. Уже к началу следствия завод был ликвидирован за нерентабельностью. Все доводы следствия опираются на эксперименты, проведенные на родственных предприятиях в 1962 – 1964 гг., хотя вменены подсудимым противоправные действия, относящиеся к периоду, начиная с 1958 года, – когда на заводе "Военхот" все (технология, сырье, объем производства) было иным. На этом основании защита оспаривала выводы всех экспертиз, включая бухгалтерскую, как чисто умозрительные и методологически порочные.

2. Анализ показаний свидетелей, на которые опиралось обвинение, обнаруживал многочисленные противоречия. Внимание Кассационной Коллегии обращалось на необъективные показания свидетелей, лично заинтересованных в исходе дела. Приводились подлинные показания о том, что следователи вымогали у свидетелей показания против евреев, предлагая "не щадить иткиных, гильманов и прочих". Отмечалось недостойное поведение следователей, позволявших себе угрозы по отношению к подследственным и свидетелям, насмешки и оскорбления их национального достоинства. Приводился вопиющий факт провокационных действий прокуратуры, заславшей своего человека на дом к Иткину для вручения взятки.

3. Обращалось внимание Кассационной Коллегии на немотивированное освобождение от ответственности Нейгебауэра, руководившего цехом охотничьих ножей до вступления в эту должность Иткина, хотя приговор вменял Иткину противоправные действия, совершенные в цехе за время руководства Нейгебауэра, когда Иткин там вообще не работал.

4. Приводились данные производственно-технологического анализа, нормы расхода сырья и расценки заработной платы на единицу изделия. Указывалось, что Иткин не имел никакого отношения к получению сырья и к производственному процессу в других цехах. В связи с этим оспаривалось

вменение Иткину противоправных действий, ответственность за которые должны были нести другие лица. Защита подчеркивала, что суд вслед за следствием встал на путь объективного вменения.

5. Защита оспаривала наличие хищения по делу в целом и в действиях Иткина в частности. Защита просила квалифицировать действия Иткина как должностное преступление, выразившееся в оформлении нарядов на иные виды работ, чем те, которые производились в действительности, и ходатайствовала об освобождении Иткина из-под стражи, поскольку он уже отбыл в заключении все сроки, полагающиеся по данной статье.

6. В жалобе делалась попытка привлечь внимание Кассационной Коллегии к недопустимой антисемитской направленности дела в целом и к незаконному освобождению от ответственности по этому делу должностных лиц МВД и ОБХСС Тбилиси.

Кассационная жалоба самого осужденного Иткина была посвящена инженерно-производственному анализу материалов дела и раздутому до абсурда объему вменения. Сухо и доказательно Иткин опровергал все выводы всех экспертиз, категорически отрицая хищение в каком бы то ни было размере. Часть жалобы содержала описание недостойных приемов следствия, а именно: издевательств над его национальностью, провокационной попытки прокуратуры навязать ему взятку, намеренно оказанного давления на психику заключенного, которому в период его пребывания, кстати сказать, незаконного, в одиночной камере давали слушать записанный на магнитную пленку женский и детский плач, с тем, чтобы уверить, что его жена и дети находятся тут же в тюрьме*; как писал в своей жалобе Иткин, именно этим способом следствие надломило его волю и вынудило на первом допросе оговорить себя и других, привлеченных по этому делу лиц, назвав гиперболическую и произвольную сум-

* См. выше аналогичный эпизод, рассказанный Д. Пойзнером.

му якобы похищенного; далее Иткин перечислял свои жалобы прокурору, в которых он отказывался от оговора и на которые не последовало никакого ответа.

Во второй жалобе, поданной по делу осужденного Давида Антошвили, защита просила приговор в отношении Антошвили отменить, дело производством прекратить и освободить Антошвили из-под стражи. Это требование обосновывалось следующими пунктами:

1. Сохранившаяся документация магазина, которым заведовал Антошвили, исключала наличие какого-либо криминала: все инвентаризации, все ревизии, как плановые, так и внеочередные, проведенные главным бухгалтером Окружного Совета Микульским, устанавливали должный порядок в отчетности, отсутствие товарных излишков, соответствие "прихода" и "расхода", отсутствие какого-либо товара, который мог бы быть расценен как *левый*.

2. Антошвили не имел никакого отношения к производству. Тем не менее ему была вменена вся сумма хищения, якобы как соучастнику противоправных действий на заводе. Применению такого недозволенного принципа "солидарного" вменения не помешало даже то обстоятельство, что период заведывания магазином Антошвили не совпадал с тем отрезком времени, за который противоправные действия на заводе были вменены подсудимым-производственникам. Защита указывала, что Антошвили сделали ответственным за несодержанное и за действия лиц, с которыми он не имел ничего общего.

3. Защита указывала на возмутительные действия следователей по отношению к подсудимому Антошвили. Следователи, как писал об этом в своих жалобах покойный адвокат Браиловский, не называли Антошвили иначе как "жид", угрожали, что "вздернут на виселицу", если он не откажется от оговора должностных лиц (хотя Антошвили об этом вообще не допрашивали). Малограмотный Антошвили не мог ознакомиться с текстом протоколов собственных допросов, которые он подписывал только первой буквой своей фамилии.

4. Защита указывала, что по непонятным причинам главный бухгалтер Миккульский оказался вообще освобожден от ответственности и проходил по делу Антошвили... как свидетель.

5. Особо отмечалась напряженная обстановка, сопутствовавшая всему ходу судебного разбирательства, атмосфера антисемитской травли подсудимых и их адвокатов, которая привела к смерти адвоката Браиловского в самый момент произнесения защитительной речи в пользу Иткина и Антошвили и оставила последних без защиты на заключительном этапе судебного слушания.

6. Из субъективных обстоятельств, на которые защита стремилась обратить внимание Кассационной Коллегии, указывалось плохое состояние здоровья Антошвили, перенесшего в тюрьме инфаркт миокарда, страдавшего тяжелой формой гипертонической болезни и почти ослепшего за четыре года пребывания в следственном изоляторе КГБ.

7. По делу Антошвили, как и по делу Иткина, защита оспаривала наличие хищения, то есть действий, подлежащих статье 86¹ УК Грузинской ССР, введенной 31 мая 1961 года.

Когда дело завода "Военохот" слушалось в Военной Коллегии Верховного Суда СССР в первый раз (после протеста по поводу Определения Военного Трибунала ЗАКВО под председательством генерал-майора Петухова, вернувшего дело на доследование), им занимался суд, состоявший исключительно из генерал-майоров юстиции: председательствующий — генерал-майор юстиции Борисоглебский, вместе с генерал-майором юстиции Цирлинским и генерал-майором юстиции Чистяковым. Теперь — при рассмотрении кассационных жалоб осужденных и их защитников — Военная Коллегия собралась в составе генерал-майоров юстиции Цирлинского, Лысенко, председательствующим, вместо умершего за это время Борисоглебского, был другой генерал-майор юстиции — председатель Военной Коллегии Дмитрий Терехов. Стоянову, деятельно готовившемуся отразить жалобы защитников и осужденных, выступать, однако, не разреши-

ли, а заключение по делу давал представитель Главвоенпрокуратуры. Дело докладывал полковник юстиции А.Н. Гришин, изучавший дело параллельно со мной. Слушание дела в кассационном суде продолжалось четыре дня.

Мои грузинские коллеги и московский адвокат Дабужский, осуществлявший со стадии кассационного производства защиту осужденного Баблюяна, были единодушны в отрицании хищения и определенного судом объема ущерба. Особенно яркой была защита осужденного Мошиашвили, которую осуществлял старейший адвокат Грузии А. Н. Сагиношвили: он резко говорил о грубых нарушениях закона, имевших место в этом деле, об антисемитизме, проявленном следователями и работниками прокуратуры ЗАКВО.

Мои объяснения в защиту Иткина и Антошвили продолжались целых два дня. Вопросы были разные, порой не без ехидства. Отвечать надо было сразу, стараясь убедить людей многоопытных и привыкших к людским страданиям. Требовалось подтвердить доказательствами антисемитскую направленность следствия и суда, на которую жаловались мои подзащитные и осужденный Цыганков. Требовалось доказать, что Прокуратура ЗАКВО предприняла провокацию, стараясь подsunуть Иткину взятку. Меня спросили, чем вызван протест против освобождения от ответственности работников МВД и ОБХСС: разве моим подзащитным было бы лучше, если б эти люди оставались на скамье подсудимых? Были, правда, и другие вопросы, свидетельствовавшие о знакомстве с делом в целом и о знании существа отдельных эпизодов.

Слушание проходило в обстановке кабинетного спокойствия. Никого не перебивали. Но судьи съезживались и напряженно молчали, когда слушали объяснения Цыганкова. Последний напрямик называл фамилии прославленных маршалов и генералов, которых он одаривал продукцией "своего" завода, и повествовал о способах завуалированно показать в отчетности производство этой "подарочной" продукции. Он рассказывал, как следователи подстрекали его ого-

ворить евреев, взвалив всю вину на них, и ручались, что в этом случае освободят его от тюрьмы; как он не захотел поступиться совестью и истиной и во что это обошлось для него в приговоре.

В перерыве председательствующий Терехов сказал мне в присутствии многих: "Большое вам спасибо, товарищ адвокат! Ведь мы совершенно не знаем хозяйственных дел. Для нас это – скучное дело. А вы все так подробно и со вкусом изложили, что Коллегия просила меня передать вам благодарность за такое изложение и за глубокое знание дела!" Эта неожиданная похвала воодушевила меня – появилась надежда...

Случай разъяснил наконец загадку бережного отношения тбилисской прокуратуры к предшественнику Иткина на посту начальника цеха охотничьих ножей Нейгебауэра, и произошло это именно в те дни 1968 года, когда дело должно было начаться слушанием в Кассационной Коллегии Верховного Суда СССР. С самого начала мои подзащитные Иткин и Антошвили говорили, что для них выгораживание Нейгебауэра не представляется загадочным: всему городу известно, что председательствующий в Трибунале подполковник Дзамоев приходится Нейгебауэру свойственником – они жены на родных сестрах. Я не включила это соображение в жалобу, найдя его недоказанным, известным мне только со слов, да и без того хватало объяснений и обоснований в несколько слоев. Однако в жалобах других осужденных и их адвокатов этот факт приводился. Неожиданно он приобрел документальное подтверждение: родственники осужденных прислали в Москву своим адвокатам вырезку из газеты "Вечерний Тбилиси", содержащую траурное объявление, в котором зятя Дзамоев и Нейгебауэр с прискорбием извещали о смерти тещи. Этот печальный документ, о существовании которого я и не подозревала, был незамедлительно представлен в Коллегию, которая запросила у архива Закавказского Военного Округа личное дело Дзамоева, а у него самого – объяснения по поводу вышеизложенных обстоятельств. Все-

го этого мы, адвокаты, занимавшиеся этим делом в Москве, тогда не знали. Подполковник Дзамоев предстал перед соответствующей комиссией в Тбилиси, потребовавшей от него объяснений в связи с выгораживанием от ответственности его родственника Нейгебауэра. Содержание этих объяснений осталось неизвестным. Но подполковник Дзамоев скоропостижно умер в Тбилиси как раз накануне открытия кассационного суда в Москве. Так добавилась еще одна смерть в этом деле, уже богатом смертями.

Между арестом, первым слушанием в Тбилиси, кассационным судом в Москве, вторым слушанием и новым кассационным судом прошли годы. Уже некоторые осужденные вышли на волю по отбытии срока наказания, некоторые успели умереть. В тюрьме оставались три еврея — Мошиашвили, Иткин, Антошвили, и один армянин — Баблоян. Цыганков, как уже говорилось раньше, был на свободе.

И вот летом 1968 года определением Военной Коллегии Верховного Суда было принято решение:

1. Общую сумму вмененного ущерба снизить с 270 тысяч рублей до 50 тысяч, признав ее, однако, как хищение в особо крупном размере. Квалифицировать противоправные действия как хищение общественной собственности (а не государственной) — согласившись в этом с доводами защиты.

2. Срок наказания Мошиашвили снизить с 15 лет до 12.

3. Срок наказания Владимиру Иткину снизить с 12 лет до 10, исключив из обвинения эпизод получения взятки, предпринятый прокуратурой с провокационной целью.

4. Освободить от дальнейшего наказания Давида Антошвили, ограничившись сроком, фактически отбытым.

5. Освободить от дальнейшего наказания осужденного Баблояна, ограничившись сроком, фактически отбытым.

6. Приговор Цыганкову (3 года лишения свободы за халатность) оставить в силе, учитывая, что амнистией судимость с него снята.

Кроме всего этого, в адрес прокуратуры (ЗАКВО и Глав-

ной) было вынесено *частное определение*. Его нам не зачитали. Впоследствии в материалах дела его тоже не оказалось, хотя устно о нем было заявлено после оглашения определения по существу дела.

Антошвили и Баблоян вернулись из лагерей домой. Мошиашвили и Иткин оставались в тюрьме. Шел шестой год их заключения. Можно было думать, что это, хотя и не "хэппи-энд", но некое завершение трагического многолетнего дела. Однако это был лишь конец первой главы.

ВТОРОЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ЗАВОДА "ВОЕНОХОТ"

В 1970 году в Прокуратуру ЗАКВО обратился некий 47-летний гражданин с заявлением, что он – Владимир Израэль, много лет разыскиваемый в связи с делом завода "Военохот". Никто не помнил этого имени и не понимал, зачем он явился в прокуратуру. Ему пришлось просидеть несколько часов в коридоре, дожидаясь опознания, пока уже знакомый нам следователь подполковник Головачев, вызванный специально из дому, снял с него первый допрос и распорядился препроводить его в следственную тюрьму КГБ. Так началась вторая трагическая глава в деле завода "Военохот", которую следовало бы озаглавить "Реванш, или Десять лет спустя".

Это был тот самый Владимир Израэль, начальник цеха спиннингов, которого, как и старшего мастера Гильмана, не оказалось ни в Тбилиси, ни в Грузии, когда арестовали в 1962 году всех руководителей производства. Это на них был объявлен Всесоюзный розыск, и, пока шло следствие, телевидение ежедневно демонстрировало их портреты, призывая зрителей: "Помогите следствию в поимке важных государственных преступников!"

Из-за ненахождения Гильмана и Израэля дело не было закрыто, и на титульных листах его стоял гриф: "ХРАНИТЬ 25 ЛЕТ".

По оперативным данным были получены сведения, что

разыскиваемый следствием Гильман скончался и похоронен в Ленинграде. Судебно-медицинская экспертиза, прибыв на ленинградское кладбище, произвела эксгумацию трупа и установила: "эксгумированный труп принадлежит скрывавшемуся от следствия Гильману. На основании чего, в соответствии с законом, дело о Гильмане следует прекратить. Прекратить также Всесоюзный розыск названного лица за смертью последнего".

И вот теперь последний из могикан, связанный с незакрытым делом "Военохот", добровольно отдался в руки правосудия.

Отец и жена Владимира Израэля обратились ко мне с просьбой взять на себя его защиту. Они руководствовались тем соображением, что я хорошо знаю дело "Военохот" и мне будет легче войти в него, чем новому адвокату. Я согласилась. В 1971 году прокуратура ЗАКВО уведомила меня об окончании следствия, и я немедленно выехала в Тбилиси, захватив с собой все имевшиеся у меня материалы по предыдущему делу "Военохот".

Израэля, сидевшего в следственном изоляторе КГБ, долгое время вообще не тревожили вопросами. А когда допросы наконец начались, то следствие интересовалось одним-единственным обстоятельством: "Где скрывался 10 лет? Кто помогал скрываться от правосудия?" На требование подследственного зафиксировать факт его добровольной явки в прокуратуру, следователь Головачев и прокурор Стоянов отвечали градом насмешек: "Да неужто надеешься на добровольную явку? Ничего тебе не поможет! Это дело стоило нам больших неприятностей, задержало продвижение по службе. Но мы посчитаемся с тобой за всех гильманов, хаймовичей и израэлей вместе взятых!" Содержание этих издевательских реплик зафиксировано в жалобах подследственного Израэля на имя прокурора округа Вадима Аршавского, на которые в тюрьму КГБ поступили ответы на типографском бланке: "...указанные в заявлении факты не подтвердились". Никто, правда, не позаботился расспросить Израэля об этих фактах.

Но и ответы, и равнодушие к жалобам заключенного — вещь обычная.

Новое следствие шло по следам старого уголовного дела, опираясь в своей работе на уже все 310 томов предыдущего следственного и судебного производства. Бывшему начальнику цеха спиннингов Владимиру Наумовичу Израэлю вменяются текстуально и полностью все действия работников завода и магазина. Следствие, однако, как ни сожалеют об этом производящие его лица, не может выйти за рамки Определения Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Новое следствие длится год. Свидетелей допрашивают о событиях пятнадцатилетней давности (начиная с 1958 года). Они плохо помнят детали. И, чтобы "освежить" их память, им зачитывают их собственные показания, данные 10 — 12 лет назад по первому процессу завода, помогая вспомнить то, что уличает Израэля. Следствие добивается особенной активности от свидетелей, которые, если принять за данное, что доказан сам криминал, должны были бы разделить скамью подсудимых вместе с подследственным Израэлем или теми производственниками, которые были осуждены прежде. Уже Израэлю вменяются действия по всему заводу и по магазину тоже. Уже он должен нести ответственность за хищение в крупном размере (на сумму 50 тысяч рублей) солидарно с другими уже осужденными ранее лицами.

Следствие не желает принять во внимание явку с повинной. В своей аргументации следствие исходит из одного главного постулата: Израэль — заведомый преступник, и доказательство этому — его десятилетнее отсутствие. Постановление об аресте Израэля указывает, что ему предъявлена статья 86¹ УК Грузинской ССР, предусматривающая как одну из мер наказания расстрел, и явка с повинной не имеет значения, поскольку не существует срока давности за преступления данного вида. На этот раз даже не возникает речи о взятках должностным лицам — ведь сами эти лица давно освобождены от ответственности. Проводится целая серия очных ста-

вок, во время которых далеко не все свидетели подтверждают версию следствия по отношению к Израэлю. Но такие свидетели не попадают в список обвинительного заключения, переданный суду. Израэль сам ходатайствовал о вызове группы свидетелей, либо осужденных ранее, либо освобожденных от ответственности по делу завода "Военхот", которые могли бы охарактеризовать его производственную деятельность. Ему в этом было, разумеется, отказано. Без внимания были оставлены его обращения к прокурору с жалобами и ходатайствами по поводу враждебного отношения следователей к нему, по поводу нарушения процессуальных норм, по поводу ущемления его элементарных прав, выразившемся в лишении посылок и тому подобном.

В 1971 году, приехав вновь из Москвы в Тбилиси, я отправилась в следственную тюрьму КГБ для первого свидания с моим подзащитным.

Новое дело представляет собой целые тома "избранных страниц" из старого 310-томного дела "Военхот" плюс тома нарядов, выписанных рабочим завода. Следователь Головачев — мой старый знакомый, но встречает он меня без всякой радости: "Как вам удалось вторично попасть в это дело? У вас связи в Москве? И вы думаете, что вам по этому делу удастся чего-нибудь добиться? А не думаете ли вы, что ваша высокая квалификация только повредит Израэлю в глазах суда? Лучше бы ему положиться на какого-либо местного среднего адвоката. Ведь, по правде говоря, ему все равно ничего не поможет". Все это следователь намеренно говорит в присутствии Израэля, человека седого и угрюмого, почти старого на вид, несмотря на его совсем не древний возраст. Я не намерена давать себя в обиду и требую, чтобы следователь изменил тон, хоть мы и беседуем в цитадели, где он чувствует себя особенно уверенно, во внутренней тюрьме КГБ, но где мой подследственный — и это так же хорошо известно моему собеседнику, как и мне, — находится совсем не по Закону.

Я приношу жалобу прокурору ЗАКВО генерал-майору

Вадиму Аршавскому на недопустимые приемы следствия, которыми пользуется следователь Головачев. Аршавский ядовито любезен: "Все будет в порядке. Я улажу этот конфликт. Хотя, по совести говоря, это дело треплет нам нервы вот уже десять лет". Я предлагаю вспомнить, что у подследственных и подсудимых тоже есть нервы, которые за эти десять лет пострадали еще больше. И уйду. Но через два дня Израэля из изолятора КГБ переводят в городскую тюрьму.

Я стараюсь знакомиться с делом, беседую с подзащитным и креплюсь изо всех сил, чтобы не поддаться намеренно создаваемым невыносимым условиям работы: надзор и слежку за каждым своим шагом я ощущаю постоянно, и, хотя по закону мне положено видеться со своим клиентом наедине, я никак не могу договориться без помех с Израэлем о выборе линии защиты. Либо сам Головачев, либо секретарь Трибунала Андреев почти демонстративно торчат у дверей кабинета, где происходит свидание адвоката с подзащитным. Но даже, если они решаются оставить нас наедине, можно быть уверенным, что они подслушивают нас в смежной кабинке, а перегородка между кабинетами по-прежнему, как и во времена Иткина — Антошвили, не достигает потолка. Не стерпев бесцеремонного нарушения процессуального порядка, я однажды пообещала Головачеву обратиться к Главному военному прокурору Горному. Разговор у нас со следователем получился острый, и от сильного волнения у меня произошел тяжелый приступ гипертонической болезни здесь же, прямо в тюрьме.

На мою удачу в соседней комнате занимался со своим подзащитным известный московский адвокат М.Кисенинский. И Головачев испугался, что его безобразное поведение, приведшее меня к тяжелому приступу, имеет свидетелей. На прокурорской машине Головачев сам отвез меня, уже почти без сознания, в военную поликлинику. Мне оказали необходимую помощь и отвезли в гостиницу. Диагноз врачей был — микроинфаркт.

Я была адвокатом, человеком независимым, да и нра-

вом не отличалась пугливым. И все-таки общение с Головачевым не прошло для меня даром. Легко себе представить, как он мог издеваться над подследственными! Особенно в случае Израэля — ведь и следователь, и вся прокуратура были одержимы одним желанием: отреваншироваться, отплатить за все неприятности, которые выпали на их долю в предшествующие годы в связи с этим делом...

Я закончила знакомиться с делом и возбудила несколько ходатайств, которыми защита пыталась опровергнуть наличие в действиях Израэля хищения. Сам подзащитный виновным в хищении себя не признавал, приводя очень веские доводы. Он просил выполнить ряд дополнительных процессуальных действий. Но, как и следовало ожидать, все ходатайства его и защиты остались без удовлетворения. Отказ следователь Головачев аргументировал следующим образом: "Все данные, об установлении которых ходатайствует Израэль и его адвокат... находятся в предыдущем деле". Было совершенно очевидно, что этот отказ согласован следователем с прокурором Округа, но я все-таки подала формальную жалобу, и, естественно, получила еще один отказ.

Что представляли собой необходимые по нашему делу данные, которые следователь предлагал черпать из материалов предыдущего процесса, хорошо видно на примере бухгалтерской экспертизы. Тот же бухгалтер-эксперт, который некогда подписал выводы о совершенном на заводе "Воен-охот" хищении на сумму в 500 тысяч новых рублей, а потом снизил эту сумму до 270 тысяч, теперь, еще прежде окончания следствия, прислал из Москвы заключение, где с той же степенью достоверности обосновывалась вина Израэля в хищении, исчисляемом в 50 тысяч рублей. Это десятикратное понижение стоимости ущерба отражало мнение, записанное в Определении Военной Коллегии Верховного Суда. Но как в этом случае быть с мнением самого эксперта? Для подкрепления точки зрения этой бухгалтерской экспертизы был приглашен еще один эксперт, на этот раз из Тбилиси. На основании тех же документов, которыми первоначаль-

ное следствие подтверждало нанесение ущерба в размере 500 тысяч рублей, и который (ущерб) уже судебное следствие в Тбилиси уменьшило вдвое, до 270 тысяч – все на основании тех же документов, тбилисский эксперт-бухгалтер теперь, в 1971 году, признавал равным 50 000 рублей, следуя за Определением Кассационной Коллегии Верховного Суда и подтверждая правоту московского эксперта. Никакие новые документы или данные ему не понадобились, чтобы прийти к этой точке зрения, в корне отличающейся от тех, что были высказаны в предыдущем следствии. Ни мой подзащитный, ни я, его адвокат, разумеется, с этим экспертным заключением не согласились.

Дело было назначено к слушанию под председательством подполковника юстиции Николая Васильевича Моисеева, человека сумрачного и равнодушного.

Пока состав Военного Трибунала ЗАКВО знакомился со знаменитым и весьма объемным делом, прошло более полугода. Слушание дела происходило уже в 1972 году. Воистину “десять лет спустя”! Судебный процесс длился два месяца. На него собрали свидетелей из Грузии и Армении. При виде подсудимого Израэля они отводили глаза. Обвинение поддерживали два прокурора – Стоянов и Головачев. Статьи 59 и 63 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР особо оговаривают, что производивший следствие по данному делу следователь не может выступать в нем обвинителем. И аналогичные статьи есть в УПК всех союзных республик. Но в нашем процессе действовали силы посильнее закона, и Головачев был особо уполномочен на роль обвинителя в деле Израэля, чтобы осветить его связь с магазином, в то время как Стоянов должен был поддерживать обвинение в части, касающейся производства. В суд были вызваны шесть ревизоров и экспертов.

Теперь окинем взглядом имеющуюся расстановку сил: на скамье подсудимых один Израэль. Против него – целая гвардия: два прокурора, шестеро экспертов, множество особым образом инструкторов свидетелей. За столом за-

щиты — один адвокат. Судья держится безучастно, ничуть не препятствуя прокурорам заниматься откровенной и систематической травлей подсудимого. Протесты подсудимого и его адвоката против недопустимых методов ведения допросов и грубых выпадов, задевающих личность подсудимого, оставляются без внимания. Допросы свидетелей в этом процессе имели определенную специфику. Как правило, свидетель отказывался дать однозначный ответ, объясняя это тем, что не помнит подробностей. Далее происходил следующий диалог:

Прокурор: — Свидетель, когда мы с вами встречались в последний раз в этом году, вы читали (?!) свои показания по делу Мошиашвили и подтвердили правильность своих показаний 1962 — 1964 годов. Не так ли? Подтверждаете ли вы сегодня эти показания?

Свидетель: — Точно не помню — ведь прошло более двенадцати лет со времени тех допросов в суде и следствии. Но если *вы* это утверждаете — я соглашаюсь.

Разумеется, после каждого такого эпизода я делала заявления о недопустимости натаскивания свидетелей, и, разумеется, они не предотвращали подобных же эпизодов в дальнейшем ходе процесса.

Председательствующий, каждый раз произнося фамилию подсудимого, искажал ее. Вместо "Израэль" он говорил "Изра́иль", с ударением на среднем слоге, как бы каждый раз подчеркивая очевидную связь подсудимого с еврейским государством. Мой подзащитный однажды воспротивился:

Подсудимый: — Гражданин председатель, несмотря на неоднократные поправки, вы все время произносите мою фамилию с ударением на втором слоге — как название государства Изра́иль. Моя фамилия — Израэ́ль. Зачем вы все время делаете упор на названии государства Израиль?

Председатель: — А разве ваша фамилия не Израиль? Не название государства?..

Среди многих допросов свидетелей особый интерес представлял допрос главного бухгалтера Миккульского. Свиде-

тель был крайне немногословен и осторожен — многократно повторил, что о преступных действиях персонально Израэля сведений не имеет. Оно и понятно — если согласиться с тем, что криминал имел место, то Микульскому следовало бы быть не свидетелем по делу Израэля, а его соседом по скамье подсудимых.

В моем архиве сохранились подробные записи ответов Микульского на вопросы подсудимого и защиты. Я привожу их ниже, ибо они проливают отчетливый свет на характер дела.

Микульский: — Я подтверждаю все свои показания, данные мною в предварительном и судебном следствии по всему делу "Военехот". Мне ничего не известно о связи деятельности Израэля с работой магазина, который возглавлял Антошвили. Я не помню также, в какой связи находится Израэль с Иткиным. Кажется, они женаты на двоюродных сестрах. Готовая продукция их цеха по нашей разрядке поступала на склад завода, а оттуда, по нашим нарядам, в торговые точки.

Вопрос: — В этом есть какие-то нарушения?

Ответ: — Нет, это все, что я знаю об Израэле. Знаю, что цех спиннингов имел колоссальные отходы камыша, что это не всегда фиксировалось. Вышестоящие ревизии ни разу не указывали нам на то, что это неправильно.

Вопрос: — Имел ли цех, которым руководил Израэль, самостоятельный баланс, имел ли его, впрочем, и сам завод?

Ответ: — Нет! Все данные о производстве и торговле сосредоточивались в Окружном Совете, входили в сводный баланс, который Цыганков и я защищали в Москве, в Центральном Совете "Военехот".

Вопрос: — Кто устанавливал нормы и расценки на заводе и в цехе спиннингов?

Ответ: — Администрация завода совместно с профсоюзной организацией, и утверждались они в Окружном Совете.

Вопрос: — Вы представляли все материалы ревизорам КРУ из Центра, сами ревизовали производство и там же сни-

мали остатки. Были ли какие-нибудь данные, подписанные лично Израэлем, которые опорочили ревизоры?

Ответ: — Этого не видел, не знаю, не помню.

Вопрос: — Повторно: вам, как государственному контролеру в Окружном Совете, главному бухгалтеру, за время вашей совместной работы с Израэлем и после его ухода попадались какие-нибудь документы за подписью Израэля, которые вы лично или ревизоры опорочили?

Ответ: — Этого не было.

Вопрос: — Что вам конкретно известно о противоправных действиях Израэля или о том, что он якобы руководил не только своим цехом, но и другими цехами завода?

Ответ: — Ничего.

Вопрос: — На предварительном следствии, двукратно проведенном силами Прокуратуры Закавказского Военного Округа, а затем Главной Военной Прокуратуры, вы лично говорили следователям, что вам известны факты нарушений со стороны Израэля?

Ответ: — Я ничего конкретного об Израэле как о нарушителе Закона не знаю.

Вопрос: — Вы ведь знаете, что все выводы, которые коснулись ранее осужденных лиц по заводу "Военохот" Окружного Совета, теперь перенесены и на Израэля. В стадии предварительного следствия вы давали показания, что Израэль, вкуче с другими осужденными лицами, совершал правонарушения, о которых вас информировало следствие или вы его?

Ответ: — Повторяю, об Израэле я ничего не знал и не знаю!

Вопрос: — Кто является распределителем кредитов по заводу в целом и в его цехах?

Ответ: — Цыганков и я.

Вопрос: — За чьей подписью списывался брак, активировались отходы по всем цехам и в том числе по цеху спиннингов?

Ответ: — После первичной активировки отходов на произ-

водстве все материалы поступали ко мне в бухгалтерию для принятия окончательного решения и списания в расход брака сырья.

Вопрос: — Снятие товарных остатков по заводу и магазину также было вашей обязанностью? Чем вы объясните, что все без исключения акты по магазину и заводу имеют вашу, и к тому же первую, подпись?

Ответ: — Вероятно, моей активностью как главного бухгалтера.

Вопрос: — Поступление сырья тоже фиксировалось у вас? Расход тоже? Какие промежуточные, до возникновения уголовного дела, вами лично были сделаны выводы о наличии отклонений на заводе или в цехе Израэля?

Ответ: — Я об этом ничего не знал!

Вопрос: — Как главный бухгалтер Окружного Совета, знали ли вы предельную возможность при имевшемся оборудовании на заводе, получаемом сырье и малоквалифицированной рабочей силе, выпуска продукции? Соответствовал ли он — выпуск — фактическим возможностям?

Ответ: — Знаю, что оборудование у нас было старым, изношенным, мы работали в одну смену, новых запасных частей у нас не было. Мы получали определенное количество сырья. Выполняли только плановое задание, к тому же по цеху спиннингов камыш был низкого качества, и были колоссальные отходы.

Вопрос: — Что вам известно о том, что на заводе якобы было выпущено сверх плана продукции сначала, по версии следствия, на полмиллиона в новых деньгах, потом, по той же версии, на 270 тысяч, а сейчас, уже по третьей версии, на 50 тысяч?

Ответ: — Мне об этом фактически ничего не известно. Знаю это только как свидетель, которого об этом допрашивало следствие.

Вопрос: — Между заводом и организациями Грузии иногда происходили обменные операции. Не скажете ли вы, кто именно давал разрешение на обмен?

Ответ: — Обмен мог происходить только по разрешению Цыганкова и за моей второй подписью. Только мы разрешили обмен между предприятиями и нашим заводом "Военхот".

Вопрос: — Скажите, свидетель Микульский, так ли и правильно ли вас должен понять Трибунал: вся документация принципиального порядка на заводе имела две разрешительные подписи: Цыганкова и вашу? Правильны ли ваши утверждения, что все без исключения внутренние ревизии и снятие остатков проводились по вашей инициативе и имели на документах вашу первую подпись? И, наконец, правильны ли ваши утверждения, что во время вашей совместной работы с Израэлем, вы, как главный бухгалтер, не замечали никаких нарушений с его стороны как начальника цеха?

Ответ: — На все ваши три вопроса отвечаю: да, правильно! Я это подтверждаю.

Вопрос: — Привлекались ли вы по данному делу к ответственности — административной или уголовной?

Ответ: — Нет!

Допросы остальных свидетелей я опускаю: они представляли собой однообразно повторяемую фразу: "Не помню, но если так было записано в протоколе десять лет назад, значит, это правильно. Сейчас ничего не помню".

В конце концов — после настойчивых ходатайств подсудимого и защиты — Трибунал решил вызвать в суд дополнительных свидетелей, ранее осужденных по делу "Военхот", но в связи с процессом Израэля следствием не допрошенных.

Я вновь увидела Антошвили, Цыганкова, Баблюяна, находившихся уже на свободе. Свидетеля Иткина привезли на процесс из лагеря. Выступая в качестве свидетеля, Антошвили вообще отрицал знакомство с Израэлем. Подтвердил, что всю продукцию в руководимом им магазине получали только по нарядам Окросвета, а привозил ее работник склада Степан Баблюян. Отрицает какие бы то ни было *левые* сделки. Рассказывает Трибуналу о том, как Головачев и Стоянов издевались над его национальным достоинством, ког-

да он находился у них в руках в качестве подследственного и подсудимого.

Свидетель *Баблюян* отрицает противоправные сделки вообще. Израэля видел только в цеху спиннингов, когда получал по разнарядке товар, чтобы либо перевезти его на склад, либо доставить, по указанию Окрсовета, торгующим организациям. Лично от Израэля никогда и ничего не получал, имея дело только либо с мастером цеха, либо с кладовщиком.

Свидетель *Донат Цыганков* предстает перед судом в штатской одежде. Он разжалован в рядовые и уволен из армии. Он верен себе и ведет себя с прежней прямоотой, называя вещи своими именами. Суд и прокуроры не задают ему вопросов. Он отвечает на вопросы подсудимого и защиты.

Рассказывает, что самолично принял Израэля на завод в ту пору, когда бывший фронтовик, инженер с высшим образованием, Израэль не мог найти работу из-за своего еврейского происхождения. Цыганков указывает, что принял Израэля вопреки указаниям начальства воздерживаться от приема евреев на руководящие должности. Здесь судья делает попытку прервать свидетеля, но Цыганков продолжает. Говорит, что и раньше не признавал ни хищения, ни взяточничества, что все дело "Военохот" — выдумка следствия. И теперешнее дело Израэля — такая же выдумка. Указав в сторону Стоянова и Головачева, говорит (записано мною дословно — *Е. Э.*) :

"Вот сидят виновники стольких смертей, происшедших в связи с этим делом, авторы следственной версии, никогда не имевшей ничего общего с действительностью. Это они держали меня в тюрьме КГБ и угрожали расстрелом, если я не признаю, что все измышленные ими преступления якобы имели место, что их якобы совершили евреи, склонившие меня к участию в противоправных действиях".

Он подтверждает, что руководил каждым шагом вверенного ему завода, где продукция отпускалась только по его указаниям и за его подписью. Подтверждает, что был полным распорядителем кредитов, отдавал указания о назначе-

нии проверок и ревизий по представлению главного бухгалтера Микульского. Он не может ответить на вопрос, почему главбух Микульский не привлекался к ответственности. Цыганков настаивает на том, что все дело, тянувшееся вот уже десять лет, имеет антисемитскую окраску. Рассказывает:

— Я единственный из привлеченных по этому делу был кадровым военнослужащим, поэтому дело попало в Военный Трибунал. Следователи вели со мной откровенный торг: если покажу на Иткина, Мошиашвили, Израэля, Хаймовича и других евреев, — то, как бухгалтер Микульский, буду освобожден от ответственности. Я не мог пойти на такую подлость. Я поплатился карьерой, воинским званием и партбилетом, но достоинства и чести не потерял. Конечно, мне особенно повредило то, что на следствии и в суде я назвал имена прославленных военачальников, которым завод делал щедрые и многочисленные подношения, списывая потом эту дареную продукцию в убыток.

Цыганков указывает, что для подарков высоким гостям брались лучшие спиннинги из цеха Израэля, но никогда там не было ничего похожего на хищения или производство *левой* продукции. Отмечает, что завод был маломощный, работал в одну смену, на скверном сырье, при отсталой технологии, дурном оборудовании и малоквалифицированных силах. Отмечает, что Израэлю по делу вменили совершенное, если принять версию следствия, за время, когда руководителем цеха был Нейгебауэр, которого не вызвали в суд даже свидетелем.

Иткин, доставленный из места заключения, отрицает наличие хищения и взяточничества. Рассказывает, как возникла первоначальная, им самим указанная на допросе цифра, определявшая размер ущерба, причиненного хищением, в 500 тысяч новых рублей. Эти показания он дал, находясь в подавленном состоянии во время одного из первых допросов, снятых с него Головачевым и Стояновым. Он услышал за стеной плач жены и детей (впоследствии выяснилось, что это особый способ воздействия при помощи звукозаписи),

и следователи подтвердили, что жена и дети здесь, в тюрьме, и останутся тут, если он, Иткин, не признает, что был участником хищения на сумму в 500 тысяч рублей. Впоследствии, поняв авантюристический, бесчестный прием следователя, он на первом же ближайшем допросе отказался от этих, сделанных под давлением, показаний. Иткин рассказывает о национальном унижении, которое он претерпел, находясь в тюрьме и под следствием.

Конкретно, по поводу Израэля, Иткин показывает:

— Никакого хищения по заводу не было, ни на 500 тысяч, как указывало первоначальное следствие, ни на 50, как это определяют сегодня. О противоправной деятельности Израэля мне ничего не известно. Некоторое время я исполнял обязанности технического руководителя завода, и в этот период мне приходилось бывать в цехе спиннингов, которым руководил Израэль и где старшим мастером работал Гильман. Я знаю, что цех получал низкокачественное сырье, которое выбраковывали, а брак тут же сжигали. Из цеха Израэля, как и из моего цеха, по указанию Цыганкова и Микульского забирали лучшие образцы продукции для подарков. Этот убыток потом приходилось покрывать, оформляя фиктивные наряды, отражавшие более простую работу в больших масштабах, чем та работа, что производилась на самом деле — например, высококвалифицированные граверные работы. В этом я признал себя виновным. Израэль ни к каким действиям моего цеха не имел никакого отношения. Даже территориально его цех находился в другом конце Тбилиси. Ни в каком сговоре с Израэлем никогда не состоял, так же как и он никогда не состоял ни в каком сговоре со мной.

Иткин рассказывает суду, как было снято с него и с других подследственных обвинение в передаче взяток работникам МВД и ОБХСС:

— Приехал из Главпрокуратуры полковник Громов. Он сказал: "Я думал, евреи умные, а вы сами тащите себя под расстрел. Зачем вам, кроме статьи "хищение", еще и статья о взятках должностным лицам? Вы что, не понимаете разве,

что обе статьи предусматривают по новому закону смертную казнь? Откажитесь от дачи взяток — может, останетесь живы”. Мы легко отказались от этих показаний, и все должностные лица МВД и ОБХСС были освобождены из-под стражи.

Отвечая на вопросы о том времени, когда он в качестве технорука проверял наряды по цеху Израэля, Иткин показал:

— Израэль был грамотным и рачительным хозяином цеха. Никаких отклонений в оформлении расчетных документов по его цеху я никогда не находил. Израэль также не имел никакого отношения к обмену сырья, который завод “Военохот” производил с другими производственными организациями Грузии. Это касалось лишь легированной стали или порошка для изготовления пластмасс. Такие сделки совершались лишь официально, с полным оформлением всей документации. Но они никак не касались цеха спиннингов. Все экспертные заключения по нашему делу дутые, установленные на основе данных родственных производств, десять лет спустя после того, как мы выпустили последнюю продукцию и в совершенно других условиях. Я категорически заявляю о полной непричастности ко всему этому делу Израэля. Его здесь преследуют как еврея, так же, как до него осудили как евреев меня и других. Я неоднократно приносил жалобы в вышестоящие инстанции на оскорбление и угрозы со стороны сидящих здесь Стоянова и Головачева, не раз красочно объяснявших мне, что именно они с нами, с жидами, сделают.

Суд переходит к допросу свидетеля *Леонида Хаймовича*. За всю историю этого дела его впервые вызывают в качестве свидетеля. Суд выясняет личность подсудимого, интересуется биографическими данными. Хаймович — инвалид Второй мировой войны, технорук завода на протяжении всего периода времени, интересующего суд, включая годы работы с Нейгебауэром. Одно время замещал Израэля в цеху спиннингов, когда последний уезжал за сырьем в командировку. Долгие месяцы Хаймович провел в тюрьме, будучи арестованным в связи с делом “Военохот”. Освобожден по болез-

ни, когда врачи обнаружили у него рак кожи лица. Прокуроры не задают вопросов и этому свидетелю. Но сам Вадим Аршавский, прокурор ЗАКВО, появляется в дверях суда, чтобы послушать допрос этого свидетеля. Председательствующий спрашивает: "Свидетель, что вам известно по настоящему делу?" И получает ответ:

— Мне известно все, от начала до конца. Я знаю, кто и по каким причинам создал это дело. Вот сидят два антисемита, два прокурора, одержимые желанием создать "еврейское дело". Они издевались над моей национальностью, они вымогали у меня показания о хищении в полмиллиона новых рублей и о даче взяток высокопоставленным лицам. Ничего этого не было. Я не признавал этого тогда, не признаю и теперь. У нас действительно многими цехами руководили инженеры-евреи. Работали хорошо, несмотря на многие трудности и несовершенства производства. Проверки проводились раз в квартал — и не обнаруживали никакого криминала. Но если на минуту допустить, что следствие право, то посмотрите: все материально ответственные старшие мастера цехов, русские, даже и не привлекались к уголовной ответственности. Их следствие использовало иначе — натравливало на евреев. Первым начальником цеха охотничьих ножей довольно долгое время был Нейгебауэр, обрусевший немец, свойственник покойного члена Военного Трибунала и судьи в первой инстанции по этому делу Дзамоева. Хотя именно к "нейгебауэровскому" периоду следствие отнесло выпуск *левой* продукции, его ни разу даже не допрашивали. Если кто-то соглашался оговорить евреев, его освобождали от ответственности. Пример — Миккульский. На мои многие жалобы по поводу антисемитского характера этого дела я не получил никакого ответа.

Показания Хаймовича, касающиеся персонально Израэля, совпадают с показаниями Иткина: отрицает какие-либо противоправные действия в цехе спиннингов, отрицает причастность Израэля к делам других цехов, отрицает возможность нарушения норм и расценок, отрицает участие в торго-

вых операциях и т. д. Критикует выводы экспертов, сделанные "по аналогии", в другое время, в других условиях и на других производствах. В деле Израэля свидетель Хаймович видит реванш, который прокуратура берет у всех, привлеченных ею по делу, за частичные поражения, понесенные ею от Военной Коллегии Верховного Суда СССР, вынесшей Определение по поводу явного злоупотребления законом: "Вот свидетели в кулуарах суда говорили, что в эти уже дни прокурор Головачев зачитывал им их собственные показания 10–12-летней давности и предупреждал: надо все подтвердить. Вот они и подтверждают!"

Председатель спрашивает, не являются ли резкие показания Хаймовича результатом его личной озлобленности против следователей. Хаймович поясняет:

— Это не озлобление, а возмущение антисемитизмом следствия и суда, отправивших на тот свет уже немалое число привлеченных к этому делу лиц, а тем, кто ухитрился выжить, навсегда подорвавших здоровье. На заводе не было ни хищения, ни взяток. И сидящий здесь за барьером Израэль не был участником хищений. Если он столько лет отсутствовал в Тбилиси, то, вероятно, у него на это были свои личные причины. Но он не расхититель.

Тут представители прокуратуры заявляют суду протест: их оскорбляют "свидетели, улизнувшие от ответственности, или отбывшие наказание преступники". Обстановка в суде напряженная. То и дело перерывы в ходе заседания: то родные подсудимого и защита приносят жалобу прокурору Округа, то с жалобой обращаются прокуроры — участники процесса.

Начинается слушание экспертных заключений. У экспертов один ответ: подтверждаем заключения, сделанные 10 лет назад. В письменном виде эксперты соглашаются принять изменения в их заключениях, внесенные Военной Коллегией Верховного Суда. Я задаю вопрос: если те же самые люди, которые соглашаются с оценкой хищения в полмиллиона, затем согласились уменьшить эту сумму вдвое, приняв циф-

ру 270 тысяч, а сейчас признают за верное сумму в 50 тысяч – вдесятеро меньшую по сравнению с первоначальной! – то какой из их трех экспертных оценок следует верить, на какую положиться?

Председательствующий: – Трибунал снимает эти вопросы.

Речь прокурора Стоянова как две капли воды похожа на его речь по делу Мошиашвили: те же грубые антисемитские выпады против "них" – итких, израэлей и гильманов... Хотя упомянутый Гильман давно в могиле. По Стоянову, преступление Израэля доказано уже тем, что он столько лет "находился в бегах". Тогда его, возможно, расстреляли бы. Сегодня Стоянов просит для него у суда 12 лет лишения свободы в лагерях усиленного режима, с конфискацией имущества, которое было описано в семье 10 лет назад.

Моя защитительная речь длится два дня. Я полностью отвергаю доводы обвинения. Отмечаю, что следствие основывалось на принципе "объективного вменения", осужденного советским материальным правом. Оспариваю порочную методологию экспертных заключений, отмечаю их конъюнктурный, заданный характер. Свидетельские показания не изобличают вину Израэля и не дают оснований осудить его как расхитителя. Обращаю внимание Трибунала на грубые процессуальные нарушения, допущенные в этом деле следователем Головачевым и прокурором Стояновым, на их неприглядное поведение по отношению к моему подзащитному, на постоянные антисемитские выпады, о которых говорили многие свидетели. Анализирую факт добровольной явки с повинной. Указываю на гражданские заслуги подзащитного: участие в войне, боевые награды. Защита не усматривает в действиях Израэля состава преступления, предусмотренного статьей 86¹ УК Грузинской ССР – то есть хищения в особо крупном размере.

Израэль в своем последнем слове оспаривает все пункты обвинительного заключения. Говорит, что не мог себе прежде представить, что в мирное время попадет в ситуацию, напоминающую противостояние врагам. Но следователи про-

куратуры напомнили ему врагов — они без усталости глумились над его фамилией, над его национальностью. Прокурор округа был глух к его жалобам. Виновным себя в совершенном хищении не признает.

Через две недели последовал приговор. Он полностью опирался на Определение Военной Коллегии Верховного Суда СССР по предыдущему делу "Военхот". Израэль Владимир был признан виновным и приговорен Трибуналом ЗАКВО к 10 годам лишения свободы, с конфискацией имущества, разжалован из офицеров запаса в рядовые, лишен правительственных наград.

Прокуратура ЗАКВО взяла реванш за все неприятности, которые ей достались на долю в предшествующие годы в связи с этим делом. После дела Израэля Стоянов и Головачев получили, наконец, долгожданные полковничьи погоны.

Кассационную жалобу рассматривала Военная Коллегия Верховного Суда СССР в том же составе: председатель — генерал-майор юстиции В. Терехов, при участии генерал-майоров Цирлинского и Лысенко. Заключение по нашему делу давал новый военный прокурор. При первых попытках опорочить подсудимого и резко нападать на защиту председательствующий сделал ему веское замечание: "Здесь — не Тбилиси, здесь не позволяют так себя вести. О работниках же прокуратуры ЗАКВО разговор будет особый, в том числе и по линии Главной Прокуратуры". Другое замечание Терехов сделал, когда — в ответ на мой рассказ о нарушении процессуальных норм и доведении подсудимого и адвоката грубым обращением до болезни — новый военный прокурор заметил, что у защитника во время спора с Головачевым произошел не микроинфаркт, а всего лишь гипертонический криз: "Мы еще обсудим методы обращения ваших следователей с защитниками и подсудимыми! Позор — доводят людей до заболеваний и госпитализации! Не вам здесь давать медицинские заключения! Говорите по существу дела!"

Слушали меня очень внимательно. Обстановка была

очень спокойной и доброжелательной. Я настаивала на недоказанности самого факта хищения. Оспаривала порочную методологию запоздалых экспертиз. Говорила, что по отношению к Израэлю следствие и суд стали на путь "объективного вменения", сделав его ответственным за действия Цыганкова, Мошиашвили, Иткина и даже покойного Гильмана... Говорила об антисемитской заданности дела, о недопустимой обстановке, сложившейся в зале суда...

Но, несмотря на общую благожелательность, председательствующий Терехов в какой-то момент разъяснил мне:

— Товарищ адвокат, вы же юрист высокой квалификации. Вам должно быть понятно, что Коллегия однажды уже вынесла развернутое определение по существу этого дела и отныне связана своим же собственным решением.

— Но, — возражаю я, — ни в Приговоре Трибунала, ни в Определении Коллегии имя Израэля даже не упоминается. По его делу было произведено новое следствие, сделавшее неправильный вывод о его причастности к действиям группы уже осужденных лиц. Этот вывод отвергает осужденный и оспаривает защита. Не говоря уже о том, что я и по делу Иткина — Антошвили оспаривала наличие в их действиях состава преступления, предусмотренного статьей 86¹ УК Грузинской ССР.

Слушают меня внимательно. Не перебивают. Но я понимаю: надежды на оправдание Израэля — нет.

Через несколько дней оглашают Определение Военной Коллегии по делу Израэля: "...нет оснований для пересмотра или изменения приговора, который постановлен Военным Трибуналом Закавказского Военного Округа. Приговор оставить в силе, а жалобы — без удовлетворения".

Таков финал многолетнего процесса по делу завода и Окружного Совета "Военохот" Закавказского Военного Округа. Подведем итоги.

Первоначально привлекалось по делу — 27 человек.

Освобождены от уголовной ответственности — 7 человек, русские и грузины, работники МВД и ОБХСС.

Работники Окрсовета, грузины, признанные виновными, получили срок 5 лет. Цыганков, русский, которому первоначально инкриминировались все преступления, осужден за... халатность на 3 года лишения свободы, с зачетом проведенного в тюрьме времени предварительного следствия, и освобожден от дальнейшего отбывания срока наказания, к тому же поглощенного амнистией.

Микульский, главный бухгалтер, русский, — к ответственности даже не привлекался.

Нейгебауэр — начальник цеха в период, к которому следствие относит производство *левой* продукции, обрусевший немец — не привлекался по делу вообще, не привлекался даже как свидетель.

Мошиашвили, Иткин, Израэль — производственники-евреи — были осуждены на длительные сроки лишения свободы, хотя их вина в "хищении" не была доказана.

Антошвили, директор магазина, еврей, больной и малограмотный старик, отсидел в тюрьме полных пять лет, несмотря на то, что следствие и суд не располагали никакими доказательствами о совершении им противоправных действий.

Гильман, мастер цеха спиннингов, еврей, — умер "в бегах".

Хаймович, технический руководитель завода, еврей, был освобожден без суда и следствия, так как заболел в тюрьме раком кожи.

Баблюян, завскладом, армянин, вышел из тюрьмы по отбытию пяти лет, ослепнув полностью на один глаз и почти потеряв зрение во втором глазу.

Зная все подробности этого протянувшегося более чем через десятилетие дела, ответственно утверждаю: оно во всех деталях и на всех этапах носило ярко выраженный антисемитский характер. Это подчеркивалось в жалобах подсудимых, в протестах и ходатайствах адвокатов — покойного Браиловского, Гватуа, Сагинашвили и др. Антиеврейская заостренность следствия и судопроизводства была подробно освещена в свидетельских показаниях Доната Цыганкова.

Верховный Суд, в лице его Военной Коллегии, разбившей кассационные жалобы, воспротивился нарушению законности и процессуальных правил на первом этапе, но впоследствии, по существу, не оспорил особую направленность репрессий в этом деле против подсудимых еврейской национальности.

КИРГИЗСКАЯ ССР

ДЕЛО О ХИЩЕНИИ И ВЗЯТКАХ В РЕСПУБЛИКЕ

(по рассказам адвокатов, в нем участвовавших,
и по материалам прессы)

Если бы существовала стенограмма экономического процесса, проходившего в Киргизии в начале шестидесятых годов (сразу вслед за изданием Указов от 5 мая 1961 года, вводивших смертную казнь за экономические преступления), то такая стенограмма, подробно проанализированная исследователем, уже содержала бы в себе, в главных чертах, всю полноту той картины особого состояния и особой направленности советского правосудия послесталинского периода, которые стремится воспроизвести автор всем ходом данной работы.

Дело о частнопредпринимательской деятельности, взяточничестве, хищениях, незаконных валютных сделках и коррупции, процветавших в республике Киргизии, воистину было *делом века*. Советская печать называла его "делом Гольдмана и др.", поддерживая известный тезис, одинаково устраивающий и власть и обывателей, что всегда и во всем "*евреи виноваты*", но состав подсудимых, среди которых были министры, крупные партийные руководители, работники органов контроля, обнаруживал истинную картину: сверху донизу советская республика Киргизия была проедена коррупцией, как старое железо — ржавчиной.

Этот процесс несомненно был, что называется, *устано-*

вочным процессом. В городе Фрунзе, киргизской столице, им занимался не республиканский суд, а Военная Коллегия Верховного Суда СССР. Судебному слушанию предшествовало длительное следствие, которое проводила прокуратура КГБ. Следственная схема была разработана в Москве, осуществлена в Киргизии силами московского КГБ, разумеется, не без опоры на "своих людей" в республике, и признана удачной. Отныне и на долгие годы следственная процедура по экономическим делам во всех концах громадного Советского Союза будет иметь образцом "киргизский вариант". Точно так же и приговор, и порядок его изложения, впервые принятые в Киргизии, многократно будут повторены в аналогичных случаях в других местах.

В этом процессе со стороны защиты участвовали многие московские и ленинградские адвокаты. Уже во время самого процесса, стоило столичному адвокату прилететь домой в дни, когда слушание дела во Фрунзе было отложено, коллеги, занимавшиеся защитой по экономическим делам, собирались послушать о положении подсудимых, об объеме обвинения, о характере и направленности процесса, о поведении суда, о вопросах сторон и т.п. Василий Иванович Алексеев из Краснопресненской консультации Москвы, Михаил Аврамов из консультации Свердловского района столицы и другие мои коллеги, которым я весьма признательна за информацию (подробные записи и копия приговора), хотя и не могу пока назвать печатно все имена, в своих беседах со мной обрисовали достоверную картину Киргизского процесса сразу после его завершения.

Размах коррупции в среднеазиатской республике, объем противоправных действий, список замешанных в них высокопоставленных лиц — все это, видимо, произвело впечатление на центральную власть, и она решила осуществить в Киргизии образцово-показательное судебно-следственное мероприятие. То, что следствие и суд производили москвичи, было прямым выражением недоверия к местным работникам суда и прокуратуры. И небезосновательным — корруп-

ция коснулась и этого слоя государственных служащих республики. Методика следствия обнаруживала отлично проведенную предварительную работу: московские следователи разбирались в национальных обычаях киргизов, были осведомлены о том, где и у кого искать крупные материальные ценности, и какие и кем были за последние годы совершены противоправные действия. Силки следствия были составлены точно. И в них, вместе с руководителями скромного текстильного производства, угодили самые высокие начальники, вплоть до членов правительства Киргизской ССР: председатель Госплана республики, один из заместителей министра, начальники ведущих отраслевых управлений промышленности, руководитель отдела государственного контроля при Совете Министров Киргизии и другие ответственные лица. Без их прямого участия невозможна была бы никакая противоправная деятельность в республике.

Пресса, местная и центральная, широко освещала в печати процесс во Фрунзе. Сообщалось, что ущерб, причиненный "хищением", исчислялся в сумме 3 миллиона новых рублей. Вот некоторые заголовки, красноречиво говорящие сами за себя: "Конец осинового гнезда", "Тени прошлого", "Хищники", "Расхитители и валютчики разоблачены", "И шуку бросили в реку", "Клубок", "Хапуги держат ответ", "Заслуженная кара", "Именем народа"...

Увы! В освещении прессы дело о коррупции в Киргизии становилось делом наглых и беззастенчивых еврейских бизнесменов и называлось "Делом Гольдмана и др." Что касается рассказа о действительно главных лицах, занимавших ответственные посты в республике, то газеты поминали их неохотно, вынужденно и как бы сквозь зубы. Зато пресса давала читателю ясный ответ: кто главные преступники, мешающие движению советского народа к всеобщему социалистическому благосостоянию? — *гольдманы и др.* Под названием "Процесс Гольдмана" вошло дело о коррупции в Киргизии и в сборник "Борьба с хищением государственного и общественного имущества", вышедший в свет в 1971 го-

ду в издательстве "Юридическая литература" (Москва) и предназначенного исключительно "для служебного пользования".

Приговор, вынесенный в 1962 году, перечислял события восьмилетней давности. Несмотря на отсутствие документов, относящихся к более раннему времени, приговор указывал, что подсудимые занимались противоправной деятельностью с 1950 года. С непостижимой "точностью" приговор Верховного Суда определял суммы хищения за давно прошедшие годы. В упомянутом выше сборнике "Борьба с хищением..." сообщается: "Судебная Коллегия Верховного Суда достоверно установила (разрядка моя — Е. Э.) эпизоды хищения, определила общие размеры похищенного, установила род похищенного имущества, способы хищения, источники хищения и приемы реализации похищенного, систематичность хищений и исчислила размеры в суммовом отношении"*.

А между тем речь шла о сотнях фактов и эпизодов, которые за давностью восстановить *достоверно* было невозможно, и суд схематически "систематизировал" хищения, исчисляя ущерб при помощи приемов *возможной* (предположительной) реализации продукции.

Эти особые черты *установочного приговора* по делу о коррупции в Киргизской ССР многократно повторились в приговорах по аналогичным делам, рассмотренным во Львове, Москве, Одессе, в любой республике, в любом областном центре. Такими особыми чертами были приблизительность исчисления ущерба и преувеличение объема содеянного подсудимыми, не говоря уже о более суровом подходе и большем наказании за равные преступления, если они были совершены евреями. *Установочный приговор* был усилен весомым авторитетом опытного и известного судьи — генерал-майора юстиции Бориса Степановича Цирлинского, члена Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Обвинение поддерживали три прокурора (все трое из

*Указ. сочинение, стр. 128–129.

Главной Военной Прокуратуры) — Г. Терехов, Тамазин, Афанасьев. Защиту, как уже было отмечено выше, осуществляли адвокаты Москвы и Ленинграда. Авторитетом этого суда по делу об экономических преступлениях в Киргизии была закреплена и практика антиеврейской нацеленности судебного следствия в подобных случаях. Теория не отстала от практики, и в журнале "Социалистическая законность" (М., № 4 за 1974 год) в статье д-ра юридических наук Г. Анашкина, бывшего Председателя Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР, мы читаем:

"Под председательством члена Верховного Суда СССР Б. Цирлинского Судебная Коллегия рассмотрела в городе Фрунзе уголовное дело по обвинению Г о л ь д м а н а и д р . (разрядка моя — Е. Э.), привлеченных к уголовной ответственности за хищение государственного имущества в особо крупных размерах, спекуляцию валютными ценностями и взяточничество. Судом установлено, что Гольдман, совместно с другими работниками трикотажно-ткацких фабрик Министерства местного хозяйства Киргизии, на протяжении ряда лет путем выпуска продукции из сырья, добытого преступным путем, расхищали государственные ценности, общая сумма которых превысила 3 миллиона рублей. На приобретенные преступным путем деньги расхитители скупали иностранную валюту, золотые монеты, занимались спекуляцией валютными ценностями. У расхитителей изъято: 24 кг золота в монетах и изделиях, 100 изделий с бриллиантами, 400 тысяч наличными, 36 кг изделий из серебра, описано 47 особняков, 6 автомашин и другое ценное имущество".

Бывший заместитель Председателя Верховного Суда СССР прекрасно владеет искусством не говорить правду, избегая лжи. В деле "Гольдмана и др." особняки принадлежали не гольдманам или рабиновичам, но исключительно "др.", другим, и этими другими 47 владельцами конфискованных особняков были члены правительства Советской Киргизии и высокопоставленные должностные лица. И только они. Машин у арестованных по этому делу нелегальных богачей

конфисковано до смешного мало, и понятно почему: они ездили на казенных. Что касается золота и драгоценностей, то ни один представитель правящей партийно-советской верхушки не отказывал себе в удовольствии получить "в подарок" или купить на полученные в виде взятки деньги "настоящие ценности". Их хранили в надежных местах, каковыми, например, считались печи, между кирпичами которых следствие обнаружило при обысках замурованные бриллианты.

Это — полуправда из юридического журнала. Но есть и информация "для всех". Ее содержит статья прокурора Г. Терехова, одного из трех, поддерживавших обвинение на Киргизском процессе, появившаяся по горячим следам событий в воскресном приложении к газете "Известия" "Неделя", в № 49 за 1962 год. Терехов цитирует выступление тогдашнего главы советского правительства Н.С. Хрущева на ноябрьском пленуме ЦК КПСС (1962 г.) :

"Пробравшиеся на трикотажные фабрики Киргизской ССР жулики длительное время расхищали государственное имущество. Они похитили у государства материальные ценности общей стоимостью свыше трех миллионов рублей. Советский суд строго наказал преступников. Но, спрашивается, как могли орудовать эти жулики на протяжении ряда лет на глазах у *партийных, советских и других организаций?*"

Ни автор цитируемой речи, Генеральный секретарь КПСС, докладывающий руководящему партийному органу, ни автор статьи, ссылающийся на эту речь, не объясняют, какой смысл в данном контексте имеет слово *пробравшиеся*, и каким именно образом злонамеренные жулики пробирались на государственные фабрики; нигде не сказано, что самые главные жулики орудовали вовсе не на фабриках, а именно в тех *партийных, советских и других организациях*, которые обязаны были пресекать зло, что именно они, партийно-правительственные руководители Киргизии, были инициаторами чудовищных злоупотреблений. В статье прокурора Г. Терехова ни разу не говорится, что руководители республики находились на скамье подсудимых. Лишь мимоходом Терехов

замечает: "Некоторые должностные лица, обязанные контролировать сохранность народного добра, сами стали на путь преступлений, вступили в сговор с жуликами". Как пример такого "соблазненного" чиновника приводится лишь единственный эпизод с Фельдшером, конечно, евреем. Еще бы! Ведь жулики — это только *гольдманы*.

Но вот — кратко — содержание "киргизского дела", занимавшего сотни томов следственного производства.

Ответственные работники Киргизской ССР — председатель Госплана Б.Дюшалиев, заместитель министра местной промышленности и торговли Т.Новиков, начальник областного управления Министерства местной промышленности Киргизии С.Усабалиев, заведующий отделом комиссии Госконтроля И.Народницкий, завотделом промышленности при Совете Министров республики Ю.Ошерович — организовали особую группу по производству *левой* (неучтенной) продукции, соединив свои усилия с деятельностью инженеров-производственников двух трикотажно-текстильных фабрик и многочисленных работников торговой сети республики. Некоторая часть произведенной "*налево*" продукции отправлялась в другие районы СССР.

Обе фабрики, Аламединская трикотажно-ткацкая и Имени 42-й годовщины Октября, выросли из кустарных артелей, принадлежавших системе местной промышленности. Это превращение мелких предприятий в крупные произошло с ведома и при активном содействии руководящих работников Госплана и республиканских министерств. При этом говорились красивые слова о том, как необходимо интенсивно развивать местный промышленный потенциал. Под прикрытием этих правильных речей планирующие инстанции направляли местным текстильным артелям новое оборудование, дефицитное сырье, иногда оголяя другие отрасли промышленности и заранее зная, что на этих предприятиях, кроме планового задания, будет осуществлен выпуск *левой* неучтенной, ни в каких планах и отчетах не значащейся продук-

ции, которая будет продана через государственную торговую сеть без оформления соответствующих документов.

В Киргизии, быть может, как ни в каком другом районе СССР, отчетливо выразилась повсеместно развитая тенденция к сосуществованию двух экономик — государственно-плановой и *левой*, частнопредпринимательской, подпольной. И во всех юридических документах — судебных приговорах, разъяснениях и директивах пленумов Верховного Суда, специальной научной литературе *левую* продукцию, *левые* доходы так и называли *левыми*, узаконив это слово из жаргона нелегальных предпринимателей в качестве экономического термина.

Разумеется, *левая* экономика нигде не могла бы просуществовать и месяца без содействия партийно-правительственных инстанций, и, разумеется, лица, возглавлявшие эти инстанции, оказывали всяческое содействие *левой* промышленности из личной корысти. Так это было везде. Но особенно отчетливо проявилось в условиях Киргизии.

Судебный приговор определял размер причиненного ущерба суммой в 3 миллиона новых рублей и устанавливал ответственность по этому делу 50 человек. Указывался размер хищения по периодам, даже по годам, начиная с 1950 года, хотя материалами дела было установлено, что большая часть документов за прошлые годы была либо уничтожена, либо сожжена, согласно инструкции о хранении архивных документов. Это обстоятельство не помешало записать в приговоре, что "суд установил" (и установил в 1962 году! — *Е.Э.*) за 1950 — 1954 годы изготовление и хищение продукции на сумму в 65 тысяч рублей; с августа 1955 по 1957 год — на сумму в 40 тысяч рублей; с 1957 по 1960 год — на сумму в 400 тысяч рублей в трикотажном цехе, в 272 тысячи рублей в ткацком и в 130 тысяч рублей в швейно-носовом цехе и т.п.

Ущерб, исчисленный приговором, был выделен на основе *розничных цен*, а цифры, полученные таким образом, во много раз превышают сумму реального ущерба. Как и по

всем делам такого рода, основным видом доказательств были экспертные заключения специалистов, приглашенных Комитетом Госбезопасности, признания самих подсудимых, а также показания свидетелей о фактах, которые имели место *всего* 6—10 лет назад. Ущерб, который судебно-бухгалтерская экспертиза почти всегда обозначает как *вероятный*, в приговоре, как правило, становится *непреложно доказанным*. Коррективы по отношению к цифрам, указанным следствием, вносятся чрезвычайно редко. Вся эта судебно-следственная методика была отработана для будущего, повторим это еще раз, именно на Киргизском процессе. Но, кроме того, здесь наметилась и утвердилась определенная национальная направленность следствия и приговора.

Еврейские фамилии преобладали в списке привлеченных по делу производственников и торговых работников, но правительственные чиновники и работники надзорных органов, оказавшиеся на скамье подсудимых, в большинстве своем носили киргизские, русские, украинские фамилии. Однако печать охотно смаковала еврейские имена, опуская фамилии проворовавшихся начальников или упоминая их мельком. Газета "Советская Киргизия" (Фрунзе) от 9 января 1962 года пишет: "На вышеуказанных фабриках получили широкое распространение антигосударственная практика внепланового приобретения и бесконтрольного использования оборудования, дефицитного сырья, выпуск неучтенной продукции и реализация ее в целях обогащения преступников". Однако газета обходит молчанием тот вопрос, что за "антигосударственную практику" ответственны облеченные *государственным доверием лица*. Зато эта же газета в номере от 25 мая 1962 года с наслаждением перечисляет еврейские имена: "На похищенные у государства деньги, в нарушение правил о валютных операциях, некоторые участники — Гольдман, Дворкин, Бакута, Кац, Тауберг, Абрамович, Герберг, Газенфрац, Прамберг, Натензон, Дальковский, Фарландский и другие скупали у спекулянтов-валютчиков большое количество золота, иностранной валюты и т.д."

Однако газета молчит о том, что и представители советской власти, оказавшиеся под судом, не брезговали монетами царской чеканки и бриллиантами; она молчит об особняках, которые они себе настроили; она вообще не говорит о коррупции в республиканском масштабе, которая есть главное зло, главное преступление, выявившееся на этом процессе. Очень робко, избегая обобщений и не желая, чтобы они были сделаны читателем, газета спрашивает: "Как могло случиться, что большая группа расхитителей в течение продолжительного времени орудовала безнаказанно?" И осторожно отвечает: "Сам состав преступников дает ответ на этот вопрос: они занимали разные посты, но были тесно связаны между собой. Одни организовывали производство, другие снабжали сырьем, третьи "хлопотали" о фондах, получали их и сбывали готовую продукцию, четвертые заматали следы преступной деятельности. Один из подсудимых на вопрос прокурора ответил откровенно: "Мы так крепко сплелись, что трудно было размотать этот клубок". Хотя приведенная выше цитата обрисовывает однозначно явление, которое никак нельзя назвать иначе, чем коррупция, газета благополучно избегает этого слова. Избегает она и обозначить то обстоятельство, что "снабжать сырьем", "хлопотать о фондах" и "заматавать следы" могли только лица, находящиеся на самых верхних ступенях республиканской иерархии, призванные по должности блюсти интересы социалистического производства и советской законности. Однако имена министров, аппаратчиков, работников госконтроля не называются. Цель газеты — направить гнев общества в определенную сторону, в сторону *гольдманов, дворкиных, абрамовичей и т. д.* Тогда, возможно, читатель не задумается не только о продажности местных вершителей власти, но и о том, что корень зла в самом государственном планировании, игнорирующем нужду населения в товарах первой необходимости, тех самых кофтах, чулках, ковриках, майках, которые в огромном количестве планомерно и внепланово производили *гольдманы и абрамовичи* и которые — сколько ни дай! — без ос-

татка разбирались населением. Завороженные еврейскими именами тех, кто, по словам газеты, мешает целеустремленному движению советского народа к светлому коммунистическому будущему, читатели могут и не заметить, что стремление к барышам со стороны еврейских мастеров и инженеров, может быть, и естественно, но что неистовое рвачество народных министров обнаруживает их собственный цинизм, отдает не только неверием в светлое будущее для народа, но и простой неуверенностью в собственном завтрашнем дне.

После четырехмесячного рассмотрения дела в Верховном Суде СССР и оглашения приговора, во второй по значению газете страны "Известия" (22 июля 1962 года) появилась статья "Заслуженная кара". Фамилии инициаторов преступления, государственных деятелей Киргизии, в ней не упоминались вовсе. Стандартно утверждалось: "Приговор был встречен с одобрением". С постоянством и откровенностью в рассказе об отдельных эпизодах дела, о составе участников процесса, о мерах наказания (около трети подсудимых были приговорены к смертной казни, из них 9 человек были евреи) делался упор на действия лиц еврейской национальности, подчеркнуто использовались еврейские имена и фамилии.

Меж тем корреспонденты московских газет, так же как и местные журналисты в Киргизии, обходили молчанием те подробности, которые вскрылись в зале суда и о которых красноречиво и обстоятельно рассказывали именно Гольдман и другие. Признав себя виновными в частнопредпринимательской деятельности, но отрицая хищение, они сообщили суду, как их засасывала атмосфера постоянного вымогательства со стороны лиц, от которых зависело само производство, его расширение и сфера сбыта.

В разных цехах фабрики работало двое братьев Гольдман. Заведующий трикотажным цехом М. Гольдман показал всю многоступенчатую чиновную иерархию, нависавшую над ним и требовавшую своей доли барышей от продажи не-

учтенной продукции: фабричное начальство, чиновники планирующих организаций, партийные боссы, местные городские и республиканские представители власти, служащие Госконтроля и даже судебно-прокурорские работники. И надо всем и надо всеми – член правительства Киргизской ССР, председатель Госплана республики Дюшалиев. Но, конечно, если подумать об особым образом воспитанном слухе советских газетчиков, "Дело Дюшалиева" звучит намного хуже, чем "Дело Гольдмана". Хотя в полном тексте судебного приговора, оставшемся массовому читателю неизвестным, говорится ясно: "Председатель Госплана республики Дюшалиев использовал свое служебное положение и еще с 1958 года вошел в преступный сговор с участниками всей группы. В угоду хищничеству, частнопредпринимательским интересам своих сообщников, вопреки государственным планам, систематически оказывал расхитителям народного добра помощь в обеспечении остродефицитным сырьем в размерах, превышающих утвержденные фонды и производственные потребности. Дюшалиев поощрял преступную деятельность этих сообщников, действовавших на вышеуказанных фабриках".

Пусть читателю не кажется, что автор книги стремится переложить ответственность с одной группы лиц на другую. Вина евреев-подсудимых на этом процессе была доказана, и они ее признали. Но одновременно на этом процессе и на многих других, за ним последовавших, следствие и суд демонстрировали особую нацеленность всей кампании по борьбе с хищениями, взяточничеством, незаконными валютными сделками, частнопредпринимательской деятельностью и против лиц еврейской национальности. Эта направленность закреплена была в приговоре. Эта направленность всегда проступала в материалах прессы, муссировавшей еврейские имена и с нажимом выводившей: "Кто они, эти гольдманы и абрамовичи, потерявшие человеческий облик рвачи и хапуги, мешающие нашему движению вперед?.." После этих риторических фигур пресса делала многозначительное умолча-

ние. Но читатель, еще не забывший опыт "дела врачей" и "борьбы с космополитами", и сам прекрасно находил ответ: "Жида, кто же еще?" Никогда не говорилось ни о реальной проблеме товарного голода в стране, ставшей почвой, на которой произрастала частнопредпринимательская деятельность, ни об ответственности лиц, находившихся на самой верхушке советской иерархии, без участия которых частнопредпринимательская деятельность вообще не могла бы оказаться возможной. Разумеется, никогда не упоминалось о том, что эта деятельность шла навстречу реальным нуждам населения. Фамилии этих лиц если и назывались, то вскользь и неохотно, а приговоры в отношении их всегда были значительно мягче. (Автор обязан здесь подчеркнуть, что является последовательным и безусловным противником применения смертной казни за экономические преступления.)

Антиеврейская направленность всех такого рода процессов проступила и в том факте, что "Дело о коррупции в Киргизской республике", воистину "дело века", осталось в юридической литературе под именем "Дела Гольдмана и др.". Автор надеется, что своим рассказом об этом деле, основанном на воспоминаниях участвовавших в нем адвокатов, тексте приговора и материалах прессы, он восстанавливает истину и возвращает этому делу его настоящее название.

ЛАТВИЙСКАЯ ССР

В городе Раанана в Израиле живет Симон Хлавин — владелец фабрики парфюмерных и косметических изделий, пользующихся у потребителей доброй славой. В свое время Хлавин был одним из руководящих работников всей торговли Латвийской советской республики, знал положение дел в хозяйстве Латвии, так сказать, изнутри. В августе 1979 года я взяла у него интервью о судебных процессах по экономическим делам в Латвии начала шестидесятых годов, самыми известными среди которых были процессы Гольдмана, за-

местителя директора магазина текстильных изделий, и Розенблюма, главы торгового объединения Латвторг, куда входило более ста магазинов. Вот что рассказал Симон Хлавин.

”Я родился и вырос в Риге, столице Латвии. В системе промышленности и торговли республики проработал десятилетия. Я был лично знаком с работниками и руководителями многих предприятий легкой промышленности и торговли. Последние 23 года я был директором закупочной базы при головном магазине Латвии. Гольдмана и Розенблюма, процессами которых вы интересуетесь, я встречал довольно часто.

Гольдмана арестовали в 1961 году. Это было время, когда по всему Советскому Союзу проходили массовые процессы по делам ”трикотажников”, которых судили за выпуск *левой* продукции из текстиля и трикотажа. Гольдман же был замдиректора магазина трикотажных изделий. Ему вменили *хищение в особо крупных размерах и взяточничество*.

Гольдман был человек известный в Латвии, не только по своему положению, но и по своей незаурядной биографии. Его процесс имел большой общественный резонанс. Я проходил свидетелем по этому делу.

Во время Второй мировой войны Гольдман был партизаном, отважным борцом с фашистами. После войны он стал одним из видных организаторов советской торговли в Латвии. Ни хищения, ни взятки в предъявленном ему объеме Гольдман не признал ни на следствии, ни на суде. Он рассказал, что сама система советской промышленности и торговли вынуждала его и его коллег заниматься махинациями с *левой* продукцией. С одной стороны, к этому склонял постоянно неудовлетворенный спрос со стороны покупателей на трикотаж и текстиль, а с другой — вышестоящие чиновники постоянно вымогали взятки. К ответственности по ”делу Гольдмана” были привлечены и другие лица, но высокого начальства на скамье подсудимых рядом с Гольдманом не оказалось — партийно-государственный аппарат хорошо умеет поддерживать и защищать ”своих”. Процесс Гольдмана

широко освещали местные газеты, смакуя и обсасывая его еврейскую фамилию. По сути дела, преступление Гольдмана состояло в том, что в его магазине продавались изделия из сэкономленной производствениками ткани; эту левую продукцию продавали, а доход делили с производственниками. Гольдман был приговорен к расстрелу.

Розенблюма арестовали уже после Гольдмана. И впечатление от его ареста было подобно разорвавшейся бомбе. Он был, что называется, большой человек, директор Латворга, системы, куда входило более сотни магазинов. Он был экономист, получивший образование на Западе, владевший иностранными языками, и, конечно, как большинство номенклатурных работников, — член партии. Считался крупнейшим в республике знатоком экономики и торговли. Во время войны он служил переводчиком при Генштабе и при Министерстве вооружения СССР. Латворг он возглавлял лет десять-двенадцать.

Человек пятнадцать из находившихся в подчинении у него директоров магазинов показали на следствии, что ежемесячно давали Розенблюму взятки. Правда, на суде многие из них отказались от своих показаний, но было уже поздно. Предварительное следствие установило, что сам он лично ни разу не получал денег от директоров, а пользовался услугами посредников. Розенблюм откровенно рассказал, как эти деньги перетекали в руки больших начальников и назвал их имена, довольно громкие. Но эти начальники не были допрошены следствием и не были приглашены в суд хотя бы в качестве свидетелей. Розенблюма, как и Гольдмана, приговорили к расстрелу. Я думаю, что суровость приговора была predetermined самим временем. Но и помимо этого, его погубило именно то, что он слишком много знал о противоправной деятельности высших государственных чиновников. И ему уже не могло помочь ничто: ни репутация прекрасного организатора, ни блестящее образование, ни военные заслуги, ни даже чистосердечное признание.

Группа в 60 человек видных торговых работников

Латвии после приговора обратилась к Председателю Президиума Верховного Совета с прошением о помиловании Розенблюма. Всех коммунистов, подписавших это прошение, исключили из партии и уволили с работы.

Как хозяйственник, хорошо знакомый с состоянием советской экономики, я мог бы подтвердить многое из того, что говорилось на эту тему Гольдманом и Розенблюмом перед судом. Действительно, в СССР сосуществуют две экономики – государственная плановая и частнопредпринимательская, *левая*. Это знают все инстанции, включая органы контроля, и закрывают на это глаза, за солидные взятки практически поощряя развитие частнопредпринимательской деятельности. С другой стороны, частнопредпринимательская деятельность "подправляет" государственное планирование, пренебрегающее бытовыми нуждами населения. Работники легкой промышленности изыскивали способы расширить производство, чтобы эти нужды удовлетворить, и наткнулись на вымогательство вышестоящих чиновников, требовавших взятки за все: за расширение станочного парка, за обновление оборудования, за сырье. И на опыте своей работы в хозяйстве Латвии я могу подтвердить то, что заявляли Гольдман и Розенблюм: никогда не было такого времени, чтобы две экономики не сосуществовали параллельно, чтобы легкая промышленность и торговля не испытывали давления со стороны вышестоящих органов, вымогавших у них взятки и тем подстрекавших к получению все больших *левых* доходов. Однажды в республике решили избавиться разом и от евреев-хозяйственников, слишком много знавших об истинном положении дел в республике, и от правонарушений в торгово-промышленной деятельности. Смертный приговор Гольдману и Розенблюму был мерой устрашения.

С тех пор прошло более пятнадцати лет. Но принципиально ничего не изменилось в Латвии: снабжение населения бытовыми товарами по-прежнему отстает от спроса, все так же сосуществуют две экономики, так же процветает коррупция, так же начальство вымогает у производителей и

торговых работников взятки, и так же время от времени этих последних сажают в тюрьму, стараясь избежать излишнего шума. Я ответственно подтверждаю, что власти в Латвии сознательно старались и стараются сделать евреев единственными виновниками положения дел в промышленности и хозяйстве республики, переложив на их плечи все принципиальные ошибки централизованного планирования. Процессы хозяйственников в Латвии были антисемитскими по духу, а по сути они обнаружили неспособность плановой экономики справиться с проблемами снабжения”.

ВАЛЮТНЫЕ ДЕЛА*

ДЕЛО РОКОТОВА и др.

19 мая 1961 года все газеты Советского Союза поместили на своих первых страницах сообщение под шапкой ”В Комитете Государственной Безопасности и Прокуратуре СССР”. Вот полный текст сообщения:

”Комитетом Государственной Безопасности при Совете Министров СССР арестованы и привлечены к уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях и спекуляцию валютными ценностями в крупных размерах Рокотов Я.Т., Файбишенко В.П., Эдлис Н.И., Попов С.К., Лагун И.И., Паписмедов Я.О., Паписмедов Ш.О., Паписмедов И.М., Ризванова М.Л.

Материалами предварительного следствия установлено, что указанные лица, нарушая правила о валютных операциях, в целях наживы, систематически скупали в крупных размерах у иностранцев и отдельных советских граждан в Москве и других городах СССР иностранную валюту и золотые

* Поскольку так называемые ”валютные дела” имели особенно громкий общественный резонанс как в СССР, так и за рубежом, я выделяю описания некоторых дел из этой категории в особый раздел.

монеты, а затем перепродавали их по спекулятивным ценам.

При обыске у них изъято золотых монет общим весом более 12 килограммов, большое количество иностранной валюты, советских денег и других ценностей. Как установлено следствием, эти преступники скупили и перепродали иностранной валюты и золотых монет в общей сложности более чем на 20 миллионов рублей (в старых деньгах).

Привлеченные к уголовной ответственности лица продолжительный период времени не занимались общественно-полезным трудом, вели паразитический образ жизни, разлагающе влияли на отдельных неустойчивых граждан и, вступая в преступные связи с иностранцами, унижали достоинство советских людей. Следствие по делу закончено, обвинительное заключение утверждено Генеральным Прокурором СССР, дело передано на рассмотрение суда”.

Грозный заголовок, особый набор имен, знакомая стилистика правительственных сообщений... В воздухе явственно повеяло незабытым за восемь лет ”делом врачей”, эпилогом сталинского правосудия.

Но теперь во главе правительства стоял Никита Сергеевич Хрущев, а Законы от имени государства подписывал тогдашний Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев.

Заклученные, находившиеся под следствием по делу о валютных операциях*, были вправе ожидать приговора по Закону, действовавшему в период совершения ими преступлений и предусматривавшему за такие преступления наказание в виде трех лет лишения свободы с конфискацией имущества. Но 5 мая 1961 года и 6 июля 1961 года были приняты Указы Президиума Верховного Совета о борьбе с расхитителями социалистической собственности и нарушителями правил о валютных операциях. И это — в нарушение всех юридических норм — трагически сказалось на судьбе за-

* См. в настоящей книге раздел ”Трансформация закона” и ”Приложения”.

ключенных, хотя первый из ужесточающих наказание Указов был опубликован только 19 мая 1961 года.

Уже в самый день публикации "Сообщения", 19 мая 1961 года, облеченные особым доверием журналисты на страницах тех же самых газет принялись за обработку общественного мнения, формируя его в направлении, заданном тогдашним главой правительства Никитой Хрущевым. Этим журналистам новый, ужесточенный закон был известен задолго до опубликования или правительственной информации о нем. Журналисты совсем не стеснялись того, что в их распоряжение КГБ предоставил материалы *следственного производства*, которые, по закону, не должны быть доступны лицам, не имеющим отношения к самому следствию. Статья 139 УПК* РСФСР озаглавлена: "Недопустимость разглашения данных предварительного следствия" и гласит следующее: "Данные предварительного следствия могут быть преданы гласности с разрешения следователя или прокурора в том объеме, в каком они признают это возможным... От указанных лиц отбирается подпись с предупреждением об ответственности".

Но в самый день публикации "Сообщения" Ю.Феофанов, заведующий Приемной газеты "Известия" (второй по значению после "Правды" газеты страны), обычно специализирующийся на судебной хронике и всегда, где есть случай, приправляющий ее антисемитским душком, опубликовал статью "Фирма терпит крах".

Еще суд не рассмотрел дела в подготовительной стадии производства и не сказал своего слова о качестве добытого материала и аргументации обвинения, еще не установлена виновность обвиняемых, а Ю.Феофанов, юрист, кстати, по образованию, рассказывает обо всех материалах следствия: приводит описание очных ставок и оскорбительные клички обвиняемых, раскрывает содержание обвинений, прославляет чекистов и с особым удовольствием напирает на еврей-

* Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР. М., 1973.

ские имена: Бер Яковлевич, Бася Хаймовна и т. д. ”Я *перелистываю уголовное дело*, — не стыдясь, пишет автор, — и, откровенно говоря, удивляюсь. Сейчас и ”дельцы”, и ”купцы”, и вся мелкая шпана готовятся к неприятному обряду, предусмотренному Уголовно-Процессуальным Кодексом. Их будут судить. *Все честные люди требуют*, чтобы их судили со всей суровостью, без снисхождения, по всей строгости справедливых Советских Законов, так как этого требует *недавно принятый* (то есть только сегодня опубликованный! — Е.Э.) Указ Президиума Верховного Совета СССР. Эти люди совершали или помогали совершать *экономическую диверсию* против своей Родины. Так могут квалифицироваться их поступки *вне зависимости* от того, *по какой статье* Уголовного Кодекса суд им *вынесет* приговор... Наступает час возмездия!”

Весь курсив в приведенной выше цитате принадлежит мне. Я хотела обратить внимание читателя на особые обстоятельства, связанные с появлением в печати статьи журналиста-юриста. ”Известия” — утренняя газета. И ”Сообщение” и Указ об изменении Закона напечатаны одновременно со статьей Феофанова*. Еще никто не прочитал ”Сообщения”, но журналист убежден: ”весь народ требует” и задолго до рассмотрения дела уже указывает правосудию: ”осудите, неважно по какой статье, но осудите!” Да когда же и сам Феофанов успел и прочитав ”Сообщение”, и написать, и сдать в редакцию статью, и ”перелистать дело” — и интересно, где именно он его перелистывал? И как уверенно он пытается заставить правосудие применить новый закон к правонарушениям, совершенным во время действия иного закона! Это открытый призыв к попранию Закона, это грубое вмешательство в Закон, это, наконец, сознательная подготовка предпочтения волевых указаний Н. Хрущева букве и духу Закона!

* 5 мая, в традиционный советский праздник ”День печати”, был опубликован только Указ Президиума Верховного Совета о борьбе с тунеядцами.

В тот же день 19 мая 1961 года газета "Комсомольская правда" опубликовала статью И.Шатуновского "Стервятники" с подзаголовком: "Банда охотников за валютой предстанет перед судом". Акцент с содержания самого дела переносится на личности подсудимых, на их еврейские имена, отчества и фамилии: "это были законченные, отпетые негодяи", "молодой лоботряс Файбишенко", "мерзкий тип", "стервятники подворотен", "грязные неопрятные старики, которые под заунывные слова молитв, читавшиеся нараспев раввином, совершали спекулятивные сделки", "они, начавшие свою жизнь бездельниками, тунеядцами, лоботрясами, стали крупными спекулянтами, мошенниками, бандитами..." В отличие от Феофанова, И.Шатуновский не стремится дать юридический анализ и не стыдится своей неграмотности. Это "свой парень", который с позиций "справедливого народного гнева" внушает читателю, что нет разницы между мошенничеством и бандитизмом, что группа правонарушителей-валютчиков должна быть приравнена к "банде"*.

Задолго до судебного процесса печать, "самое сильное и мощное оружие нашей партии", формировала общественное мнение.

10 июня 1961 года настало время судебных репортажей. Они появились одновременно во всех центральных газетах: "Перед ответом" ("Правда"), "На жесткой скамье" ("Известия"), "Ян Косой и другие" ("Труд"), "Рабы желтого дьявола" ("Советская Россия").

16 июня 1961 года "Правда" поместила официальное сообщение "В Московском городском суде", из которого следует, что к обвиняемым был применен Указ Президиума Верховного Совета от 5 мая 1961 года. Рокотов Я.Т., Эдлис Н.И., Файбишенко В.П. были приговорены к 15 годам лишения

* Статья 13 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР гласит: "Никто не может быть признан виновным иначе, как по приговору суда". Аналогичные статьи содержатся во всех кодексах союзных республик.

свободы; Паписмедов Я.О., Паписмедов Ш.О., Ризванова М.Л., Лагуни И.К. — к 8; Паписмедов И.М. — к 6 годам лишения свободы. Напомню, что по Закону, действовавшему в момент совершения подсудимыми правонарушений, они могли получить за свои действия не более трех лет. Подсудимые кассировали приговор, как и их защитники.

Но 21 июля 1961 года последовало новое сообщение "Правды" — "В Верховном Суде СССР". Приведем из него только первую и последнюю фразы: "Генеральным прокурором СССР был внесен в Верховный Суд РСФСР кассационный протест на мягкость приговора Московского городского суда по делу Рокотова и др. (...) Учитывая, что Рокотов и Файбишенко совершили тяжкое уголовное преступление, Верховный Суд РСФСР на основании части второй статьи 15 Закона о государственных преступлениях, приговорил Рокотова и Файбишенко к смертной казни — расстрелу с конфискацией всех изъятых ценностей и имущества".

А через неделю, 28 июля 1961 года, газета "Гудок" опубликовала заметку в пять строк, под заглавием "Валютчики расстреляны".

Дело Яна Рокотова было установочным, сигнальным, направляющим. С него началась сплошная полоса беззакония, творимого в судах по велению кабинетных инструкций и телефонных звонков "сверху", "от самого", от Хрущева. А меж тем уже были приняты "Основы уголовного и процессуального законодательства", запрещавшие "в случае появления нового закона, ухудшающего санкцию за деяния, распространять ее на подследственных или подсудимых". Рокотов и его поделельники не могли при соблюдении юридических норм получить более трех лет. Они уже по два года сидели в тюрьме, когда была изменена мера пресечения, и срок был увеличен до восьми лет. Уже и этот "новый" закон был распространен на них незаконно. Под самый занавес следствия появился подписанный Брежневым Указ с грифом "секретно", увеличивавший наказание до 15 лет. Этого максимального наказания просил для Рокотова, Файбишен-

ко и Эдлис у суда представитель Прокуратуры СССР Г.А.Терехов (уже знакомый нам по делу о коррупции в Киргизии). И председательствовавший в процессе весьма опытный и грамотный юрист Леонид Абрамович Громов не поспешил — дал по 15 лет троем заключенным.

В кулуарах говорили, что Хрущев имел с Генеральным Прокурором Руденко "откровенный разговор": "Никакой пощады жидам! Какой еще там закон, чтобы им сохранять жизнь?! Законы пишем мы! А жидов надо стрелять!" Руденко *лично* внес протест против слишком мягкого приговора, и это в то время, когда защитники обвиняемых и они сами уже подали кассационные жалобы на жесткость приговоров. Новое законодательство в СССР было принято при его (Руденко) прямом участии, но Генеральный Прокурор перешагнул и через совесть, и через профессиональный долг юриста. И это — законник, представлявший Советский Союз на международном процессе нацистских преступников в Нюрнберге! И тот же прокурор Г.Терехов, просивший у Московского городского суда 15 лет для Рокотова и Файбищенко, теперь требовал перед лицом Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР высшей меры — расстрела!* И под председательством главы Верховного Суда РСФСР А.Рубичева 21 июля 1961 года было внесено изменение в приговор Мосгорсуда: Рокотова и Файбищенко, ранее присужденных к 15 годам лишения свободы, по рассмотрении *их кассационных жалоб* и протеста прокурора, расстрелять. А через неделю газеты сообщили, что приговор уже приведен в исполнение! Да мог ли Президиум Верховного Совета успеть за это время рассмотреть ходатайство осужденных о помиловании?

Но зачем формальный пересмотр, если по *трижды* нарушенному и попранному самим законодателем Закону Кассационная Коллегия Верховного Суда, по жалобам осужденных на жестокость приговора, постановила заменить пятнадцат-

* "Правда", 21 июля 1961 года.

цатилетнее заключение расстрелом? Так Закон склонился перед волевым указанием главы правительства Никиты Хрущева.

Газеты старались мобилизовать общественное мнение против обвиняемых на процессе, так сказать, морально подготовить общество к жестокости неправого приговора. Во всех репортажах журналисты, рассказывая о валютных сделках, называли суммы в старом курсе денег, хотя денежная реформа от 1 января 1961 года уменьшила масштаб цен в десять раз, но когда назывались вдесятеро завышенные суммы, вина подсудимых, казалось, усиливалась тоже раз в десять. Законодатель избегал объяснять публике, каковы на самом деле должны быть законные юридические последствия действий подсудимых, совершенных до введения чрезвычайного законодательства.

Пресса вовсе не коснулась вопроса о том, что все валютные преступления подстраховывались работниками ОБХСС, которые за мзду годами наблюдали и поощряли эти незаконные сделки и объективно были их соучастниками. А между тем неприглядная роль ОБХСС вскрывалась на всех "валютных" процессах, будь то в Москве, Грузии, Киргизии или Литве. Работники системы Министерства Внутренних Дел за деньги способствовали развитию преступлений. Состав посетителей в залах суда на этих "открытых" процессах был всегда заранее отобран, "приглашения" распространялись по предприятиям, и "приглашенных" достаточно определенно настраивали и информировали заранее, чтобы они в нужную минуту встречали приговор одобрением. Конституционный принцип — "действие закона во времени и пространстве" — был отброшен указанием свыше.

После дела Рокотова прокатилась волна аналогичных процессов по всем союзным республикам. Приговоры были большей частью двух видов — 15 лет или расстрел, разумеется, всегда с конфискацией имущества. Преклонный возраст — 72, или 80 лет, или 81 год — не препятствовал применению высшей меры; не служили смягчающим обстоятельством

вом признание вины, добровольная выдача ценностей, участие во Второй мировой войне и полученная на фронте инвалидность. К расстрелу приговаривали и женщин. И всегда на этих процессах веял антисемитский дух, доносившийся к читающей публике сквозь судебные репортажи.

Не испытываю ли я излишней симпатии к осужденным за валютные операции? Понимаю ли государственное значение борьбы с этим видом преступлений?

Позиция моя проста — я стою на стороне Закона. Государство обязано бороться с тем видом преступления, которое оно считает наиболее опасным, но оно обязано делать это в рамках Закона. Здесь же Закон был попран многократно, государство проявило себя не законодателем, а мстителем. И соучастниками грубого нарушения Закона были как раз те учреждения СССР, которые призваны охранять Закон и следить за правильным исполнением его: Прокуратура Союза и Верховный Суд СССР.

Ни один последующий "валютный" процесс в СССР не может быть правильно понят и оценен без анализа "дела Рокотова". Центральный КГБ рассылал в другие республики и города не только директивы, но и копии протоколов допросов подследственных и экспертных заключений. Была общая государственная направленность репрессий по этим делам. Красноречивым документом эпохи остаются и сегодня сообщения ведущих советских газет, воспроизводившие приговор по делу Рокотова и др., определение Верховного Суда РСФСР и сообщение об исполнении приговора. Приводим их ниже.

"В МОСКОВСКОМ ГОРОДСКОМ СУДЕ"

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда под председательством председателя Московского городского суда тов. Громова Л. А. с участием народных заседателей гг. Александрова А. М., Громакова А. И. с 31 мая по 15 июня 1961 года рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по обвинению Рокотова Я. Т.,

Файбишенко В.П., Эдлис Н.И., Лагуна И.И., Паписмедова Ш.О., Паписмедова И.М., Ризвановой М.Л., привлеченных к уголовной ответственности Комитетом Государственной Безопасности при Совете Министров Союза ССР за нарушение правил о валютных операциях и спекуляцию валютными ценностями.

Государственное обвинение по делу в суде поддерживал старший помощник Генерального Прокурора Союза ССР государственный советник юстиции 2-го класса Терехов Г.А.

Защиту обвиняемых в суде осуществляли адвокаты городской коллегии адвокатов Рогов Н.И., Шафир В.С., Клебанер А.И., Левинсон Д.С. и адвокат Тбилисской городской коллегии адвокатов Баазова Ф.Д.

На заседаниях суда присутствовали представители общественности гор.Москвы, рабочие и служащие предприятий и учреждений.

В ходе судебного разбирательства были полностью подтверждены материалы предварительного следствия, изобличающие обвиняемых Рокотова, Файбишенко, Эдлис и других в том, что они, нарушая правила о валютных операциях, в целях наживы систематически скупали в крупных размерах у иностранцев и отдельных советских граждан в Москве и других городах СССР иностранную валюту и золотые монеты, а затем перепродавали их по спекулятивным ценам.

Как установлено судом, привлеченные к уголовной ответственности лица за сравнительно короткое время скупали и перепродали иностранной валюты и золотых монет в общей сложности более чем на 20 миллионов рублей (в старых деньгах). Преступная деятельность обвиняемых являлась источником нетрудового дохода определенного круга лиц, способствовала нелегальному вывозу советских денег и иностранной валюты за границу, развитию контрабанды и спекуляции товарами.

В процессе рассмотрения дела в суде установлено, что подсудимые, не желая честно трудиться в интересах общест-

ва, вели паразитический образ жизни, путем спекуляции валютой извлекали нетрудовые доходы и обогащались.

Обвиняемые Рокотов, Файбишенко, Эдлис и другие с целью скупки валютных ценностей и товаров систематически встречались с гражданами капиталистических стран, которые привозили эти ценности в нашу страну контрабандным путем, а затем перепродавали их по спекулятивным ценам. *Вступая в подобные преступные связи, они унижали достоинство советского человека.*

Все подсудимые в судебном заседании *полностью признали себя виновными*, дали подробные показания о своей преступной деятельности и сообщниках по спекуляции валютными ценностями.

Виновность Рокотова, Файбишенко, Эдлис и других в совершении преступлений подтверждается также многочисленными свидетельскими показаниями, заключениями экспертов, изъятыми у них валютными ценностями и другими вещественными доказательствами.

Признав подсудимых виновными в совершенных ими преступлениях, Судебная Коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговорила: Рокотова Я.Т., Эдлис Н.И. и Файбишенко В.П. к пятнадцати годам лишения свободы каждого; Паписмедова Я.О., Паписмедова Ш.О, Ризванову М.Л., Лагуна И.И. — к восьми годам лишения свободы каждого; Паписмедова И.М. — к шести годам лишения свободы.

Рокотов и Эдлис Надежда первые пять лет, а Файбишенко и Паписмедов Я.О. — первые три года наказания, согласно приговору, будут отбывать в тюрьме.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 года, к осужденным Рокотову, Файбишенко, Эдлис и другим не может быть применено условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием.

Все изъятые у них валютные ценности, в том числе золотые монеты общим весом 12 килограммов, большое ко-

личество иностранной валюты, советских денег и других ценностей обращены в доход государства.

Приговор встречен единодушным одобрением всех присутствующих в зале суда.

(ТАСС)

”Правда”, 16 июня 1961 года

”В ВЕРХОВНОМ СУДЕ РСФСР”

Генеральным Прокурором СССР был внесен в Верховный Суд РСФСР кассационный *протест на мягкость приговора Московского городского суда* по делу Рокотова Я.Т., Файбишенко В.П., осужденных 15 июня за спекуляцию валютой в крупных размерах к лишению свободы сроком на 15 лет каждого.

Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР удовлетворила этот протест и дело обратила на судебное рассмотрение.

18 – 19 июля Верховный Суд РСФСР в составе председательствующего Председателя Верховного Суда тов. Рубичева А.Т., народных заседателей: машиниста электровоза депо Московской железной дороги тов. Васильева А.Н. и слесаря-инструментальщика завода № 569 тов. Маурина А.И. рассмотрел в открытом судебном заседании уголовное дело по обвинению Рокотова Я.Т. и Файбишенко В.П. в спекуляции валютой в особо крупном размере.

Государственное обвинение поддерживал старший помощник Генерального прокурора СССР Государственный советник юстиции 2-го класса тов. *Терехов Г.А.*

Защиту обвиняемых осуществляли адвокаты тт. Рогов Н.И., Швейский В. Я.

Суд признал Рокотова и Файбишенко виновными в том, что они систематически с целью наживы скупали в крупных размерах у иностранцев и некоторых советских граждан иностранную валюту и золотые монеты, перепродавали их затем по спекулятивным ценам. Как установлено судом, Рокотов скупил и перепродал валюты и золотых монет на об-

щую сумму свыше 12 миллионов рублей, Файбишенко скупил и перепродал валюты на общую сумму около 1 миллиона рублей (*в старых деньгах*).

Веда паразитический образ жизни, Рокотов и Файбишенко обогащались за счет благ, создаваемых трудящимися.

Учитывая, что Рокотов и Файбишенко совершили тяжкое уголовное преступление, Верховный Суд РСФСР на основании части второй статьи 15 Закона о государственных преступлениях, приговорил Рокотова и Файбишенко к смертной казни — расстрелу с конфискацией всех изъятых ценностей и имущества.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Приговор встречен с одобрением присутствовавшими в зале суда.

”Правда”, 21 июля 1961 года

”ВАЛЮТЧИКИ РАССТРЕЛЯНЫ”

Президиум Верховного Совета РСФСР отклонил ходатайство Рокотова Я.Т. и Файбишенко В.П., осужденных Верховным Судом РСФСР на основании части второй статьи 15 Закона о государственных преступлениях за спекуляцию валютой в крупных размерах к расстрелу.

Приговор приведен в исполнение.

”Гудок”, 28 июля 1961 года

ДЕЛО НАТАНОВА

Дело рассматривалось в Мосгорсуде в те же хрущевские годы. Я приняла защиту часовщика Натанова по просьбе его жены.

Круг захваченных кампанией по борьбе с валютчиками тогда необычайно расширился. ”Валютчики” наводнили тюрьмы. За действия, сулившие им в прошлом несколько лет заключения, они теперь ожидали смертной казни.

Репрессировали зубных врачей — у них отбирали золото. Добрались и до часовщиков. Часовой мастер — профессия

потомственная, очень распространенная у евреев. Аресты часовщиков как участников противоправных действий с валютой прокатились по всему Советскому Союзу.

Долгое время слушанием дел о "нарушении правил о валютных операциях" в Мосгорсуде занимался Иван Михайлович Климов. Он состарился и сгорбился на этой работе. Глаза его были бесцветны и пусты. И сердце его было холодно и пусто. За годы ведения этих дел он утонул в крови, в еврейской крови. В его облике несомненно было что-то садистское. Голос его неприятно дребезжал. В сторону подсудимого он не смотрел. Он просто переписывал полностью обвинительное заключение в приговор. Оправдательных приговоров он не выносил. В Верховный Суд РСФСР уходили рассмотренные Климовым дела с кассационными жалобами осужденных и их адвокатов. И на обложках их всегда атели две буквы: "В.М." — высшая мера!

За безупречную службу Климов удостоился звания "Заслуженный Юрист Республики", многих льгот и персональной пенсии.

Лишь иногда на его лице проявлялось оживление, выдававшее затаенную охотничью страсть. Так бывало, когда подсудимые, надеясь на снисхождение к себе, "топили" друг друга. Вот тогда на лице Климова отчетливо проступало: "Ату его! Ату!"

Большая группа часовщиков уже была осуждена: многие — на длительные сроки заключения, а несколько даже очень пожилых людей — на смертную казнь. Часовщики, действительно, помимо основной своей работы, скупали и продавали ценности, но они делали все это только *внутри страны и среди определенного круга лиц*. В ходе следствия, надеясь на милость суда к самим себе, эти люди оговаривали себя, друг друга и людей, дела которых к тому времени еще не были рассмотрены судом. Так они надеялись спасти свою жизнь! Теперь, уже после приговоров, их должны были допросить по этим вновь созданным делам в качестве свидетелей обвинения. Исполнение приговоров по отношению к

этим свидетелям, уже осужденным, задерживалось, и они оставались еще в тюрьме.

И вот на столе у Климова дело часовщика Натанова. Натанов категорически отрицает совершенное им преступление, то есть нарушение правил о валютных операциях. На предварительном следствии против него свидетельствовали люди, которые теперь уже осуждены, и некоторые из них — на смертную казнь. К обложке дела Натанова подшит документ: "Перечислить за Мосгорсудом свидетелей (имярек), уже осужденных по своим делам *до допроса их по делу Натанова*. Председатель Верховного Суда РСФСР — Л.Н.Смирнов". (Ныне Л.Смирнов — Председатель Верховного Суда СССР.)

Дело рассматривается в обычном порядке, при закрытых дверях. Допрос свидетелей начинается к концу первого дня. Пока доставлен только один. Конвой вводит старого, сгорбленного и совершенно глухого человека, пользующегося слуховым аппаратом. Свидетель Эпштейн, часовщик, осужден по своему делу на 15 лет лишения свободы. Ему семьдесят лет. Свидетель полностью отказывается от оговора в отношении Натанова. Судья Климов не на шутку рассержен:

— Почему на следствии вы говорили другое?

— Я это говорил, когда вы лично, гражданин Председатель, и Прокурор обещали мне по моему делу минимум наказания, а приговорили глухого больного старика к 15 годам лишения свободы. Я поверил вам и наговорил на Натанова, о котором ничего не знаю.

— Суд объявляет перерыв до завтра, — заключил судья Климов.

Назавтра судебное заседание возобновило свою работу. Секретарь доложил, что никто из свидетелей больше в суд не доставлен. Объявлен перерыв. Из совещательной комнаты, где находились прокурор и весь состав суда, доносились громкие голоса. Затем прокурор и суд вернулись в зал. Судья Климов довел до сведения участников процесса, что другие

свидетели по делу не доставлены в суд. Каково мнение сторон о возможности окончания судебного следствия?

Прокурор:

— Оставляю это на усмотрение суда.

Я сказала:

— По закону суд имеет право выносить приговор только по доказательствам, проверенным в судебном заседании. Натанов категорически отрицает свою вину. Единственный свидетель Эпштейн, будучи вчера допрошен судом, отказался от оговора в отношении Натанова. Другие свидетели не доставлены, следовательно, нельзя без их допроса в суде, без проверки их показаний в следствии, закончить рассмотрение дела и вынести приговор по непроверенным данным. Я настаиваю на участии всех свидетелей в суде и проверке их показаний, как это прямо диктует Закон.

Судья Климов:

— Перерыв! Адвокат, зайдите в совещательную комнату!

В совещательной комнате Климов с издевкой сказал мне:

— Не повторяйте вновь в судебном заседании ходатайство о допросе отсутствующих свидетелей.

— Это почему же?

— А вы разве не знаете, что вчера у евреев был Судный день? Всех *ваших* свидетелей вчера расстреляли. Вот справка!..

Да, в КГБ хорошо знают еврейский календарь.

Климов, конечно, не подвел, справился и без свидетелей, и вынес нужный приговор. Верховный Суд РСФСР под председательством Дегтярева рассмотрел кассационные жалобы осужденного и защиты и тоже не нашел нарушений процессуального закона со стороны Мосгорсуда.

Натанов, часовщик с улицы Горького, отец трех малолетних детей, участник Отечественной войны, был присужден к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества и к трехлетней ссылке после отбытия основного наказания в исправительно-трудовых лагерях усиленного режима.

Да, вчера был Йом-Кипур. Был Судный день.

Как сказано в "Определении Верховного Суда РСФСР",
"закон исполнен в соответствии..."*

ДЕЛО ЗЕЛЬДЫ ЗИСМАНОВИЧ

Экономические процессы шестидесятых годов, проходившие в Литве, принципиально ничем не отличались от аналогичных процессов в других советских республиках. Дело Зельды Зисманович знакомо мне досконально, поскольку я осуществляла защиту в порядке надзора по ее делу по поручению родственников осужденной. Специфической чертой в деле Зисманович мне представляется ее трагическая история, относящаяся к периоду Второй мировой войны, никак не принятая во внимание судом, назначившим ей несправедливо-суровое наказание и квалифицировавшим ее действия как особо опасное деяние — совершение сделок с нарушением правил о валютных операциях. Ниже я излагаю дело Зельды Зисманович по своим собственным записям, а также по записи беседы с ней уже в Израиле, где она проживает в настоящее время.

Зельда Зисманович, 45 лет, делила скамью подсудимых с еще пятью обвиняемыми: 49-летним Абрамовичем, супругами Резницкими, Абрамом и Басей, оба 45-летние, 45-летним же парикмахером Каминером, его 40-летним братом И.Каминером. Все шестеро были евреи. Все обвинялись в нарушении правил о валютных операциях и в спекуляции валютными ценностями. Процесс длился более месяца. Дело слушалось в Верховном Суде Литовской ССР. Следствие было проведено Комитетом Госбезопасности Москвы, в связи с чем подсудимых увозили в Лефортово для допросов,

* О деле Рокотова и др. мною были взяты интервью у моих коллег-адвокатов, участвовавших в этом процессе: А.Клебанера, В.Швейского, Н.Рогова. Этот процесс описан также в книге Фаины Баазовой "Прокаженные". Иерусалим, "Библиотека-Алия", 1979.

и они оказывались оторванными от родных и близких, желавших оказать им помощь и поддержку.

Следствие по делу Зельды Зисманович вел майор Винокуров. Он не скупился на угрозы: "Не будешь говорить — угодишь в лагерь, куда Макар телят не гонял, дочери своей не увидишь. А нам и так все известно!" Между тем Зельде по делу сообщить было нечего, она ничего о нем не знала. У нее были свои собственные дела, весьма незначительные. Их даже трудно назвать правонарушениями.

Какое отношение имела Зельда к семье Резницких, понять нельзя, если не обратиться к их общей истории, к пережитому в годы фашистской оккупации Литвы. Семья Резницких с двумя детьми, двух и четырех лет, и семья Зисмановичей с двухлетней дочкой, оказались тогда в гетто. В одной из так называемых "акций", во время которой немцы уничтожили 2000 мужчин — обитателей гетто, погиб муж Зельды. Следующая "акция" касалась детей. Было объявлено, что их вывезут в Германию, где попытаются сделать из них "настоящих людей". Однако и детей, всех без исключения, в том числе детей Резницких, расстреляли. Так семья Резницких осталась без детей. Зельде же, предупрежденной по секрету одним из литовских охранников заранее о предстоящей расправе, удалось спрятать дочку за пределами гетто, в литовской семье. Девочку держали в погребе, и в минуты крайней опасности затыкали ей рот кляпом — чтобы не могла погубить себя и спасителей. Красивая, белокурая девочка спаслась еще и потому, что внешне походила на литовку. Мать ее к концу войны оказалась в Дахау и чудом осталась жива. После войны для нее наступили времена безостановочных поисков.

Она выяснила, что литовка, спрятавшая девочку, уехала после войны в Австралию, перепоручив ребенка заботам своего брата. Этот последний сдал девочку в детский дом. Зельда добралась наконец до этого детского дома. Заведующий построил детей и сказал Зельде: "Найдешь сразу — отдам. Нет — пеняй на себя". Зельда не сомневалась ни минуты, уви-

дев белокурую девочку с черными глазами: "Я — твоя мама. Пойдем со мной!" "Но моя мама в Германии", — ответила девочка. "Так ведь это ж я и есть! Пойдем!" И девочка пошла с матерью.

Зельда, чудом нашедшая дочку и теперь растившая ее без мужа, продолжала дружить с Резницкими, видевшими в ее спасенной девочке напоминание о своих погибших детях. Они принимали участие в жизни матери и дочери Зисманович.

По профессии Зельда была парикмахер. Литовские дамы, еще не утеревшие западных привычек, приходили к ней домой делать стрижку и прическу. И часто расплачивались мелкими валютными купюрами, оставляли ей доллар-другой. На обыске у З.Зисманович изъяли около 300 долларов, скопившихся за все послевоенные годы. (Обыск проходил в 1961 году.)

Именно в 1961 году супруги Резницкие были арестованы по обвинению в спекуляции валютой. Зисманович была их близкой знакомой. Ее дочь по временам жила в доме Резницких. Зельду заподозрили в участии в делах Резницких. Произвели обыск, изъяли 300 долларов, арестовали. Она стала подсудимой в громком процессе. Дело Резницких было осколком и отголоском грозного "Дела Рокотова". И это определило тяжесть последствий.

На следствии, не выдержав давления и угроз, страшаясь за судьбу дочери, Зельда признала свою вину. Но как ни требовали, как ни вымогали признания, как ни возили из Паневежиса в Москву и обратно, — она не могла быть полезной следствию. Не "дела" связывали ее с Резницкими, а общее трагическое прошлое.

Четверо из шести, привлеченных по этому делу, были приговорены к расстрелу. Впервые смертный приговор "за валюту" был вынесен женщине — Басе Резницкой. Каминер-младший получил 15 лет. Зельда Зисманович за доллары, выплаченные ей клиентами, получила 6 лет и отсидела их полностью, как говорится "от звонка до звонка". Басе Резницкой смертную казнь милосердно заменили 15 годами ли-

шения свободы. Остальные приговоры были приведены в исполнение. Отбыв полностью срок, Бася Резницкая, одинокая пожилая женщина, приехала в Израиль. Прожила она недолго. (Кстати сказать, среди отягчающих вину обстоятельств следствие и суд упоминали о намерении Резницкой выехать в Израиль.)

Зельда Зисманович приехала в Израиль с семьей своей дочери. Она и по сей день не может спокойно говорить о прошлом.

ДЕЛО МЕЙТЫ ЛЕЙКИНОЙ (Ленинград – Москва)

К делу Мейты Лейкиной я была лишь косвенно причастна, поскольку ее родные обратились ко мне в то время, когда, запросив разрешение на выезд в Израиль, я уже не могла сама вести дело. Я передала дело московскому адвокату Льву Юдовичу. Но и сама продолжала сохранять живой контакт и с родными подзащитной, и с ее новым адвокатом, участвуя в этом деле советом, составлением писем и обращений к общественным деятелям, как советским, так и зарубежным.

Дело это отмечено определенным своеобразием. Прежде всего, в нем трудно обнаружить состав какого-либо преступления, задевающего экономические интересы государства. Правонарушением в данном случае было сочтено желание семьи распорядиться своим личным имуществом по своей воле. По дате рассмотрения его в суде, дело является одним из самых поздних в книге: оно относится к 1975 году, и это показывает, что антиеврейская направленность не исчезла из судебной практики с окончанием хрущевского правления, а продолжалась и в недавние брежневские времена.

Процесс по делу Мейты Лейкиной проходил в Москве. Общественным фоном, на котором этот процесс может быть понят во всем его значении, послужило набиравшее силу движение евреев за право выезда в Израиль.

Дочь Мейты Лейкиной Анна, в замужестве Росновская,

вместе с семьей собиралась покинуть СССР. По профессии она скрипачка, выпускница и аспирантка Московской государственной консерватории. Скрипачом был и отец Анны, Мордехай Лейкин, долгие годы проработавший концертмейстером в оркестре Ленинградской филармонии, руководимом Евгением Мравинским. К моменту отъезда в Израиль семье дочери Мордехаю Лейкину было около семидесяти. Ему принадлежала ценная коллекция старинных скрипок, собранная им за долгую жизнь. Личный инструмент Анны Росновской представлял собой большую ценность: это была скрипка работы старинного итальянского мастера. Анне Росновской было отказано в праве вывезти из страны скрипку, на которой она играла уже много лет.

Анна с мужем, кандидатом медицинских наук, и двумя детьми выехали в Израиль. Родители ее, проживавшие в Ленинграде, сразу после отъезда дочери принялись собираться в дорогу. Но они оказались под бдительным контролем со стороны органов надзора, включавшем наружное наблюдение и прослушивание телефонных разговоров. В семье уже был некий опыт по части того, чем грозит пристальное внимание властей. Если дед Анны со стороны отца был скрипачом, то Лейб Лившиц, отец ее матери, парикмахер по профессии, в период "золотухи" (таково негласное название проводившейся в двадцатые годы государственной кампании по насильственному изъятию золота у населения) был арестован, запятан в тюрьме до потери рассудка, и умер там же в тюрьме, не дожив до дня суда.

Родители уехавшей без рабочего инструмента Анны Росновской стремились, по просьбе последней, переслать ей скрипку с одним из друзей-музыкантов, выезжавших из СССР на гастроли. Еще до отъезда Анна договорилась с одним из известных советских музыкантов, фамилию которого, по понятным причинам, не представляется возможным назвать, что он при первой возможности вывезет ее скрипку за границу, а уж Анна заберет ее, в какой бы стране скрипка не оказалась. Выполняя этот договор, мать отвезла скрип-

ку в аэропорт и там вручила ее музыканту, который действительно вывез ее за границу и оставил для Анны у живущих за пределами Советского Союза знакомых.

На аэродроме, едва отдав скрипку уезжавшему на гастрольный тур скрипачу, Мейта Лейкина, мать Анны, встретила своего давнего знакомого К. и радостно рассказала ему, как хорошо ей удалось отправить скрипку к дочери. Очень скоро выяснилось, что встреча Мейты Лейкиной с К. произошла не вполне случайно. К. прибыл в аэропорт по заданию.

Вернувшись домой из Москвы в Ленинград, Мейта Лейкина застала у себя на квартире нетерпеливо ожидавшую ее бригаду следователей КГБ с ордером на обыск. Коллекция музыкальных инструментов, картины, антикварные ценности, собранные в семье музыкантов за несколько поколений, были описаны во время обыска. Мейта была арестована и препровождена в Москву, в знаменитую тюрьму Лефортово. Ей было предъявлено обвинение в контрабанде — так квалифицировали в КГБ совершенную ею пересылку скрипки дочери. Мордехай Лейкин был арестован также. Он был болен тяжелой формой диабета. Вследствие нарушения необходимого ему режима, у него в тюрьме произошла сахарная кома, после чего он был освобожден из-под ареста и получил разрешение вернуться в Ленинград. Мейта Лейкина осталась в тюрьме. Ей предстояло провести в заключении долгие годы. Она вошла в тюрьму крепкой и энергичной пожилой женщиной, довольно увесистой комплекции — весила она 85 килограммов.

На изменения, происходившие в ее сознании и самочувствии, первым обратил внимание следователь. Что-то неладное было в ее показаниях: она не только легко во всем сознавалась, но наговаривала на себя такие вещи, что даже следователю стало не по себе. Через два месяца после начала следствия, 15 мая 1975 года, следователь вынес определение о направлении Мейты Лейкиной на внутритюремную судебно-психиатрическую экспертизу, поскольку показания подследственной заставляют его сомневаться в целостности ее рассказа.

Через пять месяцев (17 октября 1975 года) Судебная Коллегия по уголовным делам Московского городского суда признала, что проведенная 6 августа по рекомендации следователя тюремная судебно-психиатрическая экспертиза была необходима. И эта же Коллегия постановила, "признавая Мейту Лейкину виновной в контрабанде и нарушении правил о валютных операциях, направить ее в специальную судебно-психиатрическую больницу г. Казани".

Тут непреложно возникает целый ряд вопросов. На каком основании Лейкина могла быть признана виновной, если ее показания не были проверены в суде? Какие ее показания на следствии могли служить доказательствами ее вины, если следователь с первых допросов усомнился в ее вменяемости? Почему Судебная Коллегия Мосгорсуда нарушила Закон, зафиксированный в гл. 6-й УК РСФСР "О принудительных мерах медицинского и воспитательного характера"? Так, в ст.ст. 58 — 61 УК РСФСР говорится о том, что не подлежит наказанию лицо, совершившее преступление в состоянии вменяемости, но *до вынесения приговора судом* заболевшее психической болезнью, лишаящей его возможности отдавать отчет в своих действиях или руководить ими. Почему суд поместил ее в *специальную* судебно-психиатрическую больницу для лиц, представляющих особую опасность для общества?*

Следственные доказательства строились на показаниях того самого К., с которым Мейта Лейкина неосторожно вступила в беседу в аэропорту. К. имел в прошлом несколько судимостей. Записав в московском аэропорту адрес Лейкиной, он незамедлительно сообщил в КГБ, что Лейкина якобы предлагала приобрести у нее кольцо с бриллиантом большого размера. Сам осведомитель не видел ни кольца, ни других ценностей, у Лейкиной не был, но *на всякий случай* сооб-

* См. ст. 59 УК РСФСР: "Лица, помещенные в психиатрическую больницу специального типа, содержатся в условиях усиленного надзора, исключающего возможность совершения ими нового общественно-опасного деяния".

шил о разговоре в органы. Там легко поверили *своему человеку*. Весьма скоро после этого события К. и сам попался на совершении противоправных действий крупного масштаба, однако до ареста он успел исчезнуть... Тем не менее его показания остались в деле Лейкиной, и на них-то суд основывал свое решение.

Вторым доказательством служили показания, полученные следствием у знаменитого скрипача, которому Лейкина передала скрипку. Тот признал, что взял скрипку у Лейкиной для передачи ее дочери, поскольку, неоднократно выступая вместе с Анной Росновской в прошлом, хорошо знал, что эта скрипка принадлежит именно ей. Он указал, что скрипка Анны Росновской имела особую примету — давнее повреждение верхней деки было заделано кусочком дерева другого цвета.

Скрипачу устроили очную ставку с Мейтой Лейкиной, которую только что запрошенная следствием экспертиза признала невменяемой (!). Это свидание потрясло музыканта до глубины души: мудрено теперь было признать в совершенно помешанной, высохшей наподобие мумии женщине энергичную крупную Мейту Лейкину... Она потеряла 55 килограммов веса, и весила всего 30.

Задача суда теперь состояла в том, чтобы составить законообразный документ, который позволил бы конфисковать имущество и коллекционные ценности, собранные несколькими поколениями семьи потомственных музыкантов. Судебное рассмотрение дела производилось по первой инстанции в отсутствие Лейкиной. К., тогда еще находившийся на свободе, был единственным свидетелем. Прокурор настаивал на том, что обвинение доказано по двум статьям — контрабанде и нарушении правил о валютных операциях. Адвокат Лейкиной Лев Юдович просил о вызове в суд психиатров, проводивших экспертизу, и других дополнительных свидетелей. Ему было отказано. Лейкина была признана "совершившей особо тяжкие преступления, относящиеся к разряду государственных", и было принято решение о на-

правления ее на стационарное лечение в казанскую психбольницу. Там она провела три года, подвергаясь впрыскиваниям неизвестных лекарств, лишённая свиданий с близкими...

Через три года КГБ решил ускорить процесс, завершение которого позволило бы ему распорядиться имуществом семьи Лейкиных, бесполезно хранившимся на складах, и потребовал от больничных психиатров собрать комиссию и вынести решение о состоянии здоровья Лейкиной. Комиссия собралась и вынесла требуемое решение: "Лейкина практически здорова, однако допрос ее в суде практически нецелесообразен". И на этой стадии Лейкина не была вызвана в суд. Отсутствовал даже свидетель К., скрывшийся в неизвестном месте. Однако были и прокурор, и адвокат. Приговор суда гласил: "Признать Мейту Лейкину, 1911 года рождения, виновной в контрабанде и нарушении правил о валютных операциях и приговорить ее к трем годам лишения свободы, засчитав ей в срок все три года, проведенные в больнице. Конфисковать все описанное у Лейкиной имущество. Разрешить младшей дочери, Елене Лейкиной, взять мать под свою опеку".

Пока Лейкина сидела в тюрьме и пребывала в тюремной больнице, исполнилось 60 лет советской власти и прошла посвященная этой дате амнистия. Международный "Год матери" отмечался в эти же годы. Произошли даже изменения в толковании того, что именно является "нарушением правил о валютных операциях". Никакого облегчения в положении Лейкиной в связи со всеми этими событиями не произошло. Дочь Лейкиной и ее другие родные, проживавшие вне пределов Советского Союза, привлекли внимание мировой общественности к судьбе несчастной женщины, и пресса многих европейских стран писала о ней. Все было напрасно. КГБ и Московский городской суд показали, что беззаконию в СССР воистину нет границ. Было конфисковано вместе с имуществом семьи Лейкиных и все имущество, принадлежавшее семье их дочери Анны Росновской. Ни закон, ни простое милосердие, ни озабоченность судьбою Мей-

ты Лейкиной, которую проявили многие люди в разных странах, не изменили приговора. Когда Мейта Лейкина по приговору суда, засчитавшего ей три года, проведенные в спецпсихбольнице, за отбытие срока, была освобождена, помочь ей было уже невозможно. Ныне она пребывает в психиатрической больнице города Бат-Яма (Израиль), и, по мнению врачей, ее заболевание неизлечимо.

Дела о нарушении правил о валютных операциях занимают в этой работе ограниченное место, так как основной упор сделан на так называемые чисто экономические правонарушения. Однако чрезвычайные законы, Указы 1961 — 1962 годов резко изменили репрессивную политику, не оставляя ни иллюзий, ни надежд на послабление карательной практики в период так называемой знаменитой "хрущевской оттепели".

По всему Союзу прокатилась волна расстрелов за "валюту" — и как будто бы, вновь повторяем, времена "дел врачей" вернулись — казалось, что шло соревнование борзописцев: кто острее и вульгарнее опорочит не просто само правонарушение, а именно и в первую очередь привлеченное к ответственности лицо.

Свидетельством особой атмосферы, которой эти дела были окружены, являются выдержки из советской прессы тех лет — с их специфическим словарем и непременным подчеркиванием так называемого "национального момента". Статьи длинные, и в большинстве случаев я привожу их в точном, но сокращенном пересказе. Подлинные же цитаты взяты в кавычки.

...Нарушители правил о валютных операциях наказаны. Их имена — Б.Ойзерман, А.Каплун, Э.Уздин, Л.Левит, Я.Долгопольский, С.Шапиро, С.Маркович, Л.Трубников, Б.Хайкин. Б.Ойзерман, А.Каплун, С.Шапиро приговорены к расстрелу.

"Ленинградская правда", 17 февраля 1961 года

”...Крупной фигурой среди фарцовщиков был Леонид Абрамсон...”

”Звезда”, 1961, № 8

Анатолий Гайхман, Иосиф Цыбуля, Анатолий Пельцер — нарушители правил о валютных операциях, действовавшие в Ленинграде.

”Комсомольская правда”, 30 мая 1962 года

”...Подпольный миллионер Фридман лелеял надежду скорее уехать на обетованную землю в Израиль. Об этом мечтала и его жена. Их сообщники — Клайн, миллионер и шакал, стрелянная птица, змея, которой наступили на хвост. Бергер был раньше раввином в Мукачевской синагоге”. Ранее они были связаны по аналогичному делу с Койфман и Годлис. Часть подсудимых добровольно сдала нечестно нажитые ценности в КГБ.

Все преступники осуждены. Их имена: Леденберг, Шварц, супруги Фридман, Бергер, Якобович, Танчев, Вайс, Лебович, Ангерман, Штерн, Беркович, Клайн, Бель, Кауфман. ”Минуя Госбанк, они производили между собой и другими лицами валютные сделки”. ”Приговор встречен одобрением...”

”Закарпатская правда”, 21 декабря 1963 года
и 29 декабря 1963 года

Анатолий Пинчук, Григорий Рабинович и Рафаил Райзман безмерно любят все иностранное. Их следовало бы судить за скупку вещей у иностранцев... ”Говорят, нет такого закона, который можно было бы применить к фарцовщикам. Тогда их надо судить за спекуляцию”.

”Вечерний Киев”, 16 апреля 1960 года

”Правда Украины”, 9 февраля 1960 года

Крах местных двори́ков

Григорий Фрайберг вместе с друзьями — Гроссманом, Печерским, Гендлером, Пикелиным занимались и скупкой

валюты и фальшивыми монетами. Им помогали Гандшу и Замерец, тоже люди с миллионным размахом.

”Фрайберг — маститый скупщик-перекупщик. Плут до мозга костей. Гандшу — выродок, имевший при НЭПе собственное производство.

На ”производстве” пуговиц и косынок, поясов и салфеток, даже моторов и горячей смеси проявили свои недюжинные способности Береза и Бирюченко, старики, проевшие зубы на спекуляции золотом. Судебное следствие обнажило их зловонное нутро — это мерзкие подонки, хищные звери”.

Шестеро из них приговорены к расстрелу. Это Г.Фрайберг, А.Гроссман, О.Гандшу, Б.Печерский, А.Пикелин, Х.Гендлер.

”Радяньска Украина”, 3 января 1963 года

Выездная сессия Верховного Суда Украины в городе Черновцы рассмотрела дело валютчиков: Ефима Лейбовича Марголиса, Мойше Лейбовича Заяца, Сруля Ицковича Зималевича, Исаака Борисовича Рониса, Феликса Янкелевича Мессера, Алтера Янкелевича Бронштейна*, Леонида Борисовича Шермана, Герша Герцевича Штернберга. Верховный Суд приговорил Марголиса, Заяца, Зималевича, Рониса, Мессера и Бронштейна к расстрелу. ”Присутствующие в зале встретили приговор с одобрением. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит”.

”Комсомольское знамя”, 23 октября 1962 года

”Радяньска Украина”, 23 октября 1962 года

”Президиум Верховного Совета отклонил ходатайство всех осужденных (по делу Марголиса и других), которые

* Алтеру Янкелевичу Бронштейну, приговоренному Верховным Судом Украины к смертной казни, был 81 год. Хотя по делу Марголиса и других привлекались и украинцы, и русские, газеты, как можно видеть из выдержек, называли только еврейские фамилии. — Е. Э.

были приговорены к смертной казни в Черновцах. Приговор приведен в исполнение”.

”Радяньска Буковина”, 10 февраля 1963 года

”Немало ущерба валютными операциями принесли и жены осужденных в Черновцах, а также Эйзель Койфман, Самуил Левенталь, Мендель Фломенбойм, Герш Нагель, Янкель Крен, Эстер Вайнберг”.

”Правда Украины”, 9 октября 1962 года

Бася Хаймовна Резницкая, Арон Лазаревич Резницкий, Федор Каминер, Михаил Рабинович, Михаил Каминер, Зельда Зисманович, Максим Меламед, Кабачникас Эля, Кабачникас Абелис. Были люди и с прозвищами, и именно так их называют в печати: ”Ян Косой (см. РСФСР, Рокотов), одесский валютчик Гилько (см. Украина), мясник Зеликович, матерый валютчик, зловещий-Федя” ... и др.

”Собиралась уехать за границу Зисманович...”

”У валютчиков есть родственники за границей — 3 сестры Резницкой живут в США, а брат — в Израиле”.

”В случае спора между ними — раввин являлся их арбитром”.

”У него крысиная физиономия, один глаз косит, человек смотрит воровато — это Арон Резницкий” (см. ”Дела валютные” и процессы в Литве).

”Труд”, 16 января 1962 года

”Советская Литва”, 31 января 1962 года и
2, 3, 4 февраля 1962 года

”Кладовщик Яков Генахович Шейнкин, его дочь Дора, его зять Мойсей Самойлович Гительман закапывали золото, добытое обманным путем. Это осколки группы матерого валютчика Фальковского, умершего Фридмана, осужденного Шаньковского. Появились новые имена: Абрам Шевелевич Персион, Шауль Шах, Давид Штейнман и др. Награбленное за 11 лет работы в ”Плодоовощторге” Штейнман перево-

дил в ценности и золото, которые прятал в тайнике. Не лучше поступали в другие: Самуил Ефимович Брагинский, Запруденный и др. Все отобранное у Шейнкина и других возвращено государству. Сумма изъятого — 120 тысяч. "Группа мерзких отщепенцев грабила государство, занималась валютными операциями. Того, кто подрывает экономику государства, мы выкидываем за борт". "Шейнкин приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение. Остальные приговорены к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества".

"Вечерний Киев", 15 апреля 1963 года

"Беньямин Аронович Гилько не защищал отчизны в войне. Он был в Сибири и в Зауральских селах. Его девиз: "Деньги, деньги, деньги!" Подруга по "промыслу" — Бетя Ройтштейн. Участники этой группы — Фока Александрович Фукс и Циля Лапидус. Вместе они собирали, скупая, золото и торговали валютой, которая была у них изъята и конфискована полностью. Гилько и Фукс приговорены к расстрелу. Бетя Ройтштейн и Циля Лапидус — к длительным срокам лишения свободы".

"Сколько раз пришлось работникам следствия повторять обыски, чтобы найти и забрать ценности".

"Литературная газета", 15 июня 1962 года

ПРИМЕЧАНИЕ. Об этом же деле писали украинские газеты "Работница газета" от 10 июня 1962 года и "Радянська Украина" от 13 июня 1962 года и 14 декабря 1962 года. Характерен излюбленный заголовок советских газет — "Жрецы желтого дьявола" и смакование имен уже осужденных ранее евреев — Беньямин Кабачникас, Гендлер, Коган и др. — Е.Э.

"Нахим Борухович Горфункель, Моисей Генделевич Островский, Моисей Борисович Заярудный, Абрам Моисеевич Кольчинский, Оскар Арнольдович и Марат Арнольдович Черкасские, Хана Мордкиевна Мешкова, Иов Мордыхаев из Дербента, Лейб Менашевич Дубовис — все занимались скуп-

кой и продажей золота. Чекисты разоблачили всех, изъяли ценности и уготовили им тюрьму и суд”.

”Вечерний Киев”, 27–29 марта 1969 года

ПРИМЕЧАНИЕ. Название заметки – ”Запасы золота”. Все имена приведены полностью, чтобы у читателя не осталось никаких сомнений, что речь идет именно о евреях. Такой способ подачи вовсе не типичен для хроникальных заметок, где чаще ограничиваются фамилией с инициалами. – *Е.Э.*

Главарь банды валютчиков – некто Бурсак. Рядом с ним на скамье подсудимых 19 человек – все либо родные его, либо сообщники. Приговорены к расстрелу за противозаконные валютные операции – Бурсак, Хигер, Виленский, Мельничук, Курчатов. Остальные – к разным срокам лишения свободы, вплоть до 15 лет.

”Звезда”, белорусская газета,
освещала дело Бурсака в нескольких номерах:
17 марта, 15 июня, 23 июня 1962 года

ПРИМЕЧАНИЕ. Выразительны заголовки: ”Шайка Бурсак и К°”, ”Золотое ярмо”. – *Е.Э.*

Семен Маркович Копров – валютчик. Его осудили на 15 лет лишения свободы за ту деятельность, которая была для него основной всю жизнь, хотя считалось, что он имеет работу. Он был не одинок. Ему помогал Фишель Клейман, совершавший сделки с ”восьмидесятилетним шакалом Алтером Бронштейном” из Черновиц. Увлекались валютой и Ушер Резник, и Фрида Гольцман, имеющая родню в разных странах мира. За пособничество валютчикам осуждена врач Сура Рахмилевна Глусман. Другие валютчики – Я.Авербух, Перла Гешлер, И.Кригель, Аранович – осуждены на разные сроки.

”Советская Молдавия”, 8 июля 1962 года

ПРИМЕЧАНИЕ. Название статьи – ”Ловцы желтого дьявола”. – *Е.Э.*

Судебная Коллегия по уголовным делам Молдавской

ССР рассмотрела дело валютчиков. Приговорены к расстрелу: Палантер, Табак, Рабинович, Голдштейн. Остальные – Серебрицкий, Учитель, Миленштейн, Горбатый – осуждены на разные сроки лишения свободы, вплоть до 12 лет. Ко всем применен Указ от 6 июля 1961 года.

”Труд”. ”Валютчики казнены”,
25 ноября 1962 года

Закройщик Страшенского и Бульбокского райкомбината Кац раскрыт органами следствия и судом как валютчик. Он устанавливал связи с другими валютчиками в республике, например, с Менделем Вайсбергом. ”Суд закончился. Раб ”желтого дьявола” Кац Верховным Судом Молдавской ССР приговорен к расстрелу. Осуждены и его соучастники”.

”Советская Молдавия”.
”Конец миллионера”, 9 апреля 1963 года

За валютные операции преданы суду и осуждены следующие лица – Мордехай Абрамович Какиашвили, Даниил Кацошвили, Бопишвили, Шамай Наказиашвили, Моше Микелашвили, Соломон Бухути, Хананашвили. Все они были связаны с Яном Рокотовым, расстрелянным в Москве. ”Но волчьей стае пришел конец”. Свидетелями по делу проходили лица, уже осужденные по другим делам: Р.Альтшуллер, Глускер, Трубник, Амикашвили. Зачитывались показания свидетелей, некоторые из которых уже расстреляны. ”Волк льет слезы”. Какиашвили Мордехай приговорен к расстрелу, остальные – к разным срокам лишения свободы. Приговор приведен в исполнение.

”Заря Востока” (о деле, слушавшемся в Грузии),
26 ноября 1961 года; 2, 4 и 9 декабря 1961 года

Осуждена группа преступников, занимавшихся в Казахстане незаконными валютными операциями – Григорий Матвеевич Гутермахер, Айзик Балтиев, Яхья Балтиев и др. ”Яков

Данилович Элиастов – матерый спекулянт и... руководитель подпольной религиозной общины”, также причастен к валютным спекуляциям. ”Справедливость требует заметить, что Яхья Балтиев проявил на следствии чувства, близкие к раскаянию. Как справедливое возмездие был воспринят приговор – расстрел Яхье Балтиеву”...

”Казахстанская правда”,
21 октября 1962 года и 19 февраля 1963 года

ВАЛЮТНЫЕ ДЕЛА В ЛИТЕРАТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Всякий раз, когда у Советского государства бывала нужда в золоте и валюте, их добывали весьма несложным способом – методом простых реквизиций. ЧК – ГПУ – ОГПУ НКВД – МВД – КГБ, как бы ни называлось это учреждение на данном историческом этапе, изымало золото и другие ценности при обысках, забирало предполагаемых владельцев ценностей в тюрьму и вымогало сдачу личного имущества угрозами на допросах. Всегда на примете были, например, зубные врачи. Изъятия проводились, разумеется, без суда и приговора. Приходили с реквизициями по доносу к владельцам золота, антиквариата или картин. Люди соглашались на безвозмездную передачу своего имущества государству, чтобы спасти свою жизнь. Валютные операции были и остаются монополией государства. Если же валютным обменом занимались частные лица, то это всегда расценивалось как нарушение закона. Наказание было определено – 3 года лишения свободы и конфискация ценностей по Кодексам 1926-го и 1961 годов. Но, как уже говорилось выше, законы начала шестидесятых годов сперва увеличили срок наказания до 8 лет, потом – до 15, потом – отдельные случаи валютной деятельности стали караться смертью. Вся тяжесть нового Указа (от 6 июля 1961 года) была обрушена на людей, арестованных за противоправную деятельность, связан-

ную с валютой, задолго до издания этого Указа. Узаконенное беззаконие приняло необратимый характер и отличалось неприкрытой антиеврейской направленностью.

Дополнительным свидетельством особой атмосферы тех лет являются советские газеты шестидесятых годов, с их специфическим словарем и непременным подчеркиванием "национального момента", с их глумлением над еврейскими именами и отчествами, хотя в обычных случаях газетная судебная хроника довольствуется приданными фамилии инициалами. Но, подчеркивая странное для русского слуха словосочетание *Сура Рахмилевна Глушман*, журналист знает свое дело: все у этих евреев не как у людей, даже зовут их не по-человечески. Вообще они отвратительны, и это доказывается подчеркиванием физических недостатков, если таковые наличествуют у подсудимых, вынесением на страницы газет их употребляемых между собою прозвищ: "Ян Косой" — это о Рокотове; в другом случае журналист не стыдится написать: "на скамье подсудимых девять стариков-разбойников". "Крысиная физиономия", "волчья повадка", "восьмидесятилетний шакал", "святой на взгляд и с подлой душой" (это о 72-летнем Гальперине, благообразная внешность которого не давала возможности сравнить его с шакалом или волком), "мерзкие отщепенцы", "старики со зловонным нутром, мерзкие подонки, хищные звери", "паразиты" — брань в этих корреспонденциях явно берет верх над изложением сути дела. Все жестокие приговоры (а по валютным делам в эти годы производится наибольшее число расстрелов) пресса приветствует, вместе с тем залом суда, из которого дается корреспонденция — неизменно "приговор встречен одобрением" и "преступники получили по заслугам". Разумеется, никогда не обсуждается вопрос о легитимности применения обратной силы закона или о нравственном значении смертной кары за экономические преступления в мирное время. Журналистское перо не дрогнет, когда автор корреспонденции сообщит о расстреле семидесяти- или восьмидесятилетнего старца. Как уже указывалось, особен-

но много таких приговоров выносилось и приводилось в исполнение на Украине: "преступники понесли заслуженное наказание".

Через десять лет после волны "валютных процессов" художественная литература обратилась к сюжету "дела Рокотова". Некто Н.Сизов опубликовал прозаическое произведение в столичном толстом журнале "Москва", в № 7 за 1972 год. Произведение называлось "Конец "Золотой фирмы" и имело подзаголовок "Невыдуманные рассказы". Художественных достоинств эта проза не имеет, но обсуждением этой стороны пусть бы занимались критики. Нам же интересно отметить, что и через десять лет беззаконие этой расправы, хотя и стало предметом изображения автора в советском журнале, где в ту пору главным редактором был Михаил Алексеев (посредственный писатель модного русофильского направления с черносотенным оттенком), а членом редколлегии — Нобелевский лауреат Михаил Шолохов (за пять лет до этого с трибуны писательского съезда сокрушавшийся, что с писателями Синявским и Даниэлем, судимыми только за литературную деятельность, советские судьи не поступили, "руководствуясь революционным правосознанием, как было бы в достопамятные двадцатые годы, когда их просто "разменяли бы у стенки", то есть расстреляли бы), но предметом осуждения это вопиющее в истории права попрание самой идеи законности не стало. Все реальные прототипы "невыдуманных рассказов" Н.Сизова легко прочитываются в именах, слегка измененных, которые он дает своим персонажам: Роготов — это, конечно Рокотов; Густин Благуин назывался в жизни Иустином Лагуном; за фамилией героини Цеплис без труда узнается Надя Эдлис. Ее муж Сергей Попов вошел в "невыдуманные рассказы" с понижением в церковном ранге и называется Дьячковым. Братья Паписмедовы названы Мамисмедовыми и т. д. Но из этих "невыдуманных рассказов" сегодняшний читатель все же может узнать, что виновники валютных сделок уже давно сидели в тюрьмах КГБ, что следствие по делу велось прежде 1958 го-

да, до принятия "Основ уголовного законодательства", что державная воля тогдашнего правителя Советского Союза обрекла их на смерть и долгие каторжные годы за деяния, которые в момент их совершения карались совершенно иначе. Из этих действительно невыдуманных рассказов можно узнать, что за удачно проведенное следствие по делу Рокотова подполковник А.Петренко получил повышение — стал полковником, возглавившим следственные расправы со следующим отрядом смертников, по новому законодательству, с так называемыми "трикотажниками"... Литературе социалистического реализма подобает заканчиваться оптимистической нотой. И это правило соблюдено. Автор обращается к полковнику Петренко: "Встречались ли вы с кем-нибудь из участников дела Роготова, Горбышенко, Цеплис? Ведь они уже, видимо, на свободе?" И полковник, внося в повествование фантастический элемент, отвечает: "Да, кое-кого видел. (Почему-то он не называет, кого именно. — Е.Э.) Благодарят за то, что вовремя прикрыли их "Золотую фирму", не дали докатиться до роковой черты, как это случилось с Роготовым и Горбышенко. Обещают жить честно..."

Таков литературный эпилог к юридической драме шестидесятых годов.

Впрочем, это не единственный случай, когда репрессивные процессы, следовавшие за Чрезвычайными Указами 1961 года, находят свое отражение в литературе.

Некоторое время назад Военное издательство Министерства Обороны СССР выпустило в свет воспоминания Н.Ф.Чистякова, отставного генерал-лейтенанта юстиции, "По закону и совести" (Москва, 1979). За долгие годы своей юридической деятельности генерал Чистяков освоил все виды судебно-следовательской работы: следователь, прокурор, член трибунала, административный чиновник аппарата ЦК КПСС, сотрудник Министерства юстиции, председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Как следует из названия его книги, Н.Ф.Чистяков полагает, что за всю его длинную карьеру ему не пришлось столкнуться с противоречиями меж-

ду законом и совестью, что, возможно, указывает на особые качества его совести.

Я же могу указать на то, что была свидетелем, по крайней мере, одного эпизода из деятельности генерала Чистякова, когда такие противоречия проступили явственно. Чистяков входил в состав Кассационной Коллегии, рассматривавшей дело завода "Военохот" ЗАКВО, дело Цыганкова, Иткина и др. В своих мемуарах Чистяков тепло вспоминает генералов Трибунала ЗАКВО, в разное время бывших в нем председателями, К. Комнатного и Б. Дюшкова. Если читатель внимательно читал предыдущие главы, его не удивит, что мои воспоминания об этих деятелях юриспруденции отличаются от Чистяковских: ведь именно при них разыгралась человеческая трагедия, длиною в десять лет, унесшая немало жизней. Но память Чистякова включается, видимо, выборочно — этих событий он не припомнил.

Зато валютная эпопея в Москве и других городах Союза нашла свое отражение в его книге. Но и здесь, с точки зрения автора, все происходило "по закону и совести", и читатель напрасно ждал бы упоминания о применении обратной силы закона, предвзятом антиеврейском подходе следователей и судей или искал бы выражения авторского отношения к самому факту смертной казни за экономические правонарушения. Подобно "прозаику" Сизову, мемуарист Чистяков заменяет истинные фамилии героев этих процессов вымышленными. Однако и из этой книги можно почерпнуть бесполезные сведения. В частности, автор откровенно сообщает, что следственные органы занимались разработкой валютных дел с конца 1959-го — начала 1960 года. Чистякову можно верить — он и сам долгое время работал в КГБ: "В Москве, Ленинграде, Минске, Баку, Бресте, Киеве, Харькове, Риге и некоторых других городах органы Государственной Безопасности разоблачили за этот период ряд крупных спекулянтов валютными ценностями". И далее: "Три года, с 1957-го по 1960-й, эти люди скупали у иностранцев и советских граждан иностранную валюту и золотые моне-

ты и перепродавали их по спекулятивным ценам”. И мы получаем авторитетное доказательство того, что Чрезвычайные Указы от 5 мая и 6 июля 1961 года подготавливались в период введения в действие ”Основ уголовного законодательства СССР”, с одной стороны, и признание того факта, что по этим Чрезвычайным Указам судили людей, совершивших инкриминированные им правонарушения в период действия совсем другого закона, предусматривавшего совсем другие санкции, разные сроки заключения, но не расстрел. Совесть генерала при этом не испытывает никакого беспокойства. Рассказывая историю Нади Эдлис (которую он в своей документальной книге переименовал в Гудлис), генерал без тени смущения рассказывает, как КГБ вынудил против нее показания у ее мужа, русского Попова (фамилия которого сохранена без изменений), за что освободил его от всякого участия в процессе.

И через девятнадцать лет после описанных событий солидный и грамотный юрист генерал Н.Ф.Чистяков не счел нужным хоть как-то коснуться самоуправного обращения с Законом, проявившегося в волне экономических процессов, прокатившихся в начале шестидесятых годов по всей Российской Федерации и другим союзным республикам. Как видно, ”по закону и совести” означает ”по закону и совести, подчиненным державной воле Генсека”. Так это было. Так это остается и по сегодня.

Для меня в воспоминаниях генерал-лейтенанта Н.Ф.Чистякова самым главным является авторитетное свидетельство непосредственного участника описанных мною процессов со стороны государственного правосудия. И этот ”государственный” свидетель подтверждает тот факт, что в период правления Н.С.Хрущева на всей территории Советского Союза закону придавалась обратная сила, когда в судебном разбирательстве дело шло о хищениях, взятках, валютных операциях.

Глава четвертая

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В этой книге рассматривалось 400 различных судебных дел, связанных с экономическими преступлениями. По этим 400 процессам было осуждено 1676 человек, евреев. Кроме тех процессов, в которых я принимала участие как адвокат, или тех, о которых я взяла интервью у своих коллег, я затронула судебные дела, о которых писала советская пресса. А она уделяла валютчикам, взяточникам и расхитителям в период шестидесятых годов большое внимание. Вот наименования тех советских газет, из которых я черпала необходимые данные за семь лет, с 1961 по 1967 год:

"Правда", "Известия", "Комсомольская правда", "Литературная газета", "Советская торговля", "Ленинградская правда", "Экономическая газета", "Гудок", "Красное знамя", "Знамя юности", "Московская правда", "Литература и жизнь", "Вечерняя Москва", "Вечерний Ленинград", "Советская Литва", "Радянська культура", "Советская Белоруссия", "Правда Украины", "Радянська Украина", "Перець", "Вечерний Киев", "Советский флот", "Работнича газета", "Советская культура", "Крымская правда", "Литературная Украина", "Молодь України", "Социалистическая Харьковщина", "Рабочая газета", "Знамя коммунизма", "Правда Востока", "Комсомольское знамя", "Закарпатская правда", "Советская Молдавия", "Сельская жизнь", "Радянська Житомирщина", "Заря Востока", "Коммунист Таджикистана", "Комсомолец Таджикистана", "Советская Киргизия", "Мол-

дова Социалиста”, ”Звезда”, ”Знамя юности”, ”Червона зми-на”, ”Комсомольская жизнь”, ”Гомельская правда”, ”Ба-кинский рабочий”, ”Тюменская правда”, ”Ташкентская правда”, ”Советская Эстония”.

Цитаты из украинских и белорусских газет я привожу в своем переводе. В тех случаях, когда в работе даются ссылки на публикации, посвященные экономическим процессам, в специальных или общих журналах, я отсылаю читателя к списку литературы в конце книги.

Автору представляется необходимым некоторые выводы из обследованного им материала представить в виде статистических таблиц, чтобы общая картина целенаправленно-го преследования евреев в этих процессах была более наглядной, масштаб всей кампании воспринимался в полном объеме, а в правильности выводов автора читатель мог бы убедиться сам.

Первая (сводная) таблица ”Статистические данные о рассмотренных в работе 400 судебных процессах по экономическим делам в СССР, 1961–1967 гг.” составлена как итог всех материалов, исследованных мною в работе над книгой.

Конечно, число рассмотренных мною процессов для страны с 260-миллионным населением относительно невелико. В действительности судебных дел было гораздо больше и значительно большим было число осужденных. По многим причинам далеко не все процессы освещались печатью. Однако и 400 наиболее значительных дел являются достаточно представительной группой, чтобы проанализировать тенденцию и сделать определенные выводы.

Напомню, что в данной книге мы рассматриваем только те дела, в которых речь шла о правонарушениях трех видов – взяточничестве, хищении в особо крупном размере и незаконных валютных операциях, то есть о преступлениях, которые имели в виду Чрезвычайные Указы 1961 – 1962 годов. Но и по этим трем статьям книга рассматривает только самые крупные и сложные дела. Имеются и хронологические ограничения – за ничтожным исключением автор

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
О РАССМОТРЕННЫХ В РАБОТЕ 400 СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ В СССР
1961 — 1967 гг.

№№ п/п	Кол-во уголовных дел	Республика г/род	Кол-во осужденных евреев	Квалификация преступлений			Наказание		Расстрел
				Взятка	Валюта	Хищение	10 лет	10-15 лет	
1	148	РСФСР	459	204	112	329	226	194	39
2	96	Украина	565	182	228	342	230	255	80
3	34	Белоруссия	111	25	30	74	78	27	6
4	31	Молдавия	163	13	18	145	95	62	6
5	5	Киргизия	49	37	36	49	2	38	9
6	10	Литва	45	7	24	15	32	6	7
7	14	Латвия	64	35	10	36	44	18	2
8	3	Эстония	16	—	12	4	—	14	2
9	25	Узбекистан	85	24	—	70	31	48	6
10	9	Азербайджан	25	12	9	10	17	6	2
11	8	Казахстан	25	8	9	20	12	11	2
12	6	Грузия	41	22	10	24	17	22	2
13	10	Таджикистан	27	9	—	19	16	11	—
14	1	Туркменистан	1	—	—	1	—	—	—
15	—	Армения	—	—	—	—	—	—	—
Итого:	400		1676	557	497	1138	801	712	163

СВЕДЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ НЕТ

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. Семь фамилий расстрелянных по Львову не установлены. 2. Помеченный список расстрелянных (по приговору) прилагается к настоящей главе. 3. Перечень учреждений, предприятий, работников которых причислены к правонарушителям, также приложен к настоящей главе. 4. Квалификация преступлений соответствует Указам 1961—1962 гг.

касается лишь тех дел, которые слушались в судах между 1961 и 1967 годами. Наше внимание было приковано к особому положению подсудимых-евреев. В связи с чем автор с сожалением отмечает, что ему не удалось собрать сравнительную статистику, столь полезную и интересную в нашем случае. Хотя, когда материал предоставлял такую возможность, автор в повествовательной части книги указывал и на репрессивную нацеленность судебной политики по отношению к подсудимым нееврейской национальности. Но советская пресса не дает никакой возможности получить хотя бы частичное представление о таких сравнительных данных.

Из 1676 приговоренных к разным видам наказаний евреев, на этих 400 процессах 163 человека приговорены к высшей мере наказания. Каждый десятый обвиняемый был осужден на смертную казнь. Это соотношение примерно воспроизводит картину по всему Советскому Союзу. Самая большая группа — 1138 человек — была осуждена за хищение. Однако следует учесть, что в большинстве случаев обвинению в хищении сопутствовало обвинение во взяточничестве и нарушении правил о валютных операциях. Приговором одно и то же лицо осуждается сразу по всем трем статьям.

В нашей таблице указывается, что за взятки осуждено 576 человек. За этой цифрой скрывается то обстоятельство, что при совершении этих преступлений взяточничество (и — соответственно — взяточполучательство) каждый раз возникало при необходимости достать сырье и оборудование.

Для всех "валютных дел" КГБ специально формировал группы подсудимых, как правило, евреев, причастных только к правонарушениям этого рода. Однако дополнительное обвинение в совершении противоправных валютных сделок часто возникает и при вынесении приговора за хищение. По статье об ответственности за нарушение правил о валютных операциях осуждено 497 человек.

50 процентов осужденных евреев приговорены к наказанию, не превышающему 10 лет лишения свободы. Всего —

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
О РАССМОТРЕННЫХ В РАБОТЕ 148 СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ В РСФСР
1961—1967 гг.

№№ п/п	Кол-во уголовных дел	Республика город	Кол-во осужденных св.р.св	Квалификация преступлений			Наказание		
				Взятка	Валюта	Хищение	10 лет	10—15 лет	Расстрел
1	94	Москва и область	291	122	97	202	124	139	28
2	22	Ленинград	85	42	13	64	42	34	9
3	6	Ростов	16	9	—	12	8	8	—
4	9	Урал	30	10	—	24	28	2	—
5	2	Казань	3	2	—	1	3	—	—
6	1	Новосибирск	2	2	—	1	2	—	—
7	1	Горький	2	2	—	1	2	—	—
8	1	Ярославль	8	8	—	8	8	—	—
9	1	Якутия	1	1	—	—	1	—	—
10	1	Тула	1	1	—	—	—	1	—
11	1	Пятигорск	6	—	1	5	—	4	2
12	8	Др. города РСФСР	11	4	1	9	4	7	—
Итого:	148		459	204	112	329	226	194	39

801 человек. Остальные осужденные были приговорены к заключению на срок от 10 до 15 лет, либо, как уже говорилось, к смертной казни. В списке расстрелянных остались пока еще нераскрытыми 7 фамилий евреев, осужденных во Львове.

Наибольшее число расстрелов было совершено на Украине, отличающейся и в целом, как следует из таблицы, особой жестокостью приговоров. Таблица дает число приговоренных к расстрелу (163), исходя из текстов оглашенных в суде приговоров, так как, если и были случаи изменения меры наказания, то в печати о них не сообщалось. В случаях, когда автор осведомлен о таких изменениях, они указаны в описательной части книги.

Кроме "Сводной таблицы № 1", мы представляем читателю таблицы по некоторым республикам, что дает также возможность представить себе картину репрессий и по отдельным городам. В конце книги прилагается список лиц, приговоренных к смертной казни, и список государственных учреждений, работники которых были причастны к противоправной деятельности. Без этих списков читатель не мог бы понять масштаба и глубины коррупции, насквозь пронизывающей советскую экономику. Мне представляется целесообразным дать еще 3 таблицы, в которых приводятся показатели по РСФСР, Украине и Киргизии, поскольку в них с наибольшей отчетливостью выражен размах и направленность репрессий.

Таблица № 2 — "Статистические данные о рассмотренных в работе 148 судебных процессах по экономическим делам в РСФСР, 1961—1967 гг.". В таблице проанализированы дела, по которым осуждено 459 евреев, из них 39 приговорены к расстрелу. За совершение хищения осуждены 329 человек, за взяточничество — 204, за противоправные валютные операции — 112.

Как явствует из таблицы № 2, со смертной казнью в РСФСР были приговоры, насколько известно автору, в трех городах — Москве, Ленинграде и Пятигорске. По Москве и Московской области было вынесено 28 смертных пригово-

ров, в Ленинграде – 9, в Пятигорске – 2. Однако следует учесть неполноту тех данных, которыми мы располагаем. Автору и его коллегам не раз приходилось участвовать в закрытых процессах по экономическим делам, сведения о которых не попадали в печать. На таких процессах выносились и смертные приговоры. Не исключено, что такие процессы и такие приговоры были и в 1961 – 1967 гг. Однако и наша таблица, при ее очевидной неполноте, говорит, что из общего числа осужденных евреев 8,5 процента были приговорены к расстрелу. Процент особо суровых приговоров – от 10 лет заключения до смертной казни – составляет 50 процентов, как и по Советскому Союзу в целом.

Есть некоторое объяснение тому факту, что смертные приговоры были вынесены в самых больших городах республики – Москве и Ленинграде, если не считать двух смертных приговоров в Пятигорске, где они были вынесены также выездной сессией Верховного Суда РСФСР. Прежде всего это связано с тем, что дела о крупных хищениях и других экономических правонарушениях большого масштаба подсудны лишь Верховному Суду республики. Другое объяснение состоит в том, что многие подсудимые были связаны противоправными действиями с сотрудниками высших общесоюзных или республиканских учреждений, о чем красноречиво свидетельствует приложенный к работе "Перечень предприятий и учреждений..." Недаром 45 процентов подсудимых осуждены за получение и передачу взяток должностным лицам. Это по Москве, где сосредоточены высшие правительственные учреждения. Но так же дело обстояло и в Ленинграде, где за причастность к взяткам осуждено 50 процентов обвиняемых.

Из 459 человек, осужденных за противоправные экономические действия в РСФСР, 376 приходятся на Москву и Ленинград. 112 человек в Российской Федерации осуждены за нарушения правил о валютных операциях; из них – 110 в Москве и Ленинграде, точнее: 97 – в Москве и 13 – в Ленинграде.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
О РАССМОТРЕННЫХ В РАБОТЕ 96 СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ
НА УКРАИНЕ
1961—1967 гг.

№№ п/п	Кол-во уголовных дел	Республика город	Кол-во осужденных евреев	Квалификация преступлений			Наказание		
				Взятка	Валюта	Хищение	10 лет	10—15 лет	Расстрел
1	22	Киев	129	57	36	72	55	65	9
2	21	Львов	132	59	34	92	33	67	32*
3	6	Харьков	25	11	22	15	3	9	13
4	17	Одесса	85	7	44	48	34	46	5
5	3	Черновцы	35	10	27	14	7	22	6
6	2	Днепропетровск	24	24	12	24	8	10	6
7	3	Горьковка	9	—	5	4	2	4	3
8	2	Хмельницкий	13	—	13	—	8	3	2
9	2	Закарпатье	24	—	17	7	20	2	2
10	1	Кременчуг	5	—	—	5	2	2	1
11	1	Симферополь	44	—	—	44	24	19	1
12	16	Разные города Украины	40	14	18	17	34	6	—
Итого:	96		565	182	228	342	230	255	80

ПРИМЕЧАНИЕ: Семь фамилий приговоренных к расстрелу во Львове не установлены.

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
О РАССМОТРЕННЫХ В РАБОТЕ 5 СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ В КИРГИЗИИ
1961–1967 гг.**

№№ п/п	Кол-во уголовных дел	Республика город	Кол-во осужденных с/р/св	Квалификация преступлений			Наказание		
				Взятка	Валюта	Хищение	10 лет	10–15 лет	Расстрел
1	5	Фрунзе	46	37	36	49	2	38	9
Итого :	5		49	37	36	49	2	38	9

Несмотря на стойкий антиеврейский настрой публикаций прессы, даже по ним можно судить, что областные суды были менее жестоки и назначали наказания до 10 лет лишения свободы. В Москве и Ленинграде карательная политика была ужесточена. Из 376 осужденных 172 приговорены на срок свыше 10 лет, а 37 человек приговорены к расстрелу. Таким образом 55 процентов приговоров оказываются особо суровыми. Напомним, что дела, по которым Законом предусматривается смертная казнь, подлежат рассмотрению в судебной инстанции не ниже областного суда. Большинство дел, описанных в нашей работе и соответственно включенных в таблицу, рассматривалось по первой инстанции Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик или Военными Трибуналами Округа.

Таблица № 3. Украина. Эта таблица наглядно подтверждает общеизвестный факт, что антисемитские настроения и антисемитская политика традиционно сильнее всего проступают на Украине. В таблицу внесены 96 крупнейших судебных дел, имевших место на Украине за указанный период. На этих процессах было осуждено 565 евреев. Из них — 80 человек были приговорены к смертной казни. Процент приговоренных к высшей мере наказания достигает по Украине 14,5 процента. Это наиболее высокий процент по всему Советскому Союзу. И по числу осужденных евреев Украине принадлежит первое место. И по числу приговоренных к наиболее длительным срокам заключения — тоже. Особо жестокие тенденции выявляет количество осужденных по городу Львову. Из 132 осужденных здесь приговорены к смертной казни 32 человека, то есть свыше 25 процентов. Нам на сегодня известны только 24 фамилии расстрелянных, но если исходить даже из этой цифры, расстрелянных во Львове 20 процентов. Более половины заключенных (67 из 132) приговорены были во Львове к заключению более чем на 10 лет. Среди них люди преклонных лет — 72-летний Фокшанский, 82-летний Канторович, 70-летний Гольдштейн.

Другой город, не слишком отстающий жестокостью репрессий от Львова, — Харьков. По 6 процессам, отмеченным в этой книге, было осуждено 25 евреев. Из них — к смертной казни 13, то есть каждый второй осужденный, более 50 процентов.

В Черновцах к расстрелу был приговорен 82-летний Алтер Бронштейн. И приговор, как писала пресса, был приведен в исполнение. В Горловке 3 из 9 осужденных были приговорены к смертной казни, то есть 33 процента. В целом по Украине из 565 осужденных евреев 255 были приговорены к наказанию более тяжелому, чем 10-летнее заключение. Если к этому добавить приговоренных к смерти, то окажется, что 335 человек (60 процентов от общего числа осужденных евреев) подверглись особо тяжелым репрессиям. Все адвокаты и ранее осужденные, участвовавшие во Львовских процессах, не сговариваясь, называли одну и ту же запомнившуюся цифру расстрелянных — 32 человека; общими усилиями восстановлены фамилии 24 приговоренных. Возможно, в недалеком будущем удастся установить и 7 недостающих имен.

Таблица 4. Киргизия. В работе автор обращается к материалам 5 процессов, наиболее подробно освещающая один, самый знаменитый, в главе "Описание конкретных дел". В упомянутых 5 процессах осуждено 49 евреев. Все по статье "Хищение государственной собственности в особо крупных размерах". Большинству осужденных инкриминировали также и незаконные сделки с валютой (36 человек) и передачу взяток (37). Только двое отделались сравнительно мягким приговором — до 10 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях с конфискацией имущества. 38 подсудимых из 49 были осуждены на срок от 10 до 15 лет. Разумеется, все с конфискацией имущества. 9 человек приговорены к расстрелу "именем Союза Советских Социалистических Республик". Приговор вступил в силу немедленно по оглашении, поскольку дело слушалось высшей судебной инстанцией — Верховным Судом СССР.

Статистические данные по остальным республикам читатель без труда найдет в общей "Сводной таблице № 1". Лица, приговоренные к смертной казни по различным республикам, выделены в общем списке, данном в "Приложении".

Отметим лишь некоторые характерные частности, касающиеся той или иной республики.

По Белоруссии обращает на себя внимание тот факт, что относительно большой процент осужденных получил сравнительно "мягкие" для того периода приговоры — до 10 лет. Нами рассмотрены по Белоруссии 34 дела. Осуждено было по ним 111 евреев. Преимущественная статья обвинения — хищение (74 человека). Кроме того, за взяточничество — 25 человек и за противоправные валютные сделки — 30. 78 человек получили срок меньший, чем 10 лет заключения. 27 человек — от 10 до 15 лет заключения. Все — с конфискацией имущества. 6 человек приговорены к расстрелу.

По Литовской ССР мы отмечаем 10 процессов, среди которых центральное место занимали местные отголоски печально знаменитого московского дела Рокотова, так называемого "валютного дела".

По рассмотренным 10 процессам в Литве было осуждено 45 евреев по статьям: незаконные валютные сделки — 24; взяточничество — 7, хищение — 15. 32 человека получили наказание до 10 лет лагерей, 6 человек — от 10 до 15 лет, 7 человек были приговорены к смертной казни. Впервые к расстрелу была приговорена женщина. (Впоследствии приговор был ей изменен на 15 лет лагерей.) Антиеврейская нацеленность репрессий и повышенная суровость приговоров в Литве по отношению к евреям не вызывают сомнений.

В книге рассматривается 31 судебный процесс, проходивший в Молдавии в 1961 — 1964 годах. В этих процессах было осуждено 163 еврея. 145 из них — за "хищение". Подавляющее большинство было осуждено на сроки заключения до 10 лет (95 человек). 62 человека — на срок от 10 до 15 лет исправительно-трудовых лагерей усиленного режима. Если подсудимый уже имел судимость ранее, то новое на-

казание он обязан был отбывать в лагере строгого режима. 6 человек в Молдавии были приговорены к расстрелу.

По Казахстану нами рассмотрено 8 судебных процессов, на которых было осуждено 25 евреев, из них 20 человек — за хищение. В отношении некоторых лиц имела место смешанная подсудность, то есть приговор — в том случае, если предусматривалась смертная казнь, — выносился судом той республики, где имело место преступное действие, хотя само преступление и было связано с Казахстаном. 8 человек было осуждено за взяточничество и 9 — за нарушение правил о валютных операциях. Приговоры: 12 человек — до 10 лет заключения, 11 подсудимых — на срок от 10 до 15 лет; 2 человека — к расстрелу. Все с конфискацией имущества.

(В случае смешанной подсудности данные о приговорах занесены в графу той республики, где был вынесен приговор. — Е.Э.)

Мы располагаем данными о 25 крупных экономических процессах в Узбекистане, однако в них не шла речь о незаконных валютных операциях. Между тем имеются некоторые сведения о проходивших в Ташкенте процессах "валютчиков". В печати наличие таких процессов не отражено. И мы не сочли себя вправе включать в работу объективно неподтвержденные данные. Как автор работы, я свидетельствую, что прекрасно помню, как мои московские коллеги выезжали в Ташкент именно для участия в процессах по валютным делам. К сожалению, в моем распоряжении нет письменных документов об этих процессах. Репутация Узбекистана как республики насквозь коррумпированной заставляет предположить с большой долей вероятности, что такие процессы проводились, и по ним привлекались большие группы подсудимых.

На 25 процессах, подтвержденных документально и описанных в книге, было осуждено 85 евреев. 24 — за взяточничество и 70 — за хищение. 50 процентов осужденных были осуждены на срок от 10 до 15 лет (48 человек) и 31 че-

ловек — на сроки меньше 10 лет. 6 человек были приговорены к расстрелу.

По Латвийской ССР нами рассмотрено 14 крупных процессов, на которых было осуждено 64 еврея: 35 из них — по статье "взяточничество" и 36 — за "хищение". На этих процессах в Латвии, как и в других республиках в аналогичных случаях, вскрылись факты коррупции и преступного поведения высокопоставленных государственных служащих, поощрявших в корыстных интересах развитие "второй экономики". 10 евреев были осуждены за сделки с валютой. До 10 лет заключения получили 44 подсудимых-еврея, 18 — срок от 10 до 15 лет; 2 человека были приговорены к расстрелу.

В работе отражены 6 крупных процессов по экономическим делам, проходивших в Грузии, на которых осудили 41 еврея. 7 фамилий осужденных восстановить пока не удалось, и они не учтены в работе. Все они были связаны с делом "Военехот". Эти семеро, пока безымянных, были осуждены на сроки меньше 10 лет, что подтверждается материалами судебного дела "Военехот". Обнажившаяся в этих процессах картина коррупции, затрагивающая высшую военноминистерскую верхушку Советского Союза, описана в предыдущей главе. 24 человека были судимы за хищение и 22 — за взятки. За незаконные валютные сделки были осуждены 10 человек. Здесь заметим, кстати, что многие грузинские евреи были судимы как валютчики в других республиках. На срок до 10 лет было осуждено 16 человек, на более длительные сроки — 23 человека. 2 человека — к расстрелу. Все приговоры, понятно, предусматривали конфискацию имущества.

Таблица, показывая, какое количество приговоров было вынесено за взяточничество и хищения, обнаруживает размах коррупции в государстве, цифры подтверждают ту истину, что без поддержки *сверху* "вторая экономика" не могла бы существовать и развиваться. Трехчленное деление всех рассмотренных в работе приговоров по схеме "хищение — взяточничество — валюта" следует за диспозицией Чрезвы-

чайных Указов начала шестидесятых годов, ужесточивших наказания именно по этим трем статьям.

Сосредоточенность на еврейском аспекте связана с тем, что этот аспект был задан жестокой и несправедливой судебной практикой хрущевского периода. Впрочем, этот аспект не снят и сегодняшней жизнью. Автор еще раз выражает свое сожаление по поводу невозможности провести сравнительный статистический анализ, посвященный сопоставлению данных о правонарушителях-евреях и правонарушителях других национальностей. Но газеты тех лет увлеченно нажимали на еврейские имена, отчества и фамилии, почти избегая упоминать лиц других национальностей. Таким образом, сбор данных об экономических преступлениях, совершенных неевреями, оказался практически невозможен. Отчасти этот пробел в документации восполняется изложением хода конкретных судебных процессов, о которых свидетельствует либо сам автор, либо опрошенные им лица. Отсылаем читателя к предыдущим главам.

Данные статистического анализа по 400 процессам, рассмотренным в этой книге, неопровержимо свидетельствуют об антиеврейской нацеленности уголовной политики советского правосудия. Все содержание и объем изученного материала не оставляют места для иллюзий: декларированный Конституцией принцип равенства граждан всех национальностей перед законом в Советском Союзе является фикцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мною руководило намерение прояснить определенные подробности в обстановке и исторической ситуации шестидесятых годов в СССР. Это были именно те годы, когда внутри страны проводился процесс разоблачения преступлений и беззаконий сталинской эпохи, пусть неполный и непоследовательный. Период этот снискал в литературе название "оттепели": от воркутинских снегов и колымских льдов вернулись к своим семьям жертвы "большого террора", которым посчастливилось выжить, сотни из миллионов. Сам тогдашний правитель Никита Хрущев уверял с трибуны партийного съезда, что "больше никогда..." И в знак того, что с "нарушениями социалистической законности" покончено, Сталина вынесли из Мавзолея. Чуть "отпустили гайки", и печать, литература, искусство как бы вздохнули свободнее. Было даже дозволено некое разномыслие, разумеется, в рамках "единственно правильного учения". Запад теперь уже несомненно знал о сталинской России все то, что мог бы знать и раньше, если бы захотел...

Образ шестидесятых годов до сих пор сохраняет репутацию либерального времени, пусть ограниченно либерального, пусть либерального по-советски. Никогда прежде не говорилось столько о восстановлении законности, о возвращении к "ленинским нормам партийной жизни", о гуманном смысле наказания и воспитательной роли суда. Чудо реабилитации было, конечно, запоздавшим чудом, не способным ни воскресить к жизни замученных и расстрелянных, ни вернуть молодость постаревшим в лагерях. И хрущевское время не-

медленно и всенародно окрестили эпохой "позднего реабилитанса". Но все же тогда верилось, что в этом неполном и скомканном процессе исправления преступлений и ошибок прошлого содержится некая надежда для будущего: теперь, после всего, что мы знаем и пережили, Закон и справедливость более не будут попраны никогда. Символом нового отношения к Закону, его полного восстановления в правах могли стать (и была надежда, что станут) новые разрабатывавшиеся и широко обсуждавшиеся с конца пятидесятых годов советские "Основы уголовного и процессуального законодательства СССР".

И все же именно в пору "развитого" советского либерализма, в пору разработки новых "Основ" и одновременно с ними, подготавливались Чрезвычайные Указы об усилении ответственности за экономические правонарушения, вводившие за них в мирное время расстрел. По-видимому, для вдохновителей этого чрезвычайного законодательства (а им был сам Н.С.Хрущев) и его составителей с самого начала было ясно, что этим Указам сразу будет на практике придана обратная сила. И с самого начала была ясна возможность особой заостренности этих законодательных актов, в первую очередь, против евреев. Таким образом, для меня и моих коллег было ясно, что, по существу, обновления не наступило, природа советской власти не изменилась, репрессивная политика не исчезла, и даже невозможно сказать, что она, по сравнению с последними годами сталинщины, изменила свой объект. Многое-многое в новом хрущевском времени звучало как хорошо усвоенное старое. Когда вслед за опубликованием 19 мая 1961 года Указа от 5 мая 1961 года правительству понадобилось дать разъяснения и новую идеологическую установку общественному мнению, советская пресса послушно, как всегда, выполнила этот "социальный заказ" в формах, до деталей напоминавших атмосферу знаменитого "дела врачей". Преступниками, расхищавшими народное добро, ответственными за хозяйственные неполадки и нехватки, оказались, разумеется, евреи — все как один хищники,

расхитители и алчные сребролюбцы. Длинные перечни их чужеродных фамилий, странно звучащих имен и отчеств сами по себе эмоционально свидетельствовали против них.

После того, как прогремели первые расстрелы евреев-валютчиков, Бертран Рассел написал Хрущеву письмо. Это был знак, что Запад реагирует на расправы советской власти с отдельными личностями, пытается осмыслить происходящее и держит в памяти недавние уроки, извлеченные из "Постановления о преодолении культа личности и его последствий". Позднее на Западе появились исследования советологов и экономистов, касавшиеся экономических процессов шестидесятых годов. К сожалению, эти исследования во многом шли за изложением событий и их интерпретацией в советской прессе. Ответ Хрущева Бертрану Расселу, что, дескать, судят и преследуют не евреев, а преступников, независимо от их национальности, практически оспорен не был. И светлый образ либеральных шестидесятых годов в Советском Союзе не был поколеблен на Западе тоже.

Я надеюсь, что эта книга, анализирующая 400 судебных процессов по экономическим делам, проходивших в шестидесятые годы, вносит дополнительный и необходимый корректив в восприятие последней четверти века советской истории не только в плане уголовной политики. В частности, она опровергает представление о том, что произошли кардинальные изменения и демократизация советского строя в послесталинские годы. Конечно, пора больших чисток миновала, и грандиозные репрессии тридцатых — сороковых годов остались в прошлом, хотя бы потому, что стабилизировавшаяся власть и разросшийся партийно-государственный аппарат (то есть те слои советского общества, которые Джиллас назвал "новым классом") стремятся к собственной безопасности и несменяемости. Но репрессивный механизм всегда наготове и может быть легко приведен в действие, если власть столкнется с инакомыслием (как в случае с диссидентами и своевольными писателями) или с инакодействием, каковым несомненно является в Советском Со-

юзе всякое проявление частной экономической инициативы, непосредственно связанной со взяточничеством, хищением, то есть коррупцией, как проказа, разевшей советское общество. И в этом случае, как, надеюсь, мне удалось показать, были нарушены и остаются нарушенными любые правовые нормы и любые гарантированные советской Конституцией права человека.

Я и мои коллеги по практической адвокатской деятельности всегда были скованы в своих чрезвычайных усилиях защитить подсудимого. Никогда не могли мы апеллировать к общественному мнению — ни в суде, ни через средства информации. Мы, сопротивляясь в каждой порученной нам защите беззаконию, были лишены возможности назвать его собственным именем. Мы боролись за подсудимого, опираясь только на факты, подбирали слова и выражения, чтобы не выпасть из установленной идеологической сетки. Назвать зло антисемитизма в суде и предвзятость применения закона в процессе значило остаться без адвокатской работы. А иногда и не только это. Все эти тяжести, которые мы несли всю свою профессиональную жизнь, мы продолжали нести и в славные времена хрущевской оттепели.

Для хрущевского и послехрущевского времени весьма показательна судьба известного московского юриста Бориса Андреевича Золотухина. Некогда он выступал в качестве прокурора Московской городской прокуратуры, будучи обвинителем по сложным уголовным делам в первой инстанции, а также давая заключения по кассационным делам в Московском городском суде. Его отличала спокойная интеллигентная манера поведения, глубокое погружение в детали слушаемого дела, корректность по отношению к подсудимым и их защитникам. Золотухин никогда не унижал достоинство людей, представших перед судом, никогда не стремился к максимально жестоким приговорам во что бы то ни стало, обнаруживал высокую принципиальность, качество, не всегда присущее деятелям советской прокуратуры.

Однажды, участвуя в процессе по экономическому делу

в Мосгорсуде, прокурор Золотухин отказался от обвинения двух подсудимых в "хищении государственной собственности", считая, что в действиях упомянутых лиц наличествует состав иного правонарушения — преступление должностного характера. Золотухин согласовал свою позицию с прокурором города Москвы.

После речи прокурора, в которой Золотухин предложил изменить квалификацию преступления и, следовательно, изменить меру наказания и дополнительные санкции, судья, член Мосгорсуда О.И. Чувилина, во время перерыва с возмущением позвонила прокурору столицы, жалуясь на Золотухина, "сломавшего" ей всю конструкцию заготовленного приговора.

И прокурор города, тот самый, с которым Золотухин согласовал свое намерение изменить квалификацию преступления двоих подсудимых, потребовал от Золотухина, чтобы тот выступил, "исправил" ошибку и вновь признал, что хищение имело место в действиях *всех* подсудимых.

В знак протеста против беспринципного поведения прокурора Москвы Золотухин ушел из прокуратуры. Несколько лет он успешно занимался адвокатской деятельностью, стал членом президиума Московской городской коллегии адвокатов, заведующим одной из крупных юридических консультаций города Москвы. Замечательные личные и профессиональные качества выделяли его и как адвоката. В 1968 году Б.А. Золотухин защищал московского самиздатского литератора Александра Гинзбурга. Его защита, в которой адвокат потребовал у суда оправдания обвиненного в политическом преступлении инакомыслящего — Гинзбург был составителем "Белой книги", сборника документов, относящихся к процессу двух крамольных писателей, А.Синявского и Ю.Даниэля, — снискала уважение и поддержку в широких кругах советской интеллигенции и была одобрительно отмечена зарубежной прессой. Последствия были жестоки: Золотухин был исключен из партии, а вслед затем и из адвокатской коллегии.

Юрист, проявляющий независимость характера и принципиальность в отстаивании интересов подзащитного, всегда рискует, даже если обрушенные на него репрессии не лишают его навсегда возможности заниматься избранной профессией, как в крайнем случае с Золотухиным. (Правда, в сталинские времена непокорный адвокат рисковал бы жизнью — и память об этом не стерлась и у поколения юристов, вступивших в жизнь в послесталинские годы.)

Московский адвокат Борис Долгополов более года оставался без работы за поступок, который частное определение судьи квалифицировало как "позорящий адвокатуру, дискредитирующий суд и прокурора". А дело было в следующем: врач Боткинской больницы по фамилии Рабинович предстал перед народным судом Дзержинского района по обвинению в халатности; вину свою он отрицал. Защиту его вел адвокат Гершуни. Прокурор Кондратьева вела себя по отношению к подсудимым на этом процессе вызывающе грубо, оскорбляла также и защиту, для Рабиновича она несообразно ни с чем потребовала максимально возможного по данной статье наказания. Борис Долгополов, опытный и уважаемый юрист, занятый в этом процессе как защитник одного из подсудимых, выразил вслух недоумение и протест против действий прокурора Кондратьевой. Рабинович не находился под стражей. И когда на следующий день оказалось, что заседание не может начаться из-за отсутствия этого подсудимого, прокурор позволила себе безобразные, оскорбительные для достоинства отсутствующего обвиняемого реплики, в том числе с антисемитским оттенком. Долгополов сделал ей замечание. Ответ Кондратьевой был: "Вы еще пожалеете об этом". Затем в тот же день выяснилось, что подсудимый Рабинович утром покончил с собой, бросившись под поезд метро. В оставленной им записке он говорил о невинности и невозможности перенести позор незаслуженного наказания. Совершенно тихо было в зале суда, когда судья объявила собравшимся о случившемся, и только прокурор Кондратьева и здесь высказалась в свойствен-

ной ей манере: "Сказки! Совершил преступление и хотел избежать наказания!" Адвокаты Гершуни и Долгополов выразили вслух свое возмущение таким неуважением к памяти покойного и к представителям его семьи.

Вот за свое поведение, безупречное с профессиональной и человеческой точки зрения, но предосудительное с точки зрения частного определения суда, опытный адвокат Борис Долгополов остался без работы. Однако у суда не было никаких претензий к поведению прокурора Кондратьевой, и не возникло даже и речи о доведении человека до самоубийства.

Долгополов восстановился на работе через год, благодаря типично советской случайности. Он был родом из Нижнего Новгорода (теперь город Горький), и его родители в до-революционные времена скрывали у себя от властей ссыльного мужа сестры Ленина, Елизарова. В память об этом одна из улиц в Горьком называется улицей Долгополова. Упирая на революционные заслуги предков, Долгополов добился для себя восстановления на работе.

Наконец, приведу еще один пример о положении адвоката в советском суде, на этот раз из своей практики. Народный суд Краснопресненского района Москвы под председательством судьи Н.Бойковой осудил моего подзащитного Лейбензона на 10 лет лишения свободы. Лейбензон был инвалид, с поражением обеих конечностей, один из обвиняемых по групповому хозяйственному делу. Ему, как и другим осужденным, был выдан на руки текст приговора. Я пришла к нему в тюрьму для составления кассационной жалобы. Взяв дело, я буквально не могла поверить глазам своим: оно все изобиловало дописками в протоколах, в него были внесены фразы, меняющие суть дела. Подделки обнаружались и в тексте приговора, приложенного к делу: объем вменения был расширен, дописано многое, прежде не имевшее места, и этот вариант приговора значительно отличался от того, который был выдан на руки осужденному. Я сфотографировала и протокол, и оба варианта приговора, после чего написала свои "Замечания" по поводу этих документов. *Пос-*

ле этого, то есть задним числом, в деле возникло *частное определение* в мой адрес: ”перерекалась с судьей... усердно защищала... заведомого преступника... задавала наводящие вопросы...”

Я представила фотокопии всех документов председателю Мосгорсуда Н.Осетрову. Он был взбешен: ”У меня такое безобразие творится? Да я ее выгоню!..” Но дело, между тем, осталось без изменений.

Председатель Верховного Суда РСФСР Л.Н.Смирнов (впоследствии он стал Председателем Верховного Суда СССР) также очень искренне негодовал. История получила широкую огласку в профессиональной среде и даже в горкоме партии.

Но через месяц народный судья Н.Бойкова по представлению того же председателя Мосгорсуда Н.Осетрова и с одобрения того же председателя Верховного Суда РСФСР Л.Н.Смирнова получила... повышение, была выдвинута в члены Московского городского суда, где и работает по сей день. Ее понимание правосудия почувствовали на себе многие подсудимые и их адвокаты.

Такие примеры можно было бы умножить. Но и сказанного достаточно, чтобы читатель понял трудности положения адвоката в советском суде: если адвокат или даже прокурор (как мы видели в случае Золотухина) не покорится безоговорочно ”установке”, нарушит партийную дисциплину, оставаясь на позициях Закона и только Закона, — дело его плохо. Такой защитник не найдет защиты у вышестоящих инстанций и будет профессионально изничтожен. (Другие примеры есть в тексте работы. — Е.Э.)

Эта книга во многом итог моей тридцатилетней профессиональной деятельности, моих наблюдений и размышлений. Она была для меня и несколько запоздалой возможностью назвать зло попрания Закона вслух и по имени. Впрочем, запоздалость этого действия я ощущаю в том смысле, что внутренне была готова сделать это намного раньше, но по-

стоянно ощущала идеологический кляп во рту. На самом деле, раскрытие картины беззакония "оттепельных" лет вовсе не означает, что явления, о которых рассказывает данная книга, локализованы. В главном проблематика моей книги осталась — увы! — актуальной и для настоящего времени. Не исчезла ни вторая, *левая*, экономика, ни коррумпированное участие в ней власть предержащих, ни особо нацеленные репрессивные действия против евреев — участников *левой экономики* или так называемых валютчиков.

Дело не в том, что статьи Закона, трактующие об ответственности за экономические правонарушения, были изменены, и даже не в том, что санкции по этим статьям были ужесточены выше всякой меры и здравого смысла. Изменение Закона, разумеется, необходимо, если жизнь подсказывает, что Закон устарел. Однако и по международным, и по советским правовым нормам применение обратной силы Закона — вещь абсолютно недопустимая, если новый Закон, по сравнению с действовавшим прежде, во время совершения преступления, усугубляет наказание, ужесточает санкцию. Как раз в период "оттепели", "преодоления культа личности и его последствий", "возвращения к ленинским нормам партийной жизни" — кажется, мы перебрали здесь весь благоуханный букет весенних идеологических формул, суливших нам в шестидесятые годы небывалый расцвет законности — как раз в этот период слова "закон обратной силы не имеет" звучали не только в специальной печати и на лекциях для студентов-юристов, но их повторяла пресса, их затверживали школьники. Эта старая-новая формула, казалось, должна была со временем вытеснить прежними годами вбитые представления о правосудии, руководствуясь "революционным правосознанием". Казалось, что навсегда покончено с внесудебной расправой. И уже велась пропаганда юридических знаний среди населения, и говорили, и писали, и цитировали обильно статью 6 Уголовного Кодекса РСФСР: "Преступность и наказуемость деяния определяются Законом, действующим во время совершения этого деяния... Закон,

устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет...” Даже в школьном курсе Конституции СССР восьмиклассники заучивали наизусть: ”Правосудие по уголовным делам осуществляется на началах равенства перед Законом и судом всех граждан, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности, вероисповедания” (УПК РСФСР, ст. 14).

Мною говорилось во вступлении к книге и, завершая ее сейчас, хочу повторить еще раз: ни в коем случае я не оправдываю преступления, или того, что в условиях и по законам данной страны считается преступлением, но я безусловный противник бессмысленной жестокости Закона, который за нарушение хозяйственного уклада карает смертью, а в более ”мягком” случае вырывает человека из жизни на долгие годы, вплоть до полутора десятка лет. Кроме того, я надеюсь, что мне удалось показать сам советский Закон изнутри, его негативную сущность, его антигуманный смысл. Лишь в самом общем виде я описала трансформацию Закона о применении смертной казни, но этот краткий очерк достаточно убедителен. Чтобы не казаться необъективной, я привлекла к этой работе данные опросов и собеседований с коллегами, как с теми, что и сегодня живут в СССР, так и с покинувшими его и ныне находящимися в свободном мире, а также с лицами, которые в свое время занимали место на скамье подсудимых.

Статистический анализ, произведенный по материалам рассмотренных в книге судебных процессов, преследовал ту же цель — дать убедительную и обоснованную картину уголовной политики и антисемитской практики советского правосудия. Еще одним свидетелем, подтверждающим правоту моих выводов, стала советская пресса, послушно отражавшая атмосферу недоброжелательства и предвзятости по отношению к евреям и в своих сообщениях ”из зала суда” с особым нажимом выводившая еврейские имена и фамилии.

Уже в Израиле, собирая материалы для книги, я про-

смотрела груды советских столичных и провинциальных газет хрущевского и послехрущевского времени, выбирая корреспонденции о "валютчиках", "взяточниках", "расхитителях". Они и сегодня производят сильное впечатление и сохраняют стойкий антисемитский аромат тех лет. По этим газетным свидетельствам я смогла расширить статистический раздел. Многие газетные заметки, имеющие отношение к моей теме, я привела в пересказе или в выдержках ради краткости изложения.

Я приложила к настоящей работе тексты Указов 1961 – 1962 годов, остановившись на тех статьях, которые определили тему моего исследования.

Кроме большого количества газет, я опиралась как на источники на журналы "Экономическая жизнь", "Советское государство и право", "Социалистическая законность", Бюллетени Верховных Судов СССР и союзных республик.

Несмотря на обилие привлеченных источников, глава четвертая – "Статистический анализ", – страдает вынужденной неполнотой. Читатель должен учесть следующее.

Только Комитет Государственной Безопасности располагает всеми статистическими данными в полном объеме, в отличие от Статистического Управления Министерства юстиции или даже Прокуратуры СССР. Данные эти засекречены и сохраняются в тайне не хуже оборонных секретов. Только КГБ и мог бы сообщить точные списки и точные цифры: сколько и когда было привлечено к уголовной ответственности людей за экономические преступления, сколько было уничтожено во время следствия, сколько умерло в ожидании возможного помилования, сколько скончалось в момент оглашения приговора, сколько нашло смерть в лагерях, отбывая наказание. Следовательно, статистическая обработка данных в моей книге достоверна и представительна, но касается вынужденно выборочной группы материалов. Однако эта группа достаточно обширна, чтобы позволить сделать на ее основании общие выводы.

Что же касается количества смертных приговоров и

списка евреев, приговоренных к смерти, то следует учесть, что имеются в виду лишь вынесенные приговоры. Обычно в конце таких приговоров стоит стандартная фраза: "Приговор окончательный и обжалованию не подлежит". Такой приговор вступает в силу сразу. Все же изменения приговоров, хотя и не часто, но имели место. Всякий раз, когда мне это было достоверно известно, я отмечала дальнейшее изменение приговора и рассказывала о судьбе приговоренного. Мне приходилось уже выражать сожаление по поводу невозможного проведения статистических сравнений, которые показали бы неравенство перед законом лиц разных национальностей. Однако там, где конкретный материал позволял сделать такие сравнения, я не упускала этой возможности.

Антиеврейский характер экономических судебных процессов сохраняется и по сей день. Правда, после 1963 года пресса стала вести себя осторожнее, избегая слишком уж прямого нажима на простой и популярный тезис, утверждающий, что во всех бедствиях и хозяйственных неполадках в СССР виноваты евреи. Отчасти это изменение тона советской печати произошло вследствие возмущенной реакции зарубежных газет и отдельных общественных деятелей, протестовавших против применения обратной силы Закона и против расстрелов евреев, столь многочисленных в начале шестидесятых годов. Но хоть пресса, чтобы притушить гнев мирового общественного мнения, и стала вести себя сдержаннее, в судах и следственных органах особое предвзятое отношение к евреям не исчезло. И я сама участвовала в качестве адвоката в процессах 1964 — 1967 годов, предварительным следствием для которых КГБ занимался еще в 1961 — 1963 годах. Хрущев уже был снят со своего поста, а в практике следственно-судебных органов ничего не изменилось. Это же подтверждает опыт моих коллег из разных городов Советского Союза. Документальное подтверждение тому, что судебно-истребительный процесс по отношению к евреям продолжался без изменений в послехрущевские годы, мы находим в интервью с членом Верховного Суда РСФСР Ми-

хаилом Андреевичем Гаврилиным, данным им для журнала "Социалистическая законность" Ю.Феофанову, о котором подробно говорилось в разделе "Валютные дела", в... 1968 году. Председатель Судебной Коллегии Верховного Суда России сказал журналисту, что многие дела продолжают рассматриваться с 1962 года, поскольку их невозможно было рассмотреть все сразу*.

У прессы были причины не публиковать всех сведений и зачастую даже вообще не освещать в печати ход того или иного процесса. Кроме необходимости заботиться о международном общественном мнении, такой причиной была вовлеченность в противоправную экономическую деятельность высоких партийно-правительственных чинов, большинство которых составляли лица отнюдь не еврейской национальности. Это обнаруживалось в ходе каждого уголовного процесса по экономическим делам. И именно этого, упоминания высоких лиц, связанных с преступлением, старалась избежать советская пресса. Ибо коррупция и продажность государственных служащих становились слишком очевидными, вылезая из всех щелей.

В замечательном романе Василия Гроссмана "Все течет", распространявшемся в самиздате и впоследствии опубликованном на Западе, передана атмосфера послевоенного времени, когда проводилась пресловутая кампания "по борьбе с космополитизмом". Атмосфера шестидесятых годов, периода государственной кампании "по борьбе с расхитителями, валютчиками и взяточниками", отчетливо напоминает ту, что описана В. Гроссманом:

"В газетах стали печатать фельетоны, разоблачавшие карьеристов, жуликов, мошеннически получивших дипломы и ученые степени; врачей, преступно жестоко обращавшихся с больными детьми и роженицами; инженеров, строивших вместо больниц и школ дачи для своей родни.

Почти все разоблаченные в фельетонах были евреями,

* "Социалистическая законность", 1969, № 3, стр. 66—69.

и газеты с особой тщательностью приводили их имена и отчества: "Сруль Нахманович", "Хаим Абрамович", "Израиль Менделевич"... Если рецензией критиковалась книга, написанная евреем, носящим русский литературный псевдоним, то рядом, в скобках, печаталась еврейская фамилия автора. Казалось, в СССР лишь одни евреи воруют, берут взятки, преступно равнодушны к страданиям больных, пишут почерные и халтурные книги"*.

Рой и Жорес Медведевы в работе "Н.С.Хрущев. Годы власти" пишут:

"Для нас, авторов этой книги, Н.Хрущев — это живая история, пережитые надежды и разочарования, энтузиазм и горечь... возмущение его иногда поразительной неграмотностью в сравнительно простых экономических проблемах. Эту атмосферу хрущевского периода, ощущаемую внутри страны, нам и хотелось сохранить в данной книге"***.

В этих строках братьев Медведевых я слышу созвучное мне намерение. Вот и я стремилась запечатлеть разочарование и горечь, охватившие нас, юристов, когда время ожидаемых перемен обернулось временем новых беззаконий. Острее юристов вряд ли кто, кроме, разумеется, самих жертв беззакония, мог ощущать утрату надежд и пафос разочарования в это время. За умалением роли Закона и его попранием в шестидесятые годы стояла личная воля Хрущева, персонально ему присущий антисемитизм. Хотя, конечно, не было недостатка в энтузиастах, кинувшихся исполнять эти волевые решения.

Напомним еще, что беспринципность пропаганды, глубокая пропасть между словом и делом есть постоянная черта советской внутренней жизни, выбрасывавшей в печать и для внешнего международного употребления декларации о принципах, которым сама советская власть вовсе не собирается следовать. Так, широкое и произвольное применение смерт-

* В.Гроссман. Все течет. Роман. "Посев", 1970, стр. 18—19.

** Р. и Ж.Медведевы. Хрущев. Годы власти. Самиздат, 1975.

ной казни по экономическим делам последовало в Советском Союзе за кратким периодом, когда смертная казнь в Союзе была отменена вообще, а советское правительство даже обратилось к другим странам с призывом отменить наказание смертью во всем мире. Применение обратной силы Закона, казни людей за противоправные действия в области экономики, особо тяжелые репрессии против евреев — все это последовало за разоблачением преступлений сталинского времени, предпринятого самим Хрущевым.

”Чем больше все изменяется, тем больше все остается по-старому” — это сказано давно и остается справедливым и сегодня. ”Все течет” — называется роман Гроссмана. Но хоть и много воды и крови утекло со дня смерти Сталина, даже спустя десятилетие цитаты из советских газет были как две капли воды похожи на те, о которых говорил Гроссман применительно к последним годам сталинского правления. Читатель может судить о правоте сказанного по тем кратким выдержкам из прессы, которые в разных местах этой книги приводились раньше. В дополнение к ним приведем еще некоторые:

”...Бер Пейсахович Фрид — умелец обманывать, требует за проданное сверх цены. Его подручные: М. Гир, Д. Штейман, А. Мардухлин, А. Линдер, А. Рудзицер...” (“Звезда”, 20 сентября 1962 года.)

”Лейб-Хаим Юдович Дынов — предприимчивый делец, который на неизвестные источники доходов выстроил себе пятикомнатный дом, обставив его с дворцовой роскошью...” (“Советская Белоруссия”, 28 августа 1962 года.)

”У Льва Семеновича Фридлина небольшая зарплата. Спрашивается, каким образом и за счет каких трудов выстроил он себе шестикомнатный дом?” (“Советская Белоруссия”, 28 сентября 1962 года.)

”Пейсах Мойшевич Бацевицкий и Давид Юделевич Гаялин, Абрам Моисеевич Кантор, Плоткин, Хайкин, Рольник, Иткин — работники Бобруйского комбината — привлечены

к ответственности за расхищение отрезков ткани...” (“Звезда”, 26 августа 1961 года.)

”Юда Гольденфарб, Михаил Шнайдер, Хаим Кац, Шлема Курис, Янкель Пойзнер, Сарра Гринберг, Фаня Койферман, Аарон Гертер, Елик Кушнир, Питель Вейцер, Ида Нудельман, Наум Фельдман – валютчики привлечены к ответственности”. (“Молодость Украины”, 3 августа 1962 года.)

За этими жемчужинами советской журналистики стоят реальные и весьма болезненные житейские процессы. Выходя за рамки темы, ограниченной судебными аспектами, коснусь бытовой практики этих лет, являвшейся несомненно следствием атмосферы разнузданного антисемитизма в суде и в прессе. Беззаконие, выплеснувшись из залов суда, нашло себе приложение в немотивированных изъятиях собственности граждан, у которых отбирали дома, построенные тридцать и более лет назад и которые для многих из них были основным жильем. Местные исполнительные комитеты принимали постановления об изъятии этих домов, квалифицируя их как собственность, приобретенную на нетрудовые доходы. От владельцев требовалось представить справки о доходах за период, когда дома строились, что само по себе по прошествии нескольких десятилетий затруднительно сделать. Но и в тех случаях, когда такие справки бывали представлены, они опорачивались советскими инстанциями как несостоятельные. Подавляющее большинство таких изъятий производилось у граждан еврейской национальности. Фамилиями этих ограбленных государством владельцев единственного жилья с удовольствием оперировали газеты, называя их тунеядцами, разбогатевшими за счет нетрудовых доходов. И этот вид беззакония существовал по личному указанию Н.С.Хрущева.

Я полагаю, что при описании конкретных дел мне удалось убедить читателя, что в ходе судебных процессов, рассматривавших дела об экономических преступлениях, был нарушен принцип равенства всех граждан перед Законом и что подсудимые-евреи находились в особо уязвимом по-

ложении перед следствием и судом. Надеюсь, что книга достаточно подробно показывает, как происходит "отпущение грехов" преступникам других национальностей, особенно, если они к тому же оказываются руководителями партийных, советских или хозяйственных органов. При огромном количестве смертных приговоров евреям за валютные сделки, хищение или взяточничество, среди лиц других национальностей, совершивших равновеликие правонарушения, по рассмотренным в книге процессам семеро были расстреляны. Эти данные приводятся здесь только для того, чтобы подчеркнуть, что Закон на практике по-разному карал за одни и те же преступления евреев и неевреев, хотя сама я — повторяю — категорически против смертной казни по экономическим делам.

Очень редко и всегда слабо суды карали высокопоставленных взяточполучателей, без которых само существование *левой* экономики не оказалось бы возможным. Гораздо чаще высокие чины, виновные в противоправных действиях наравне с подсудимыми-евреями, если не больше, появлялись на процессах только в качестве свидетелей, а иногда и вообще не появлялись.

Завершая свою работу, посвященную положению евреев под судом и следствием в экономических процессах шестидесятих годов, я хотела бы бросить беглый взгляд на то, как обстоят дела в борьбе Закона с противоправной экономической деятельностью в последнее двадцатилетие.

Дело в том, что с момента моего отхода от практической юридической работы в Советском Союзе прошло уже почти десять лет. Даже со времени окончания работы над рукописью этой книги до ее издания тоже прошел не один год. Я продолжала интересоваться проблемой и, по мере возможности, отмечала те публикации в прессе, которые касались экономических преступлений в Советском Союзе и борьбы с ними. Некоторыми своими наблюдениями о том, как обстоит дело сегодня, я хочу поделиться напоследок с читателями.

ПОСЛЕСЛОВИЕ, ИЛИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Многочисленные публикации в советской печати за два последних десятилетия свидетельствуют о том, что попытка разгромить *левую* экономику, предпринятая со всей решительностью и жестокостью в начале шестидесятых годов, не увенчалась успехом, поскольку не изменилась система государственного планирования, видящая в снабжении оборонной промышленности и армии первоочередную задачу, а в удовлетворении спроса на предметы широкого потребления — задачу второстепенную. Тем самым не исчезла база для частнопредпринимательской инициативы.

Выходящая на русском языке в Израиле газета "Наша страна" по материалам газет "Советская Белоруссия" и "Бакинский рабочий" писала в номере от 23 марта 1977 года в статье "Экономические судебные процессы в Белоруссии и Азербайджане":

"Первый секретарь ЦК КП Белоруссии заявил, что среди обвиняемых находятся его собственный заместитель, три секретаря райкомов партии и другие ответственные работники... 36 ответственных работников Министерства сельского хозяйства Белоруссии уволены за нарушение финансовой дисциплины и за попустительство различным махинациям...

...газета "Бакинский рабочий" сообщает, что более трехсот официальных лиц (в том числе и прокурор республики) предстали перед судом по обвинению в совершении экономических противоправных действий. Газета указывает, что следствие проводилось Особым отделом КГБ Азербайджана

на, хотя обычно такими нарушениями Закона занимается ОБХСС. Предварительное следствие продолжалось почти год. Материалы по делу занимают 100 томов. Допрошено 400 свидетелей”.

Та же газета в статье ”Экономические преступления в СССР, за железным занавесом” (номер от 12 ноября 1979 года) сообщает, среди прочего, что в 1978 – 1980 годах проходил процесс по делу 52 хозяйственных работников высокого ранга разных союзных республик, который закончился вынесением сурового приговора всем участникам, а 5 человек были приговорены к смертной казни. Там же сообщалось, что Л.Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, отклонил ходатайство о помиловании двух евреев.

Газета ”Бакинский рабочий”, орган ЦК КП Азербайджана, сообщила, что в 1980 году в республике слушалось дело, по которому привлекалось более 100 подсудимых. Опираясь на сообщения этой газеты, ”Наша страна” раскрыла сюжет преступления. ”Оно состояло в том, что на одной из фабрик Баку была организована вторая, ”подпольная”, смена. В эту смену рабочие во второй половине дня по будням, а также в выходные (субботние и воскресные) дни производили трикотаж, так сказать, ”налево”, из ворованного сырья. За восемь лет сумма оборота *левого* предприятия составила два миллиона рублей. В деятельность подпольного концерна были вовлечены снабженцы, экспедиторы, железнодорожники, заведующие магазинами, и даже высшие чины милиции, которые каждый месяц получали все увеличивающиеся ”вторые зарплаты”. В левые операции были вовлечены также работники Главка и судебных органов, среди которых названы Прокурор республики Кулиев, начальник следственного отдела прокуратуры Бабаев и другие. По приговору подсудимые осуждены на длительные сроки заключения, вплоть до 15 лет, а Кулиев и Бабаев за особо крупные взятки приговорены к расстрелу. Кроме того, приговорен к расстрелу еврей Альпер Маркишиев, посредничавший при

передаче и получении взяток. Приговор приведен в исполнение". ("Наша страна", 4 марта 1980 года.)

Дело это как две капли воды похоже на дела "трикотажников", катившиеся волной в шестидесятые годы, и свидетельствует, что никаких изменений ни в хозяйственной политике, ни в юридической практике в СССР не произошло. Смеем добавить — *и не произойдет.*

Вот сообщение самого последнего времени, его напечатала выходящая на русском языке в штате Калифорния (США) газета "Панорама":

"Номенклатурные новости

Первый замминистра энергетики и электрификации СССР Фалеев и его заместитель Станиславов сняты с постов и исключены из партии за взяточничество, хищения социалистической собственности и т. п. Будет ли суд?

В Узбекистане по тем же причинам сняты в 1984 году с постов пять первых секретарей обкомов, около 15 первых секретарей горкомов и райкомов, несколько министров и сотни других высокопоставленных лиц. Резкой критике подверглась вся верхушка узбекского партаппарата. Председатель "Технопромэкспорта" Смеляков и его заместитель Павлов исключены из партии и расстреляны за взятки, хищения, махинации с валютой и т. п."

В последнее время, начиная с краткосрочного андроповского правления, власти решили всерьез взяться за борьбу с коррупцией, раззевшей сверху донизу партийно-государственную иерархию. Даже коротенькая заметка в "Панораме" показывает, что нынче объектом репрессий уже не являются почти исключительно евреи, как это было в шестидесятые — семидесятые годы, а устрашающие приговоры выносятся зарвавшимся и проворовавшимся партаппаратчикам. Но и это не поможет победить коррупцию, потому что репрессии не устраняют ее социально-экономических предпосылок: дефицит предметов широкого потребления вследствие запланированного предпочтения развития военной промыш-

ленности в ущерб удовлетворению спроса на массовые товары. Это подтверждается и совсем недавним сообщением об арестах и снятии с ответственных постов государственных и партийных деятелей Казахстана по обвинению их в коррупции.

Мне кажется весьма отрадным тот факт, что в последнее время на Западе состояние советской экономики и ее интегральная часть — вторая, "левая", экономика — стали предметом пристального внимания исследователей. Произошло это не без влияния на изучение советских проблем со стороны новых эмигрантов, бывших граждан Советского Союза, но и западные советологи и экономисты движутся к лучшему пониманию специфических советских проблем. Сошлюсь хотя бы на интересное "Письмо ученому коллеге" Д.Толмазина, опубликованное в № 134 журнала "Грани", и на яркую статью Алена Безансона "Похвальное слово советской коррупции" из его сборника "Русское прошлое и советское настоящее", вышедшего в издательстве "Оверсиз Паблнкэйшнс" в Лондоне в 1984 году на русском языке.

Так или иначе, сегодня всем здравомыслящим людям, обдумывающим проблемы советской экономики, от рядового советского жителя, невольного завсегдатая очередей, до широко образованного западного исследователя, ясно: от нехватки промышленных товаров, от связанных с нею второй экономики и коррупции расстрелы и жестокие приговоры не вылечат. На исходе седьмого десятилетия советской власти космические ракеты, военная мощь и успехи советского балета (или футбола) не накормят и не оденут. И пока это так — сама жизнь толкает предприимчивых и талантливых производственников восполнять недостатки планового хозяйствования. Их деятельность — преступление с точки зрения советского закона, разумная частная инициатива — с точки зрения свободного мира, необходимый корректив к государственному плану, к постоянному дефициту всего самого насущного во внутренней государственной торговле в Советском Союзе. Либерализация и демилитаризация эконо-

номики были бы единственным надежным путем к изживанию укоренившейся в Советском Союзе коррупции.

ПОИМЕННЫЙ СПИСОК
ЛИЦ ЕВРЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ,
ПРИГОВОРЕННЫХ К РАССТРЕЛУ
ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
(по республикам)

РСФСР

1. Бейгельман	21. Литвиновский
2. Билер	22. Малый
3. Блазер	23. Ойзерман
4. Богуславский	24. Ордер
5. Гаврилов Вениамин	25. Поваринец
6. Гальперин	26. Пугач
7. Гольденберг	27. Рабинович
8. Добров	28. Рейдель
9. Евгеньев	29. Ройфман
10. Зингер	30. Рокотов
11. Израилов	31. Саксаганский
12. Казакевич	32. Файбищенко
13. Канторов	33. Флиорент
14. Каплун	34. Фукс
15. Клейнман	35. Ханин
16. Клемперт	36. Хейфец
17. Коган	37. Хенсон
18. Котляр	38. Шакерман
19. Крайзман	39. Шапиро
20. Крупкин	

УКРАИНСКАЯ ССР

40. Абрамович	74. Марголис
41. Авербух	75. Мейлах
42. Аксельруд	76. Мессер
43. Аршин	77. Мирский
44. Беркони Иосиф	78. Нияковский
45. Беркони Юда	79. Ойхман
46. Бронштейн	80. Партигул
47. Гафиневич	81. Перс
48. Гандшу	82. Печерский
49. Гелб	83. Пикелин
50. Гендлер	84. Пойзнер
51. Гешелин	85. Рабинович
52. Гилько	86. Розенблат Д.
53. Голдис	87. Розенблат
54. Горфункель	88. Розенштерн
55. Гроссман	89. Ронис
56. Гус	90. Сбриджер
57. Драпкин	91. Сонкин
58. Шкаринский	92. Спитковский
59. Заяц	93. Старчевский
60. Зималевич	94. Столовицкий
61. Зискинд	95. Татаркин
62. Китайгородский	96. Трачук
63. Коган	97. Фрайберг
64. Койфман	98. Френкель
65. Корецкий	99. Фукс Фока
66. Кошер	100. Фукс Яков
67. Кунянский	101. Хаин
68. Курцис	102. Хают
69. Куц	103. Хенсон
70. Лapidус	104. Хмельницкий
71. Лебедик	105. Цыкленок
72. Любинский	106. Шаевич
73. Маламуд	107. Шаперштейн

108. Шейнкин
109. Шер
110. Штивзин

111. Эльгурт
112. Эпштейн
113–119. По Львову,
фамилии не выяснены.

КИРГИЗСКАЯ ССР

120. Абрамович
121. Альтерман
122. Аспис
123. Ахун
124. Бахута

125. Гольдман
126. Дворкин
127. Тихоступ
128. Фельдшер

БЕЛОРУССКАЯ ССР

129. Брискин
130. Бурсак
131. Виленский

132. Динабовский
133. Луцкий
134. Хигер

ЛИТОВСКАЯ ССР

135. Каминер
136. Рабинович
137. Резницкая
138. Резницкий

139. Тамашаускас.
140. Цукерман
141. Шакалис

МОЛДАВСКАЯ ССР

142. Гольдштейн
143. Кац
144. Крайниц

145. Палантер
146. Рабинович
147. Табак

КАЗАХСКАЯ ССР

148. Балтиев

149. Тушкарь

УЗБЕКСКАЯ ССР

150. Гафаров

153. Лемешев

151. Койфман

154. Львовский

152. Кренцель

155. Столин

ЛАТВИЙСКАЯ ССР

156. Гольдман

157. Розенблюм

ЭСТОНСКАЯ ССР

158. Алиде

159. Гитлин

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

160. Золотарев

161. Канцберг

ГРУЗИНСКАЯ ССР

162. Какиашвили

163. Маргалашвили

НА УКРАИНЕ

по вышеперечисленным делам
были расстреляны лица
нееврейской национальности :

1. Бондарчук

4. Молчанюк

2. Марчуков

5. Рубашный

3. Мешков

**ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДПРИЯТИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ,
СОТРУДНИКИ КОТОРЫХ
БЫЛИ ПРИЧАСТНЫ К ПРАВОНАРУШЕНИЯМ,
ОПИСАННЫМ В ДАННОЙ РАБОТЕ**

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

1. Госплан СССР
2. Госпланы некоторых Союзных Республик
3. Совнархозы некоторых Союзных Республик и областей
4. Министерства торговли: РСФСР, Узбекистана, Киргизии, Украины
5. МВД: Грузии, Киргизии, Москвы (ОБХСС), Узбекистана
6. Совет Министров Карельской АССР
7. Главмашдеталь
8. Союзглаvmаш
9. Росглаvmаш
10. Разноэкспорт
11. Росглаvmашснабсбыт ВСНХ
12. Росглаvчерметснабсбыт
13. Росглаvстройснабсбыт
14. Росснабторг
15. Союзглаvметалл
16. Спортсоюз
17. Сельхозтехника
18. Главхимпром

СОЮЗНЫЕ РЕСПУБЛИКИ

РОССИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА (РСФСР)

- 19—1. Мосгорсовнархоз
- 20—2. Мособлсовнархоз
- 21—3. Мосторг
- 22—4. Некоторые снабженческие и бытовые организации областей, краев, входящих в состав РСФСР
- 23—5. Мособлкульторг
- 24—6. Москупторг
- 25—7. Художественный фонд
- 26—8. Некоторые управления материально-технического снабжения областей и городов РСФСР
- 27—9. Некоторые городские Исполнительные Комитеты (Исполкомы трудящихся)
- 28—10. Некоторые промкомбинаты городов и областей
- 29—11. Психоневрологические диспансеры некоторых городов и областей
- 30—12. Швейторги некоторых городов и областей
- 31—13. Некоторые управления бытового обслуживания
- 32—14. Мосгалантерея
- 33—15. Некоторые управления торговли областей и краев
- 34—16. Мелкорозпромторг

ЗАВОДЫ, ФАБРИКИ РСФСР

- 35—1. Шуйский машиностроительный завод Московской области
- 36—2. Климовский машиностроительный завод Московской области
- 37—3. Бутовская фабрика "Металлопласт" Московской области

- 38–4. Тушинская басоно-галантерейная фабрика "Победа"
Московской области
- 39–5. Краснопехорская фабрика Московской области
- 40–6. Тушинская чулочная фабрика Московской области
- 41–7. Красковская фабрика Московской области
- 42–8. Швейно-галантерейная фабрика № 3 Московской
области
- 43–9. Фабрика им. Менжинского Московской области
- 44–10. Павло-Посадская фабрика Московской области
- 45–11. Фабрика спортивного инвентаря Московской области
- 46–12. Шелковская фабрика Московской области
- 47–13. Пушкинская фабрика Московской области
- 48–14. Фабрика "Парижская Коммуна" Московской
области
- 49–15. Московский завод "Красный штамповщик"
- 50–16. Перовская фабрика № 11, Москва
- 51–17. Некоторые московские текстильные фабрики
РСФСР
- 52–18. Красильно-отделочная фабрика Московской области
- 53–19. Райздравотдел Краснопресненского района Москвы
- 54–20. Фабрика губной помады Московской области
- 55–21. Галантерейная фабрика Московской области
- 56–22. Московская абажурная фабрика
- 57–23. Московский резиновый завод
- 58–24 – 27. Универмаги Москвы: ГУМ, ЦУМ, "Детский
мир", "Москва"
- 59–28. Холодильник № 7, Москва
- 60–29. Магазин "Мелодия", Москва
- 61–30. Тушинский торг Московской области
- 62–31. Фабрика "Прогресс", Москва
- 63–32. Контора "Вторсырье", Москва
- 64–33. Текстильторг
- 65–34. Химпромкомбинат
- 66–35. Художественная фабрика города Ногинска Мос-
ковской области
- 67–36. Раменский торг Московской области

- 68–37. Хозторг (магазины Москвы и области)
- 69–38. Некоторые совхозы Подмосковья
- 70–39. Мануфактурная база Москвы
- 71–40. Фабрика "Головные уборы", Москва
- 72–41. Мосодежда, Москва
- 73–42. Фабрика спортивных изделий, Москва
- 74–43. Фотохудожественный комбинат, Москва

ЛЕНИНГРАД И ОБЛАСТЬ

- 75–44. Лечебно-трудовые мастерские Ленинграда
- 76–45. Галантерейная фабрика
- 77–46. Некоторые универмаги
- 78–47. "Саблинский швейник" – фабрика
- 79–48. Фабрика по изготовлению кистей
- 80–49. Ленторггалантерея (некоторые фабрики)
- 81–50. Управление торговли
- 82–51. Ленторг
- 83–52. Ленминвод
- 84–53. Управление мехтранспорта
- 85–54. Сестрорецкий торг
- 86–55. Ленунивермаг
- 87–56. Ленгорисполком
- 88–57. Магазин "Старая книга"
- 89–58. Канонерский судостроительный завод
- 90–59. Промкомбинат города Пушкино
- 91–60. Лентрикотажное объединение и фабрики
- 92–61. Облпотребсоюз
- 93–62. Ленжилуправление
- 94–63. Магазины Ленинграда
- 95–64. Горьковская железная дорога
- 96–65. Совнархоз Иркутска
- 97–66. Татнефтьразведка Татарской АССР
- 98–67. Стекольное управление города Тулы
- 99–68. Дом культуры города Ярославля

- 100–69. Мельница Пятигорска
- 101–70. Некоторые магазины Тюмени, Свердловска
- 102–71. Металлургический комбинат Новокузнецка
- 103–72. Фабрика "Авангард", Владивосток
- 104–73. Горжилуправление, Владивосток
- 105–74. Авторемонтный завод, Воронеж
- 106–75. Промкомбинат Кавказа
- 107–76. Псковское горжилуправление
- 108–77. Западно-Сибирский совнархоз

УКРАИНСКАЯ ССР

- 109–1. Министерство торговли УССР
- 110–2. Управления торговли некоторых областей УССР
- 111–3. Новошахтинский горисполком
- 112–4 – 7. Психоневрологические диспансеры Львова, Винницы, Одессы и других областей УССР
- 113–8. Швейторги УССР (в т. ч. некоторых областей)
- 114–9. Киевский горместпром
- 115–10. Дарницкий канифольный завод
- 116–11. Хозторг Киева
- 117–12. Фабрика веревочных изделий
- 118–13. Киевская трикотажная фабрика
- 119–14. Фабрика "Октябрь"
- 120–15. Киевская швейно-галантерейная фабрика
- 121–16. Промтрикотаж, Одесса
- 122–17. Фабрика "Побутовец"
- 123–18. Завод хлорвиниловых изделий
- 124–19. Завод синтетического волокна, Львов
- 125–20. Трикотажная фабрика "30 лет Октября", Львов
- 126–21. Фабрика трикотажных изделий УССР
- 127–22. Канатный завод, Одесса
- 128–23. Укрглавлегсбытсырье
- 129–24. Гардинная фабрика, Ивано-Франковск
- 130–25. Завод "Металлопосуда"

- 131–26. Львовский совнархоз
- 132–27. Шевченковский райпотребсоюз
- 133–28. Управление материально-технического снабжения города Херсона
- 134–29. Облместпром, Одесса
- 135–30. Фабрика "Массопошив", Одесса
- 136–31. Снабженческо-бытовые организации УССР
- 137–32. Укрпромгалантерея
- 138–33. Харьковский тракторный завод
- 139–34. Фабрика "Утильпром", Одесса
- 140–35. Фабрика "Рекорд", Одесса
- 141–36. Фабрика "Разнопром" им. Ватутина
- 142–37. Фабрика "Защитник Отечества", Одесса
- 143–38. Киевский завод фарфоровых изделий
- 144–39. Некоторые райисполкомы города Киева
- 145–40. Психоневрологический диспансер, Житомир
- 146–41. Текстильторг
- 147–42. Завод железобетонных изделий
- 148–43. Облстрой, Крым
- 149–44. Промкомбинат, Ивано-Франковск
- 150–45. Фабрика веревочных изделий, Горловка
- 151–46. Промкомбинат, Горловка
- 152–47. ОРС ГЭСстрой, Кременчуг
- 153–48. Промкомбинат, Днепропетровск
- 154–49. Фабрика "Перемога", Черновцы
- 155–50. Книжно-журнальная фабрика, Киев
- 156–51. Горместпром, Киев
- 157–52. Мыловаренный завод, Киев
- 158–53. Фабрика "Массопошив", Киев
- 159–54. Измузгиз, Киев
- 160–55. Швейно-галантерейная фабрика и некоторые магазины Киева
- 161–56. Завод "Металлолит", Киев
- 162–57. Трикотажная фабрика, Киев
- 163–58. Фабрика местпрома, Киев
- 164–59. База хранения картин УССР

- 165–60. Киевский ломбард
166–61. Психоневрологическая больница № 1, Львов
167–62. Мастерская по сшивке кровельного железа УССР
168–63. Облместпром, Львов
169–64. Комбинат глухонемых, Львов
170–65. Завод синтетического волокна и трикотажа, Львов
171–66. Школа-интернат № 3 УССР
172–67 – 70. Химич. меха при фабриках Винницы, Харькова,
Житомира, Жмеринки
173–71. Производственные мастерские, Харьков
174–72. Горпромторг, Симферополь
175–73. Прядильная фабрика, Феодосия
176–74. Обувьторг, Одесса
177–75. Днепропетровский торг
178–76. Магазины Укрторгодежды

и др.

БЕЛОРУССКАЯ ССР

- 179–77. Совнархозы некоторых областей
180–78. Белкоопсоюз
181–79. Обувная фабрика Белоруссии
182–80. Универмаг Минского автозавода
183–81. Завод железобетонных изделий, Минск
184–82. Трест № 18 "Электромонтаж"
185–83. Пинский комбинат "Заготскот"
186–84. Межколхозстрой
187–85. Трикотажная фабрика "Прогресс", Минск.
188–86. Комбинат "Спартак", Гомель
189–87. Заготконтора, Барановичи
190–88. Комбинат бытового обслуживания
191–89. Фабрика меховых изделий
192–90. Потребкооперация БССР
193–91. Универмаг БССР

МОЛДАВСКАЯ ССР

- 194—92. Республиканское управление материально-технического снабжения
- 195—93. Тираспольский химический завод
- 196—94. Заготживсырье
- 197—95. Комбинат "Надомный труд", Кишинев
- 198—96. Промкомбинат
- 199—97. Совнархоз Молдавской ССР
- 200—98. Промутиль
- 201—99. Завод железобетонных изделий
- 202—100. Скупторг
- 203—101. Молдторг
- 204—102. Мясокомбинат
- 205—103. Сахарный завод

УЗБЕКСКАЯ ССР

- 206—104. Министерство торговли УзССР
- 207—105. МВД УзССР
- 208—106. Горисполком города Ташкента
- 209—107. Фабрика "Сувенир"
- 210—108. Психоневрологическая больница, Ташкент
- 211—109. Кожевенный комбинат
- 212—110. Завод "Металлопосуда"
- 213—111. Фабрика меховых изделий
- 214—112. Школа-интернат, Ташкент
- 215—113. Завод тугоплавких металлов УзССР
- 216—114. Завод искусственного и синтетического волокна,
Барнаул
- 217—115. Общество слепых
- 218—116. Промкомбинат № 2
- 219—117. Швейобувь, Ташкент
- 220—118. Чирчикская обувная фабрика
- 221—119. Фабрика № 2, Ташкент

- 222–120. Текстильно-галантерейная фабрика УзССР
223–121. Швейная фабрика "Кзылюлдус"
224–122. Прокуратура города Ташкента
225–123. Комбинат "Реммебель"
226–124. Ташпромторг
227–125. Электроремонтный завод
228–126. Управление машиностроительной промышленности УзССР
229–127. Сахарный завод

КИРГИЗСКАЯ ССР

- 230–128. Госплан республики
231–129. Совнархоз республики
232–130. Госконтроль республики
233–131. Министерство торговли республики
234–132. Министерство внутренних дел республики
235–133. Управление местной промышленности республики
236–134. Управление материально-технического снабжения при Совете Министров республики
237–135. Горисполком города Душанбе
238–136. Аламединская ткацко-трикотажная фабрика
239–137. Фабрика им. 42-й годовщины Октября
240–138. Сахарный завод
241–139. Быткомбинат "Киргизия"
242–140. Управление геологии

ГРУЗИНСКАЯ ССР

- 243–141. МВД ГрузССР
244–142. Сухумторг
245–143. Комбинат кожобуви, Сухуми
246–144. Кутаисторг

- 247–145. Кутаисская тюрьма
248–146. Завод "Военхот" Закавказского Военного
Округа
249–147. Грузобувьторг
250–148. Электромеханический завод
251–149. Некоторые трикотажно-ткацкие фабрики
республики

и др.

КАЗАХСКАЯ ССР

- 252–150. Комбинат бытового обслуживания
253–151. Саранская фабрика
254–152. Павлодарский РК КПСС
255–153. Горкоопторг
256–154. Швейная фабрика, Алма-Ата
257–155. Карагандинский облместпром
258–156. Рабкооп, Алма-Ата
259–157. Совхоз "Зонгар", Павлодар
260–158. Некоторые снабженческо-бытовые организации
республики

и др.

ЛАТВИЙСКАЯ ССР

- 261–159. Управление торговли города Риги
262–160. Реммеханзавод "Дарбс"
263–161. Фабрика губной помады
264–162. Фабрика "Аусма"
265–163. Центральный универмаг города Риги
266–164. Латтекстильшвейобувьторг
267–165. Некоторые магазины "Ткани"
268–166. Завод строительных материалов
269–167. Латвийская железная дорога

270–168. Управление торговли города Даугавпилса

ЛИТОВСКАЯ ССР

271–169. Литовсельхозтехника

272–170. Совнархоз

273–171. Паневежский консервный завод

274–172. Потребсоюз Литовской ССР

275–173. Институт проектирования Литовской ССР

ЭСТОНСКАЯ ССР

276–174. Таллинский морской порт

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

277–175. Фабрика "Металлоремонт"

278–176. Утильсырье

279–177. Пищеторг

280–178. Индпошиводежда

281–179. Горсовет города Баку

282–180. Лесстройторг

283–181. Некоторые снабженческо-бытовые организации
республики

ТАДЖИКСКАЯ ССР

284–182. Министерство коммунального хозяйства
республики

285–183. Сталинабадская фабрика им. 5-й Пятилетки

286–184. Промкомбинат

287–185. Магазин "Капроновые изделия", Душанбе

288—186. Горисполком Сталинабада
289—187. Заготпункт
290—188. Трест общественного питания

**СПИСОК ЛИЦ,
ДАВШИХ ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ ДАННОЙ КНИГИ**

1. Адвокат Л.ЮДОВИЧ, Москва. Эмигрировал в ФРГ.
В связи с делами: а) Кравеца и др.;
б) Мони Тальянского;
в) Хихинашвили;
г) Мейты Лейкиной.
2. Адвокат В.ДАБУЖСКИЙ, Москва. Эмигрировал в США.
В связи с делами: а) Варшавской;
б) Рубинштейна;
г) о судье В.И.Мухине.
3. Адвокат А.РОЖАНСКИЙ, Ленинград. Эмигрировал в Израиль.
В связи с делом Крайчика.
4. Адвокат М.МИЛЬМАН, Львов. Эмигрировал в Израиль.
В связи с делами: а) Строительного управления;
б) Совнархоза;
в) Психоневрологического диспансера
г) Райпромкомбината;
д) Комбината глухонемых;
е) Шаперштейна;
ж) Братьев Беркони и др.

5. Осужденный Д. ПОЙЗNER, Львов. Эмигрировал в Израиль.
По "своему" делу: – фабрики трикотажных изделий "30 лет Октября" и др. делам Львова и Украины.
6. Осужденная ЭММА ФУКС и ее дочь ВИКА, Львов. Эмигрировали в Израиль.
По "своему" делу и делу фабрики "30 лет Октября".
7. Осужденная РОЗА АКсельРУД-БЕЙЛИНА, Львов, эмигрировала в Израиль.
По "своему" делу и делу фабрики "30 лет Октября".
8. Адвокат Д. ТЕМКИН, Киев. Эмигрировал в США.
В связи с делами: а) Харьковских производственных мастерских Облоно;
б) Плодоовощного комбината Киева;
в) Киевского института легкой промышленности;
г) Киевской трикотажной фабрики;
д) Горловского горбыткомбината.
9. Адвокат Я. МАНИОВИЧ, Одесса. Эмигрировал в Израиль.
В связи с делами: а) Одесского облместпрома;
б) Миллера.
10. Осужденный ЛЕОНИД РУБИНШТЕЙН, Одесса. Эмигрировал в Израиль.
По "своему" делу – артели "Промтрикотаж".
- 11, 12. Адвокаты В.И. АЛЕКСЕЕВ, М. АБРАМОВ и др. Москва.
В связи с головным процессом в Киргизии (дело рассматривал Верховный Суд СССР).

13. СИМОН ХЛАВИН (свидетель по делу), Латвия. Эмигрировал в Израиль.
В связи с делом Латвторга.
14. Адвокаты АЛЕКСАНДР КЛЕБАНЕР, В. ШВЕЙСКИЙ и др., Москва.
В связи с делом Рокотова и др.
15. Осужденная ЗЕЛЬДА ЗИСМАНОВИЧ, Литва.
По "своему" делу: валюта — "Резницкие и др."
16. АННА РОСНОВСКАЯ, Москва — Ленинград. Эмигрировала в Израиль.
По делу своей матери, Мейты Лейкиной.

**ПЕРЕЧЕНЬ
СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ,
ОПИСАННЫХ В РАБОТЕ**
(не считая упоминаний по материалам прессы)

РСФСР

М о с к в а

Дело Шакермана и работников МВД

Дело Ройфмана и др.

Дело Ордера, Атливанника и др.

Дело Доброва

Дело Хейфеца, Райха и др.

Дело Галушко

Дело Кравеца, Уманского и др.

Дело Тальянского

Дело Хихинашвили

Дело Варшавской

Дело Рубинштейна

Дело Рокотова и др.

Дело Натанова

Дело Лейкиной

Дело Лейбензона

Дело Гинзбурга

Дело Рейделя

Л е н и н г р а д

Дело Крайчика

УКРАИНА

(Львов, Киев, Одесса, Харьков, Горловка)

Дело Пойзнера и др. (Фабрика "30 лет Октября")

Дело Львовского совнархоза

Дело психоневрологического диспансера Львова

Дело Китайгородского

Дело жен работников фабрик Львова

Дело Строительного управления Львова

Дело Акивиса и др.

Дело Шейниса – Глязера и др.

Дело Носова

Дело Шаперштейна

Дело братьев Беркони

Дело трикотажной фабрики Ленинского района

Дело плодоовощного комбината

Дело института легкой промышленности

Дело базы хранения картин

Дело трикотажной фабрики

Дело производственных мастерских Облоно

Дело Горпромкомбината

Дело трикотажной фабрики

Дело Облместпрома

Дело Миллера

Дело Рубинштейна

ГРУЗИЯ

Дело Иткина и др. (Закавказский Военный Округ)

Дело Израэля (Закавказский Военный Округ)

КИРГИЗИЯ

Дело Госплана республики

Дело Гольдмана и др.

ЛАТВИЯ

Дело Розенблюма и др.

ЛИТВА

Дело Резницких – Зисманович

ЛИТЕРАТУРА

ЮРИДИЧЕСКАЯ

1. КОНСТИТУЦИЯ СССР (1960–1967). М., газета "Правда" от 7 октября 1977 г.
2. ЗАКОНЫ СССР и УКАЗЫ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР (1938–1958). Сборник. М., изд-во "Юридическая литература", 1959.
3. ЗАКОНЫ СССР и УКАЗЫ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР (1938–1961). Сборник. М., изд-во "Известия", 1961.
4. ЗАКОНЫ СССР и УКАЗЫ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР (1959–1963). Сборник. М., изд-во "Известия", 1963.
5. ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК. М., Госполитиздат, 1958.
6. НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ОСНОВАМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. М., Госюриздат, 1971.
7. ЗАКОНЫ РСФСР и ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР. М., издание Верховного Совета РСФСР, 1960.
8. ЗАКОНЫ РСФСР и ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР. М., издание Верховного Совета РСФСР, 1964.
9. УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РСФСР. М., изд-во "Юридическая литература", 1970.

10. КОММЕНТАРИЙ К УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РСФСР. М., изд-во "Юридическая литература", 1971.
11. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РСФСР. М., изд-во "Юридическая литература", 1973.
12. КОММЕНТАРИЙ К УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РСФСР. М., изд-во "Юридическая литература", 1963.
13. УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС ГРУЗИНСКОЙ ССР. Тбилиси, изд-во "Сабчота Сакартвело", 1969.
14. ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РСФСР. М., Юриздат, 1960.
15. ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОДЕКС РСФСР. М., изд-во "Юридическая литература", 1972.
16. КОММЕНТАРИЙ К ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОМУ КОДЕКСУ РСФСР. М., изд-во "Юридическая литература", 1972.
17. ВЕДОМОСТИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. М., 1961, №№ 19 и 27.
18. ВЕДОМОСТИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. М., 1962, № 8.
19. УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР № 207 от 5 мая 1961 г. "Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями", за подписями Председателя и Секретаря Президиума – Л.Брежнев и М.Георгадзе (Введение смертной казни за хищение).
20. УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР № 27 от 1 июля 1961 г. "Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях". Подписано Л.Брежневым и М.Георгадзе (Введение смертной казни).
21. УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР № 85 от 20 февраля 1962 г. "Об усилении уголовной ответственности за взяточничество". Подписано Л.Брежневым и М.Георгадзе (Введение смертной казни).

22. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР (1924–1963). Сборник. М., изд-во "Известия", 1964.
23. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР (1924–1970). Сборник. М., изд-во "Известия", 1970.
24. БЮЛЛЕТЕНИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР и РСФСР за 1960 – 1967 гг. Москва.
25. СТРОГОВИЧ М.С. Курс Советского Уголовного процесса. Тт. I, II. М., Юриздат, 1972.
26. АДВОКАТУРА В СССР. Сборник. М., изд-во "Юридическая литература", 1971.
27. БОРЬБА С ХИЩЕНИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА. Сборник руководящих статей. М., изд-во "Юридическая литература", 1971.
28. ТИЛЛЕ А. Действие Закона во времени и обратная сила Закона. Ж-л "Государство и право", № 6. М., 1963.
29. НАСТОЛЬНАЯ КНИГА СУДЬИ. М., изд-во "Юридическая литература", 1972.
30. КАРПЕЦ И. Наказание. Социально-правовые и криминологические проблемы. М., 1973.
31. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. Ж-л, №№ за 1961 – 1967 гг.
32. АДВОКАТ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ. М., Госюриздат, 1954.
33. ГОЛЬДИНЕР В. Защитительная речь. М., изд-во "Юридическая литература", 1970.
34. ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СССР и РСФСР (1917–1952). Сборник. М., Госюриздат, 1953.

34. ПРОГРАММА КПСС. М., Госполитиздат, 1969.
35. В. ЛЕНИН. Очередные задачи советской власти. ПСС., т. IV, М., Политиздат, 1953.
36. ЕВРЕИ И ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД. Ж-л., №№ за 1953–1973 гг. Под ред. Б.Пинкуса и др. Издание Иерусалимского Университета, Иерусалим–Лондон.
37. ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ СССР и РСФСР за 1960–1970 гг.: "Правда", "Известия", "Труд", "Комсомольская правда", "Литературная газета"; "Экономическая жизнь". (См. дополнительно перечисление периодической печати СССР, использованной в работе, в главе "Статистический анализ".)
38. МЕДВЕДЕВЫ Рой и Жорес. Н. Хрущев. Годы власти. [Хероx Universiti Microfilm, Ann Arbor, Michigan, 1975.]
39. НЕИЗВЕСТНЫЙ Э. Мой диалог с Хрущевым. Ж-л "Время и мы", Тель-Авив, № 11, 1979 г.,
40. МАРКИШ С. Не зажмуриваясь. Ж-л "Сион", Тель-Авив, № 2, 1976 г.
41. РАССЕЛ Б. Переписка с Н.Хрущевым по поводу расстрелов евреев в СССР. М., газ. "Правда", № 60/16281/, март, 1963.
42. БААЗОВА Ф. Дело Рокотова. Ж-л "Время и мы", Тель-Авив, №№ 25–26, 1978.
43. СИЗОВ Н. Конец фирмы. Невыдуманная проза. Ж-л "Москва", № 7, 1972.
44. ГУТИНА Н. Двойное дно. Тель-Авив, 1979.
45. ГРОССМАН Вас. Все течет... Франкфурт-на-Майне, изд-во "Посев", 1970.

46. ШАПИРО Леон. Книга о русском еврействе после Сталина. № 3, Нью-Йорк, изд-во "Союз русских евреев", 1968.
47. ШВАРЦ С. Евреи в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1966.
48. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. За железным занавесом. Тель-Авив, газета "Наша страна" от 12 октября 1972 г.
49. ДОКУМЕНТЫ КОМИТЕТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА. Нью-Йорк, 1971–1973.
50. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. 1917–1967. Тель-Авив, "Библиотека-Алия", 1969.
51. РАУХ Г.К. История Советской России. Нью-Йорк, изд-во "Фредерик Прегер", 1962.
52. КОРНИН А. Советская Россия сороковых – шестидесятых годов. Нью-Йорк, 1968.
53. БАРРОН Д. КГБ. Тель-Авив, Effect Publications, 1978.
54. АВТОРХАНОВ А. Технология власти. Франкфурт-на-Майне, изд-во "Посев", 1976.
55. СОЛОНЕВИЧ И. Россия в концлагере. Вашингтон, 1958.
56. СОЛЖЕНИЦЫН А. Архипелаг Гулаг. Тт. 1–7. США, 1973–1975.
57. МАРЧЕНКО А. Мои показания. Париж, "La Presse Libre", 1969.
58. КУЗНЕЦОВ Э. Мордовский марафон. Иерусалим, 1979.
59. ПОРТНОВ А., ФЕДОРОВ Д. Психиатрия. М., 1971.
60. ЧИСТЯНОВ Н. По закону и совести. М., Воениздат, 1979.
61. ТОЛМАЗИН Д. Письмо ученому коллеге. Ж-л "Грани", Франкфурт-на-Майне, 1984, № 134, стр. 269–291.

62. БЕЗАНСОН А. Похвальное слово коррупции. В сборнике "Русское прошлое и советское настоящее". Лондон, "Overseas Publications", 1984, стр. 170–202.
63. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ. Ж-л., №№ 3, 4. М., 1974.
64. НЕДЕЛЯ. Ж-л., № 49. М., 1962.
65. БАРРОН Д. КГБ сегодня. Нью-Йорк, изд-во "Время и мы", 1984.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	9
<i>Глава первая. Сосуществование двух экономик в СССР</i>	18
<i>Глава вторая. Трансформация Закона о применении смертной казни за экономические правонарушения</i>	43
<i>Глава третья. Описание конкретных судебных дел</i>	64
РСФСР (Дела "трикотажников")	65
Украина	147
Грузия	199
Киргизия	252
Латвия	264
Валютные дела	268
<i>Глава четвертая. Статистический анализ.</i>	306
<i>Заключение.</i>	321
<i>Послесловие, или Двадцать лет спустя.</i>	338
<i>Поименный список лиц еврейской национальности, приговоренных к расстрелу за экономические преступления</i>	343
<i>Перечень предприятий и учреждений, сотрудники которых были причастны к правонарушениям, описанным в данной работе</i>	347
<i>Список лиц, давших интервью для данной книги</i>	359
<i>Перечень судебных процессов, описанных в работе</i>	362
<i>Литература</i>	365